

ВИТРАЖИ
литературный альманах

“Лукоморье”
2021

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2021

© Copyright 2021 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-0-9946108-6-7

Design and Artwork:

Graphics:

Robert Shlimak

Cover design:

Joseph Edelman

Zalman Shmeylin

Literary Creative Association

“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia

Melbourne

2021

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

СЕМЕН АБРАМОВИЧ

Доктор филологических наук, профессор, академик НАН ВО Украины. Исследует русскую и зарубежную литературу, в частности – проблемы изучения Библии и ее рецепции в художественном тексте; подробно анализировал творчество Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и В. Я. Брюсова. Ученого занимают вопросы компаративистики и интертекстуального анализа литературы. Профессор возглавляет научную школу «Литературный текст в контексте

культуры: проблемы рецепции и интерпретации».

Перу автора принадлежит ряд поэтических и прозаических сборников, изданных в течение 2008 – 2020 г.г.

Молитва

Человек – это фини на песке

И. Бродский

В холодной тьме воды безмерной,
В районе, помнится, Магриба,
Живет, по книжному поверью,
Двоякодышащая рыба.

Средь хищных звезд и осьминогов
Она сквозит легко и гладко.
Всего-то надо ей от Бога –
Планктон клевать, густой и сладкий.

И в сонной сей абракадабре
Ни вскрика жаркого, ни стона.
И медленно сквозь рыбы жабры
Проходит ток воды зеленой.

Но если, словно лик сатрапа,
Белесой исполинской массой,

Распугивая юрких крабов,
Вдруг обозначится опасность, –

Она прядаёт ввысь, сквозь воду
Пройдя безудержным снарядам,
Взрывается цветком свободы
Над муторным подводным адом.

Облитая слепящим солнцем,
В струях воды биясь, как в танце,
Расправит легкие до донца
С немым восторгом иностранца.

И – снова шлепается в море,
И грузно в дно зароет тело...
Как тпнувший мадеры тори,
Глядит вокруг осоловело.

Но в сонном одуренье мнится:
Господь, сместив привычный вектор,
Тебя читает, как страницу
Незавершенного проекта.

* * *

Сколько же пройдено, Господи, градусов и весей – без счета,
И на избитых ногах ты уже не считаешь засохшие раны.
Но исчерпалась дорога по тверди, и нет поворота,
А пред тобой маслянисто колеблется мрачная гладь океана.

И естество колыхания светом пронизанной ночи
Под ослепляющей тьмой мириадов очей поднебесных
Ты постигаешь. И каждый твой шаг тяжелей и короче.
И расправляет беспомощно крылья надежда воскреснуть.

* * *

В этом городе N, средь брусчатки старинной зыбей,
Где минувшее ткется и тает, как ткань Пенелопы,

Безоглядно взрывается алчущий сонм голубей
От случайного крика иль глупого детского топта.

И оркестра еврейского скрытым рыданьем пьяна,
Дефилирует публика весело в самозабвенье.

Между тем оборвется, крутясь и взвиваясь, струна,
Побросают смычки музыканты, настанет смятенье.

И в синайской пустыне, почти заметённый песком,
Вдруг проступит языческий жертвенник глыбою бурой...

А под жестким, сминающим хрупкие крылья, сачком
Встрепещет Психея, пылая огнем и пурпуром.

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Родился и живет в Минске. Окончил БГУ. Автор 22 поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и многих международных литературных премий. Академик Международной Славянской Академии литературы и искусства (Болгария). Указом Президента Беларуси награжден орденом Франциска Скорины. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии.

Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Всё – поздно, всё – не так...
Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу –
но нету там лица.
И Родину успел, и друга потерять я,
И чёрной полосе
не видится конца.
Ко мне не подходи –
дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом –
и волк вдали завоет...
Но, если я любим,
коснись меня перстом...

Памяти мамы

Птицы громко кричали о том, что ты тихо ушла,
Замолкали на миг... И встревоженно снова кричали.
И не видела света внезапно наставшая мгла.
Только птицы кричали... Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли, но кожа моя запеклась,
И молчанья свинец опалил воспаленное горло.
И гремучий осколок порвал нашу зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой моей крылья простёрла.

И какие-то люди в двойной, непрозрачный чехол
Положили твоё голубое прозрачное тело...
Погасили свечу... Но цветок в изголовье расцвёл,
И неясная сила в тяжёлом бутоне вскипела.

Мы назавтра пришли... Через ужас назавтра пришли...
Там лежала не ты, а твоя оскорблённая брэнность.
И узнать не смогли ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла чёрных дней роковая согбенность.

Почему, почему в этот год всё случилось не так,
Как мечталось, когда стекленели февральские льдинки,
И казался проблемой какой-то извечный пустяк...
А сейчас чередом – поминки, поминки, поминки?..

Будто съёжилось небо со всех погребальных сторон,
И на ватных ногах чуть плетётся согбенное тело.
Но цветёт и не чахнет всё тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно мне мама глядела.

Где цветень июньская? Было да сплыло.
Любимая, видишь, как задекабрило?
На ветках – пороша, на окнах – пороша,
И вороны каркают по-скоморошьи.

Я всё повторяю: «Любимая, где ты?»
Ведь даже пропетые песни не спеты...
Хоть поздняя осень весну повторила,
Любимая, видишь, как задекабрило?

Грачи улетели... Но всё же, но всё же
Перчатка не льнёт к цепенеющей коже.

И чувствуешь – что-то в душе не остыло...
Любимая, видишь, как задекабрило?

Не тает ледок. Минус три. Воскресенье.
От собственной памяти нету спасенья.
Друг к другу манит нас какая-то сила...
Любимая, видишь, как задекабрило?

ДОЖДЬ

А на улице дождь... ождь...
А за окнами гнусь... усь...
Ты ко мне не придёшь... дёшь...
Я к тебе не вернусь... нусь...

Занавешу окно... но...
И нашарю свечу... чу...
Нынче в душах темно... но...
Я об этом молчу... чу...

Намокают зонты... ты...
Повторяется вновь... овь...
Остаёшься лишь ты... ты...
Остаётся любовь... вновь...

В этом мире разлук... звук...
От капли невмочь... ночь...
Мне бы ласковых рук... круг...
А не в силах помочь... прочь...

Это кто там шагал?.. мал...
Возле чёрных дорог... рок...
Ну а после пропал... пал...
Кто ему не помог?.. Бог...

Наступает такая пора –
Золотая пора листопада.
Кроме спички и кроме пера
Ничего-то мне больше не надо.

Спичкой нервной чиркну в ночи,
Подожгу эти нищие стены...
Про пожар – не звони, не кричи,
В нём все фразы, что не сокровенны.
Всё что лгало в красивости строк,
Все наброски в набухшей тетради,
Всё что прежде не смял и не сжёг,
Что явились напрасности ради...

Пусть огонь шуганёт в облака,
Выше мрака, обмана превыше.
Пусть останется только строка,
Да перо еще строчку припишет.
Если выживут, значит судьба...
Выжить – больше, чем смертная кара.
И торчат, как печная труба --
Там... На огнище... После пожара.

Ветер выл... Из окон сильно дуло.
Босиком... По лужам... Через грязь.
Незаметно детство промелькнуло,
Ну а следом юность пронеслась.

Тихо жил... Грешил не много вроде.
То любовь... То книжки... То дела.
Всё страшился – молодость проходит,
А уже и зрелость отошла.

И лицо у женщины не рдеет,
Если в лифте встретится со мной...
Мне всю жизнь казалось, что согреет
Родина и стужей ледяной.

Что не может Родина по-волчьи
Поднимать отступников на щит.
Мне казалось – Родина и молча
Говорит со мною, говорит...

А теперь всё спуталось навеки,
Глаз влажнеет, прошлое двоя.
И любимой вздрогнувшие веки –
Это нынче Родина моя.

Сверкнёт в ладони огонёк,
Погаснет вдалеке...
Мы – спички... Каждый одинок
И спрятан в коробке.

Бренчим... Не скажешь: «Не хочу!...»
Черкнут о злой фосфор...
Кому-то зажигать свечу,
Кому-то -- жечь собор.

Этот мир, мучительный и грешный,
Эта, в боль струящаяся, даль...
Всё пройдет... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, и дальше напрямки.
Всё пройдёт... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Непременно станет синей ранью
То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез.
И кого-то снова не заметят,
Что прошёл... И в сумерках исчез.

ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ

Родился в 1946 году. Поэт, прозаик, переводчик. Один из основателей содружества СМОГ. Публикации в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Континент», «Огонек», «НЛО», «Новый Берег», «Дети Ра» и др. Лауреат премии Андрея Белого.

Живет в Москве и Коктебеле.

* * *

Лишь затем, чтоб под ветром встать,
Сохраняют деревья силы –
И доспехи роняет рать,
Под корой напрягая жилы.

Желваками бугры вокруг
Перекатываются редко –
Разве кто-то окликнет вдруг,
Под подошвами хрустнет ветка.

Кто земных не носил вериг,
Тот ни вздоха не знал, ни взмаха, –
И закопан по горло крик,
Чтоб не выдал прохожим страха.

Отродясь не увидит тот,
Кто ночного не ведал хлада,
Как из сотов густых растёт
Ощущенье пустого сада.

Под горою приют найди
У реки или чуть поближе –
Если сердце живёт в груди,
Я глаза твои сам увижу.

Хоть слова различи во мгле –
Неужели не понял сразу
Полусонных огней в селе
Фризом вытянутую фразу?

Разгадать бы в который раз
Этой трепетной стон округи! –
Вроде, ты и фонарь припас –
Может, вспомнишь ещё о друге?

* * *

Ну вот и вечер – сизый дым
Роднит костры по всей округе
С каким-то светлым и пустым
Пробелом, брезжущим на юге.

Собаки лают – знать, прошёл
По этим улицам пустынным
Дурманный запах вязких смол,
Наполнен смыслом половинным,

Недобрым привкусом смутил,
Не удержался от намёка –
И небо мглою охватил,
Запеленав его с востока.

И кто мне скажет – почему
Оно так хочет обогреться –
Как будто холодно ему,
Да никуда ему не деться?

Как будто тянется к нему
Земля с закрытыми глазами
И мнит: неужто обниму? –
И заливается слезами.

* * *

Набухли глазницы у каменных баб –
Не плачут, но будут и слёзы, –

Открыты их лица, хоть голос и слаб,
А в сердце – сплошные занозы.

Ах, женская доля! – опять ни вестей,
Ни слухов о тех, что пропали, –
Никак не спастись от незваных страстей,
Поэтому камнем и стали.

О том говорю, что не выразишь вдруг
Ни тайны – ведь нет ей предела, –
Ни силы забвенья – ему недосуг
Тревожить усталое тело.

О том говорю, что в душе прорвалось,
Чему поклоняемся ныне,
Зане прозреваем, – и вам не спалось,
И вы пробудились, богини.

Уста разомкни и его назови –
Ведь ждёт и очей не смыкает, –
Нет имени тоньше, чем имя любви, –
Так часто его не хватает.

И вот он откуда, сей давний недуг,
Собравший всю боль воедино! –
Пойдём – я с тобою, – так пусто вокруг,
Так тесно крылам лебединым.

* * *

Разметало вокруг огоньки лепестков
Что-то властное – зря ли таилось
Там, где след исчезал посреди пустяков
И несметное что-то роилось?

То ли куст мне шипами впивается в грудь,
То ли память иглою калёной
Тянет нить за собой – но со мною побудь
Молодою и страстно влюблённой.

Как мне слово теперь о минувшем сказать,
Если встарь оно было не праздным?
Как мне узел смолёный суметь развязать,
Если связан он с чем-то опасным?

Не зови ты меня – я и рад бы уйти,
Но куда мне срываться отсюда,
Если, как ни крути, но встаёт на пути
Сентября молчаливое чудо?

Потому-то и медлит всё то, что цветёт,
С увяданьем, сулящим невзгоды, –
И горит в лепестках, и упрямо ведёт
В некий рай, под воздушные своды.

Лепестки эти вряд ли потом соберу
Там, где правит житейская проза –
Бог с тобой, моя радость! – расти на ветру,
Киммерийская чёрная роза.

* * *

Багровый, неистовый жар,
Прощальный костёр отрешенья
От зол небывалых, от чар,
Дарованных нам в утешенье,
Не круг, но расплавленный шар,
Безумное солнцестоянье,
Воскресший из пламени дар,
Не гаснущий свет расставанья.

Так что же мне делать, скажи,
С душою, с избытком горенья,
Покуда смутны рубежи,
И листья – во влажном струенье?
На память ли узел вяжи,
Сощурясь в отважном сиянье,
Бреди ль от межи до межи,
Но дальше – уже покаянье.

Так что же мне, брат, совершить
Во славу, скорей – во спасенье
Эпох, где нельзя не грешить,
Где выжить – сплошное везенье,
Где дух не дано заглушить
Властям, чей удел – угасанье,
Где нечего прах ворошить,
Светил ощущая касанье?

* * *

Разъединённые в сумятице мирской,
Утратили способность мы к сближенью,
А это значит – жизни продолженью,
И звенья сдерживаем россыпи людской
Уже с усилием – вот-вот и разорвётся
Цепь связей наших – и пойдёт разброд,
Где, хаос не приемля, небосвод
Над новой смутой горько усмехнётся.

Увидев то, что только нам дано
Увидеть было – долгую неволю,
И всё, что с веком выпало на долю,
И то, что в сердце было сожжено,
Познали мы немалую печаль,
Но знания такого, видно, мало
Нам было, – вот и терпим, как, бывало,
Терпели в дни, которых, впрочем, жаль.

И ждём чего-нибудь, да только вот – чего?
Не то что радости – спокойствия хотя бы,
Шагаем через ямы да ухабы,
А рядом нету никого,
А рядом пусто, пусто и темно,
И ночь вселенскою нам кажется порою –
И то нас тянет вроде к Домострою,
А то затягивает скверное вино.

И нет возможности сдержать разлад и бред,
Скрепить мгновения хотя бы нитью тонкой, –

Уже и почва под кислотной плёнкой
Натужно дышит, и белёсый след
Солей несметных вытянулся вдоль
Земной оси, засыпал все широты –
И Млечный Путь настиг у поворота,
Где живы всё же – Дух, Любовь, Юдоль.

ЯН БРУШТЕЙН

Родился в 1947 году в Ленинграде. Работал в областных газетах и на телевидении, кандидат искусствоведения. Автор девяти поэтических книг. Лауреат конкурсов им. Н.Гумилёва, Н.Некрасова, премии «Поэт года». Живет в Иваново.

ПОЛУСТАНОК

Женщина пела на полустанке,
Голос был хриплым, но вёл он точно.
Мятая, синяя после пьянки -
Было ей сладко, и было тошно.
Люди и нелюди пёрли мимо,
Злые и скользкие, словно мыло.
Бомжик, в тельнике наизнанку,
Дал ей китайской тушёнки банку.
Мы же, солдатики-первогодки,
Время сжигавшие в эшелоне,
Лили холодную злую водку
Прямо в подставленные ладони.
Где же мораль? Вот и нет морали.
Наш эшелон пересчитывал шпалы.
Мы под гитару всю ночь орали:
«Счастье моё, ты опять запоздало...»

ПО ОБЛАКАМ ПЕРНАТЫМ...

Наверно, там, где все мы будем вечно,
Мои собаки и мои коты
Замолвят за меня своё словечко
Без пафоса и брэнной суеты.

Поскольку будет времени навалом,
Покуда перечтут мои грехи,
Мы пролистаем нашу жизнь с начала,
Освободив от всякой шелухи.

Пусть ангелы считают каждый атом -
Мы в небе растворимся без следа,
И побежим по облакам пернатым,
Не дождав решения суда.

ДОМ И ЛЮБОВЬ

У нашей собаки есть ошейник со стразами
И поводок-рулетка.
У нашей собаки есть личная миска,
Плащик для дождя и тулупчик для холодов,
И даже нелюбимый,
Но полезный меховой “кипишон”.
Есть у неё и тёплая постель с ярким пледом,
Которую мы называем корытом.

Но самое главное -
У нашей собаки есть дом и любовь.
Потому что никакой ошейник,
Даже со стразами,
Не заменит собаке дом и любовь,
И возможность залезть под одеяло
К тёплой маме.
– Если бы вы меня не нашли,
Я бы так и умерла несчастной! –
Часто говорит наша собака.

Она уже сильно не молодая,
И ангел, забирающий собак в другой мир,
Порой шаркает крылом по нашим окнам,
Проверяет – не пора ли...
А мы, обнимая, держим нашу собаку
Изо всех сил.
Но когда она всё-таки уйдёт,
Мы, горя, будем знать,

Что её душа
(И не рассказывайте нам, что у собак нет души)
Останется вовеки счастливой.

Эти стихи (а это стихи!)
Продиктовала мне наша собака,
И слёзы текли из её огромных глаз
По невозможно выразительному лицу.

* * *

Солнце бедных просыпается раньше всех,
Чай пьёт наскоро, в сумку кладёт бутерброды,
И ещё до рассвета выходит с рабочим народом
В дым дешёвого курева, ругань и смех.

Ну, а солнце богатых – оно никуда не спешит,
Разве что посветить на бездушной ночной вечеринке.
Или в клубе, где солнце бедных бьётся на ринге,
Растворяя в крови неподсудный остаток души.

Ночь бездумна, безумна, лицо после драки горит,
Солнце бедных смывает пылицу, хватает спецовку,
И - опять на работу, шагнёт широко и неловко.
Держит небо, и с грешной Землёй говорит.

* * *

Это осень, господа!
Это ветер с Ленинграда
Гонит облачное стадо
К нам, в слепое никуда.

Говорит мой пёс: «Беда,
Стынут лапы, мокнут уши!»
По двору летят старухи,
Исчезают навсегда.

Вот такая ерунда –
Бесполезно здесь кусаться...

Настигает ленинградца
Ленинградская вода.

АНГЕЛЫ ЗИМОЙ

Наутро ангелы проснулись на ветвях.
Они смеются, чистят пёрышки, щебечут...
Их тихий мир привычен, взвешен, вечен,
Но беззащитен на лихих ветрах.

А если рухнут спелые снега,
И отстегают ледяные вихри -
Покажется, что небеса притихли
От этой поступи холодного врага.

Мы ж, люди, ладим свой короткий век,
И каждый раз встречаем потрясённо
Застывший зимний день,
 слепой, глухой и сонный,
В котором потерялся человек.

А что же ангелы - давно упали в сон,
Перезимуют в дуплах и застрехах.
Неведомы им наши взрывы страха,
Посапывают с вьюгой в унисон.

Весной проснутся, вспыхнут над землёй,
И встретят всех, не выживших зимой.

* * *

Земная красота невыносима.
Пока моя берёза не одета,
Я понемногу выдыхаю зиму,
Легко вдыхая будущее лето.

Куда б меня ни гнало, ни носило,
Везде искал не золота, а света.
Порой ломался, выживал насилу,
Искал вопросы - находил ответы.

Что слёзы городского человека,
Когда шагнёт он в мир другой, белёсый,
Но всё же обернётся, уходя -
Его удержат хлебный запах ветра,
Земная красота, моя берёза,
И дом в объятых лёгкого дождя.

ВЫГОРАЯ ДОТЛА

Как бы ни было холодно в нашей стране,
Мы согреем друг друга последним теплом.
Не бывает судьбы веселей и странней,
Чем бороться с добром и мириться со злом.

На излёте стрелы, на изломе веков,
В том краю, где пустой не бывает судьбы,
Мы теряем друзей и находим врагов,
И не прожитый день отдаём без борьбы.

Только петь, даже если дыхания нет,
Только жить - даже если свеча оплыла,
Не надеясь, что тихий останется след,
Выгорая дотла, выгорая дотла.

* * *

Скупые времена достались простофилям,
А я беру собаку и ухожу во тьму,
И жёлтая луна, как одноглазый филин
Бесмысленно летит по следу моему.

А морозящий дождь нам добавляет мрака,
И всё же страха нет, хотя фонарь погас.
В любые времена, когда с тобой собака,
Легко дойти туда, где ждут и любят нас.

* * *

Там, где мы играли с пустотой,
Берег был заросший и простой.
По воде бежала водомерка,
Проплывали рыбы в черноте,

Карта неба плавилась и меркла,
Звёзды загорались, но не те.

Это был не наш, но славный мир,
В детстве весь зачитанный до дыр,
Мы о нём мечтали, забывая.
Мальчик, сквозь кусты сбегу к реке,
И, лягушек разогнав у края,
Поплыву, и скроюсь вдалеке.

А на берегу смешная тень
Будет плакать, провожая день,
Зная: отражение остыло.
Небо громыхнёт издалека...
А вода - она давно забыла
Слёзы на глазах у старика.

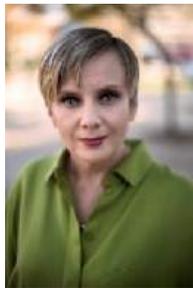
ВОДА В СТАКАНЕ

На закате сгорит облаков череда,
Задрожит от испуга в стакане вода -
Всё почувствует мудрая влага.
Для того ли немислимый разум ей дан,
Чтобы страхом и трепетом полнить стакан,
В час, когда не поможет отвага.

И она, как антенна, всё ищет волну,
И проходит сквозь стену, и рыщет по дну,
Там, где стонет подводная лодка,
Где людей обращают в моллюсков и рыб,
А они и любить, и скитаться могли б,
Только жизнь оказалась короткой.

Что за странность - томиться в тюрьме из стекла,
Но услышать, как чья-то душа истекла
Из пробитого сильного тела,
Видеть красный ручей, пробежавший к реке,
И завидовать капле на мёртвой руке,
Потому что с небес прилетела.

ДИНА БЕРЕЗОВСКАЯ

Родилась в Крыму. Закончила филологический факультет Крымского государственного университета. В Израиле с 1995 г., живу в Беер-Шеве. Автор книги стихов "Луковое счастье". Публиковалась в Израиле, России, Германии и Бельгии. Лауреат конкурсов "45-й калибр 2020", "Эмигрантская лира 2020".

* * *

Пятнадцать, беспричинно грустно,
поездка в Питер, все дела.
Там все глазели на искусство,
а я смотрелась в зеркала.

Нездешней редкостной работы
дитя, пробор наискосок -
в тисках облезлой позолоты
дворцово-парковых красот.

И старше комнаты янтарной,
уже способный клеветать,
тот взгляд ребячливо-коварный,
врождённый, счастливо-бездарный,
как аппарат вестибулярный,
что позволяет мне летать.

В изъянах амальгамы тесной
ещё один случайный след:
все червоточины и бездны -
той тонкой девочки небесной
янтарных конопадцать лет.

И в том секрет её печали,
что, ничего не говоря,
она любви не обещает,

но каждым взглядом превращает
её в осколки янтаря...

* * *

Как ожог искры трамвайной,
как гаданье по руке,
в вашей памяти случайной
я застряну в уголке,
как очки без левой дужки,
что забыты между книг,
как надбитые ракушки
“Не забуду Геленджик”...

Может быть, в преддверье рая,
в забытыи и седине,
пыль на полке вытирая,
ты заплачешь обо мне.

* * *

Кроссовки свалены в прихожей
бродяг, студентов и солдат -
о, рай нестиранных одёжек
детей, пришедших на шабат,

в уют продавленных диванов
на свалке заднего двора,
где, словно старая мембрана,
трещит на лампе мошकारа.

Аптека, банкомат и почта -
на город, вечно выходной,
сухая меловая почва
ложится ранней сединой,

а стоит отойти немного,
полшага заступить за край -
и обрывается дорога,
асфальт, надежды и вай-фай.
Незримо патина ложится

на мир, аптеку, банкомат,
на их потерянные лица,
детей, пришедших на шабат...

* * *

Где замирает звук любой
от зноя, словно от испуга,
где приусадебной рабой
усердно трудится пичуга,

где в запустении ветвей,
в углу, у самого забора,
запутался воздушный змей
в густой щетине сикомора,

где позабыта, как всегда,
в угоду модному роману,
из шланга праздная вода
течёт неведомо куда,
из-под калитки - к океану,

где я, как суетный щегол,
счастливым заклинаю случай
твоею утренней щекой,
так сикоморово колючей,

там сад, что завтра будет пуст -
но нет прочнее и привычной
ежевечерних этих пут,
прощальных, сладко-ежевичных...

* * *

Что поделать - не былинна,
не отмечена судьбой -
бесприютная билингва,
всё своё ношу с собой:
что шептала я украдкой,
говорила с кондачка -
завалилось за подкладку

расписного рюкзачка,
скрип и дзиньканье трамвая,
"передайте на билет" -
вся среда языковая,
та, которой больше нет,
та, что ласковым ворчаньем
заполняла пустоту,
та, с которой мы случайно
разминулись на мосту...

Во дворе соседки Дафны
воробьи впадают в раж,
апельсин цветёт и пахнет -
поселковый флёр д'оранж,
и полны небесной речью,
мне неведомой пока,
молчаливы и беспечны,
дождевые облака.

Такси

В нашем городе сядешь в такси - каюк,
если надо на север - везут на юг,
мимо речки петляет таксист и облезлых клумб,
и не ради наживы, он просто в душе - Колумб.

На восток и запад планида его влечёт,
дальних странствий запах, опасности, чёт-нечёт,
он из точки А не готов, покорясь судьбе,
плыть до вечной конечной гавани - точки Б.

Спальный город шабатной скукою занесло,
день ложится бурой накипью на стекло.
Есть ли жизнь на Марсе, на дальнем витке Багам,
за пределами улиц Бялика и Рамбам?

Он везёт меня - угрюмой таксиста нет -
черепашой в трюме, балластом ушедших лет,
чтобы мне, огибая землю, к тебе во сны
приплывать всегда с неожиданной стороны...

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в городе Среднеуральске. Окончил УПИ. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений – "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах: первый – "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет; второй – роман-дневник в сонетах – "Тезей".

Ещё в лианах прошлое Макондо,
южнее - танго, севернее - рондо,
И от него расходятся круги,
Единожды грядущему солги,-
Затянется, что петелька, на шее,
Цыганщина - поверить ворожее,
Е-аться, не снимая сапоги. -

То мальчики, то девочки в родне,
Публичный дом повыше, в глубине
Заросшего камнями переулка,
Расстрел в Макондо - пешая прогулка,
Опаснее участвовать в войне,
Ребёнка завести на стороне,
Но воздух по утрам! - так пахнет булка...

Так что смутило деревенский быт,
Чей призрак одиночеством убит?-
Мне кажется, что отреченьем Евы,
И птичьи трели - Кто вы?-чьи вы?- где вы?-
Не заменили яблоко и плод,
Столетие сворачивая в год,
Она спешит в Макондо из Женевы.

Ты новая Офелия, трава -
Мокра, и где белая - внутри черна,

И в любишь и не любишь отыграла,
Похоронила эллина и галла,
Укрыла дно, сравнила скаты рва,
И оказалась веку не верна -
Наутро после заморозка пала.

Я помню зелень - все оттенки лжи,
Когда увещеванья не нужны,
Вернее - бесполезны и нелепы,
И ты в цвету, и небо голубое,
И облако лобуется тобою,
И под водой и Китеж и Кижы,
И купола подводные нежны,
И время укорачивает скрепы.

И мы падём - уже ржавеет медь,
На белое не хочется смотреть,
И все оттенки выпали из спектра,
Но больше не Офелия Электра,
И под воду укрыться не посметь,
От зелени во рву едва ли треть,
И хочется гексаметра и метра.

Окарина

Издалека видна гора Чека,
Она - как дар последнего глотка,
Когда ты шёл по отмелям пустыни,
Нет, - первого, когда кругом цветёт,
И сходит в ноосферу целый год,
И хочется сыграть на окарине,

На вдохе или выдохе твой звук?-
Петь на ветру, не покладая рук,
Не дудочка, но мыслящая глина,
Как далеко свой мир следит гора,
И вечность прикорнула до утра,
Но продолжает выдох окарина.

Так вверх идёшь, как будто не подъём,
Но воду из источника мы пьём,
И хочется напиться, надышаться,
Подняться и объять всю глубину,
Но на вершине в музыке тону,
И окарине некуда деваться -

Она звучит всё чище, в унисон,
И степь с рассветом сбрасывает сон,
Гора над степью выдыхает длинно,
Гудит тысячелетняя струна,
От неба отражается волна,
И ноту повторяет окарина.

Итальяскому клену

Привет тебе от наших спящих рощ,
Где в толще снега дремлет древний хвощ,
И зреет майский жук неторопливо, -
Ещё коры чернеет полоса,
И небо тяжелей на полчаса,
И жимолость печальней, чем олива, -

И горше, и раскатистей во рту,
И, словно птица, стынет на лету
Тень облака, тень дерева, тень вдоха, -
Мгновение - и ты перенесён
Туда, где небо обнимает клён,
И где с тобой встречается эпоха

Кинжала и картин на потолках,
Где грация не в торсах и руках,
Но в форме католичества, смиренья,
Где в жажде есть всегда двойное дно, -
Так яду послевкусие дано,
Искусству - одиночество и зренье.

Так Анджело сказал про купола -
Их повторить - история мала,
Ни времени не хватит и ни духа,

Но клён стоит, и крона то пуста,
То, словно ангел с чистого листа
Творит её из воздуха и слуха –

И шелест обращается в хорал,
Где купол неба фрески разобрал –
На запад – рыж и исчерна – к востоку,
А к югу – медь, зелёное, лазурь,
И путь от нас к тебе – путь зимних бурь,
И поздний лист слетает к водостоку.

Плыви, кораблик! – близок наш исток, –
Куда б ни относило лепесток,
Я помню очертанья колыбели,
Здесь вырос клён, – как некогда авгур, –
Ловлю переплетение культур,
Когда в пространстве проступают ели.

Всё чётче, все отчётливей – темней,
Позёмка вслед за промельком саней,
И поперёк – следы больших животных,
И нет ни вечной зелени картин,
Ни каравелл, каракк и бригантин
На зимних, остывающих полотнах.

Серебряный Век

Кровавый век стал веком серебра, -
Не Ева появилась из ребра,
Но смерть преобразается в искусство, –
Газеты, фотографии, балет,
Трагедию, комедию, памфлет, –
Иллюзию, историю и чувство. –

И то, что было пуля и подвал,
Пиит в поэму преобразовал, –
Иван Бездомный – слышали такого? –
В смирительной рубашке, колпаке,
Но – с шапочкою мастера в руке,
И девушкой, что близилась грозиво. –

Из этих слов и вырос новояз,
К нему потом добавилось «карасс»,
«масон», «монада», «йога», «камасутра», –
Не кукушата, но птенцы гнезда,
Где в рост пошла потухшая звезда,
Когда заря позолотила утро.

Но солнце, совершая оборот,
Тем самым покидает некий грот,
Где в красках дня не обнаружить смысла,
При вспышке выгорает серебро,
Над пропастью склоняется перо,
А кажется, что музыка зависла.

Полёт валькирий нежностью кровав,
Над веком ни надгробия, ни трав –
Ещё этаж, стропила, поднебесье,
Лёт на метле и пламень в волосах,
«Ужели только полночь на часах?» –
И в ангелах проглядывает бесье.

И мы преобразимся без затей
В искусственную ярмарку страстей,
Не музыку, но призрак бурелома, –
Когда-нибудь... – но, собственно, – уже, –
В набросок над разводами верже,
Застывшую поверхность водоёма.

Ужель зима?- подобие зеркал,
У века появляется оскал,
Окалина, искусственные вены,
И бешенство не только у лисиц,
И серебро, как снег, ложится ниц,
И после века необыкновенно.

Химера

Все мостики, которыми ходил,
На самом деле были без перил,
А иногда и не существовали,
И, если задержусь на перевале,
Смогу увидеть те, что над водой,
Над пропастью, судьбой, над здравым смыслом,
Над юностью, что доверяла числам,
Но более всего - над пустотой
Конечности гармонии, клубка,
Казалось миг назад - ни ветерка,
Но вот уже почти зазимовали,
И вот что происходит в интервале
Рождения и смерти - переход,
И я, как после ночи гугенот,
Теперь скажу, что стоило обедни
И побуждало скареда на бредни -
Как лист растёт и как летит перо,
И пусть определение старо,
Но мост прозрачен, комната пуста,
И жизнь - химерой чистого листа.

ЮРИЙ ВАЙСМАН

Родился в городе Калинковичи, что на Белорусском полесье. Окончил Рижский Политехнический институт по специальности инженер-строитель. С 1994 года живёт в городе Мельбурне.

Автор двух сборников: «Исповедь» (1989) и «Рубикон» (1991). Стихи публиковались в «Литературной газете», альманахе «Витражи», газете «Интеллигент», в поэтическом альманахе «45-я Параллель», в журналах «Новая Немига

Литературная», «Крещатик», «Белый ворон», на порталах «Русская литература Австралии» и др.

Декабрь. Иней на погосте
В лучах луны подобен льну.
Зима и смерть играют в кости,
Людские жизни на кону.

С улыбкою в глазах раскосых,
Они обдумывают ход,
Пока нас косит високосный,
Две тысячи двадцатый год.

И мечется душа живая,
Гадая, как свершился суд,
Молясь, надеясь, уповая,
Что чашу мимо пронесут.

На мир рассеянно глаза,
Под трель пастушьего рожка,
Мы прозевали, ротозей,
Как исподволь, исподтишка

Нас, не заметивших подвоха,
Не разумеющих игры,
Взяла в заложники эпоха,
Летящая в тартарары.

Их позывные - пароходные
И паровозные гудки,
Они - бастАрды безысходности,
Степные пасынки тоски.

Портрет Шульженко и Утесова
Каюте придает уют.
Работают каменотесами,
Сезонно, а зимою - пьют.

Переселяются в котельные,
Адепты копоты и тьмы,
По вечерам стирают тельники,
Протертые до бахромы.

Видать, им суждено - предтечею,
От века - супротив рожна!
Так исчезает соль Отечества,
Страною посланная на...

Поэзия - косноязыка,
Хоть в этом нет ее вины.
Смотри, как мУзыка - музЫка
Рождается из тишины,

Где ты, нелепо и убого,
Как маленький слепой щенок,
Ползешь, не замечая Бога,
Туда, куда укажет Бог.

ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ

Родился и вырос в Ярославле. Начав играть на гитаре в 10 лет, 5 лет занимался классической музыкой. Первую песню написал в 1988 году. Впервые вышел на сцену в 1989. Участник концертов и конкурсов авторской песни в России. В «лихие» 90-е отметился на филфаке ЯГПУ им. Ушинского. С 1998 по 2007 жил в Новой Зеландии. С 2007 живет в г. Мельбурне (Австралия). В архиве автора около 170 стихов и песен. Тексты публиковались в альманахах

«Крещатик», «Белый ворон», «Австралийская мозаика», «Витражи», «Воинская слава» и «Поэт года». Песни звучали в эфирах радиостанций «Эхо Москвы», «SBS», «Бард-радио». Несколько песен вошли в альбомы «Солдатской студии» В.Петряева. Выступал с сольными концертами в Веллингтоне, Окленде, Сиднее, Мельбурне. Номинант премии «Поэт года», призёр сетевых литконкурсов (в т.ч. Грушинского 2014). Издано на CD 4 авторских альбома. Основные интересы – ведическая культура Индии, история второй мировой войны.

Ярославль. Поздняя осень

Осенённый синим небом,
Убелённый белым снегом,
Ярославский поздний вечер за окном.
В гравировке тонких веток,
В зыбкой грани тьмы и света
Серебрит одно снежинок толочко.
По-над Волгою-рекою,
По-над Туговой горою
Синева-сирень, да редкий блик звезды.
На Руси былую славу,
На десницу Ярослава
Пало марево простуженной воды.

Бередит седую хмарь
Тень прохожего-бродяги,
Расписавшего следами пелену.
Сизарю с багряным оком
На шатре Ильи Пророка

Этой ночью спать досталось одному.
Дотемна устав от люда,
От шагов и пересудов,
Мир венчают уцелевшие кресты.
Над свинцом волны, как мысли,
Берега сомкнув, нависли
Молоком зимы размытые мосты.
Познобив, полихорадив,
Лёгкий плед сойдёт, изгладив
Все неровности дорог и бытия.
Белый ангел не осудит,
Снег надежд знаменьем будет,
Вновь и вновь в него так свято верю я...

Верю в то, что как-нибудь
На углу Борисоглебской
Встанут Фениксом из пепла купола,
И в рождественскую стужу
Город, вьюгами простужен,
Благовестом перельют колокола.

На Даманском опустели
Танцплощадки, карусели,
В темень манит тёплых баров кутерьма.
Осень тает, на ночь глядя,
Ночь - в снегу, фужер - в помаде,
А на улицах - почти уже зима.
Спят иссякшие фонтаны,
Стала вычурной и странной
Грациозность в бронзе вылитых подруг.
Скоро-скоро утром ранним,
Став на год воспоминаньем,
Осень дальним рейсом тронется на юг...

И седой от слёз вокзал,
Провожать людей привыкший,
Не заметит в многоликой суете,
Что покинула его,

Всё на свете позабывши,
Дева Осень в припорошенной фате.

Захватчик (публикуется с сокращениями)

Из стен цитаделей,
Из хижин, селений и стойбищ,
В погоне за счастьем,
Однажды, в неведомый век,
Сливаясь, как капля,
С дождями бесчисленных полчищ,
Отправился в путь
Неприметный на вид человек.

Он не был похож
На жреца, короля, или принца,
Он в жизни не пробовал пищи
С узорчатых блюд -
С серпом и сохой
В чистом поле привык он трудиться,
И не был знаком ему
Пышных покоев уют.

Совсем не хотел он
Погибели рас и народов,
И мир поднебесный
Не жаждал увидеть у ног -
Гнетущая бедность
Его подневольного рода
Кормильца заставила
Бросить родимый порог.

Его ободряли родные,
Друзья и соседи,
Его вдохновляли долины
Его праотцов,
Ему звездочёты
Пророчили силу медведя,
Выносливость барса,
И разум седых мудрецов.

Его наставляли
Посулами быстрой наживы,
И дети его у дверей
Провожали гурьбой.
Нехитрый дорожный припас
Завязав бережливо,
Ушёл он, с тоскою
Махнув домочадцам рукой.

В день первой же битвы,
Давясь своей собственной кровью,
Сжимаясь от ужаса,
Прячась за грубым щитом,
С ликующим воплем
Он тою же самой рукою
С убитого срезал
Пузатый кошель с серебром.

Со временем он наторел
В ремесле кровожадном,
Резонно считая трофей
Безраздельно своим,
Со временем мир
Стал казаться ему безотрадным -
Он шёл за богатством
Под небом, от пепла седым.

В кровавых потоках
Поножи его увязали,
В горячем азарте
Коней бил он иглами шпор,
Он мчался галопом,
И спину его лобызали
Страдания, гибель,
Лишения, ужас и мор.

Всё дальше и дальше -
И тот не батрак, не вельможа

Уже облачён в чужеземный,
С насечкой, доспех,
Булатный клинок
Туго втиснут в чеканные ножны,
И, стало быть, за руку схвачен
Желанный успех.

Всё дальше и дальше...
Стираются в памяти лица...
Уж сколько ни думал -
Не смог вспомнить голос жены,
Но он всё шагает вперёд
От границы к границе
Опасными тропами
Дальней, чужой стороны.

И что там семья,
Если злые военные боги
Мечты воплощают всё чаще,
И даже вдвойне!
И больше не снится
Покинутый дом у дороги -
Во снах лишь осады,
Да звон вожделенных монет.

Вот так обогнул он ядро
Задымлённой планеты,
В прислужниках смерти
Всегда оставаясь живым,
И годы спустя,
Неизвестно, зимой или летом,
Но всё же вернулся он
К стенам своим дорогим.

За ним, уходя в горизонт,
Шли повозки с шелками,
Шли тысячи сильных рабов
Под железным ярмом,
Верблюды, гружённые золотом,

Снедью, мехами,
Корицей, алмазами, воском
И терпким вином.

Но что он увидел?! -
На месте отцовского дома
Чернело пожарище,
Смрад источая и боль,
И вот, не сумев удержать
В горле горького кома,
Солдат поседевший
Горячей умылся слезой.

Так долго стоял он,
Взирая невидящим взглядом
На страшные веи
Бессмысленно прожитых лет,
Стоял он, а в глине дороги,
Змеящейся рядом,
Безвестных захватчиков
Виден был высохший след.

ИОСИФ ГАЛЬПЕРИН

Родился 23.02.1950, живу в Болгарии. Стихи переведены на болгарский и итальянский языки, публиковались в альманахах и коллективных сборниках, в московских изданиях, в журналах “Стрелец” (Москва-Париж-Нью-Йорк), “Крещатик”, “Зарубежные задворки” и

«Семь искусств» (все — Германия), «Литературная Америка» (США), «Светотени» (Чехия), «Склянка часу» (Украина). Вышло десять книг стихов (Уфа, Москва, Санкт-Петербург, Москва-Париж-Нью-Йорк), последняя - “На берегу реки, которой нет”, 2020. Издано шесть книг прозы. Лауреат первой премии конкурса “Писатель года 2015” Российского союза писателей, первая премия на Международном фестивале «Созвездие духовности» (Киев, 2019). Первое место на конкурсе поэтов-эмигрантов “Эмигрантский вектор” фестиваля “Эмигрантская лира – 2020”, Лауреат первой Чеховской премии (2017).

Андрею Сергеевичу СМИРНОВУ

В беспробудных лесах от Амура до Рейна,
четверть шара земного параболой сжав,
как древесного угля слепое горенье,
накопилась энергия диких держав.
Столько смуты не выдержать миру и Риму,
и, степную гиперболу переварив,
волны хаоса бились неукротимо,
шли на Прагу, на приступ и на прорыв.

Корчевали, потом воевали так долго,
что опять зарастали осиною поля,
а в степи разливались от Ганга до Волги

бессловесные полчища -
перекати-Земля.

Не опознан, уходит пастух-земледелец.
Затопив материк, повторяет вода
диких предков пожар по саванне Сахейля,
оставляя на дне валуны-города.
Снова степь, снова лес – не написана книга,
человечество спит, беспробудно молча.
Зреет в тесном скиту слово архистратига,
бьётся в гулкой пещере пророка свеча.

Если слово горит – не нужна позолота,
но под пыткой огнем безответны леса.
Красной нитью свяжи торфяные болота –
не проложишь подножие для колеса.
Не по рылу кусок, не в обхват человеку
беспросветных деревьев таёжный разлив.
Переплыли когда-то великие реки –
и застыли навеки, недолюбив...

Когда прошло сближение светил
и снова успокоились народы,
зализывая кровь из рваных жил
и забывая циклы небосвода;

когда чужое вплавилось в своё
и победитель слился с побеждённым,
трофейным тленом выстелив жильё,
словарь врага признав равноимённым;

когда – до дрожи: ни за что опять!
Нет ничего прочнее пониманья! –
взошла звезда неверная сиять,
сказавшая, что дело не в обмане,

тогда над дымом уцелевших очагов
увидели ристалище богов.

...Пока учили неба письмена,
выстраивая ковшики и ленты,

под ними отплывали континенты
и снова расходились племена.

Под морем мелкой лжи и безднами обмана
основы вечных прав расходятся на швах –
и топит суету безличье океана,
ломает берега, смывает острова.

Над магмою причин и волнами не властны,
но можем разделить смятение сейсмограмм –
и уносить детей на берег безопасный...

Куда бежать, когда бьёт скотство по мозгам,
когда уже давно понятен каждый признак,
когда уже и сам летишь в водоворот,
где прежний ясный знак двоится, словно призрак,
но архаичных плит никто не развернёт?

Не отыскать вины во лжи или обмане,
раз маятник потряс размахом магнитуд.

И, злобой раскалён, с разнузданностью маний
краеугольный камень свой разрушает труд.

Опрос

Какую звезду
вы предпочитаете в это время суток:
холодную,
горячую,
белого карлика
или вообще – чёрную дыру?
Выбирая по своему хотению небо,
вспоминаете ли вы о традициях созвездий
Лебедя,
Рака
и Щуки?
Или выбор превратился для вас
в необязательную игру?

Какую землю
вы предпочитаете в это время года:
сухую,
жирную,
полную семян и личинок,
или вообще – чуждую, но свою?
Может ли, по вашему мнению,
земля быть чистой
или негодной,
или вам всё равно, куда вы ляжете
и в каком краю?

Какую ещё судьбу
вы ожидаете в это время жизни:
счастливую,
незавидную,
общую,
или не ожидаете ничего?
Могут ли стихи и потомки –
единственные, чьи судьбы волнуют,
повернуться подобием призмы,
собирающей заново фокус –
звёздное естество?

Табор

Корабль утонул, а крыса плывёт и плывёт.
Спасибо Феллини за целое море метафор,
но это же Босх! Разъедающий мозг переплёт,
куда мы попали, гадалка, скажи, - в дичающий табор?

Все тронулись, мечутся в хаосе, бьют по воде
столетней войны, продолжая на ней партизанить,
на лодках спешат к берегам, выгрызая проходы в беде,
и точат по капле престол, Европой по-прежнему занят.

Подводные лодки идут в Новый Свет, усами торпед шевеля.
Сподвижники в хаосе - жертвы, пираты и воры,

и снова, как в древности, крикнет обманщик: “Земля!”,
а там лишь брильянты и кровь. И умные, блин, разговоры.

Они прочно стоят
на качающейся плоской Земле –
их держит воздух
и не волнуют эти ваши проблемы.
Но никто из них не знает имена
трёх слонов, в которых они верят,
потому и зовут их:
Как-Все, Как-Всегда и Всем-Поровну.

А когда атмосфера
не помогает им держаться на почве,
под которой бунтует опора,
тогда они называют слонов
Одна-Живём, Чего-Уж-Там и Каждому-Свое.

Наконец, Земля сбрасывает их с себя,
и они оказываются,
кто в одиночку, а кто всем полком или баракком,
перед теми, в кого верили,
тогда они начинают, путаясь, примерять
когда-то слышанные имена:
Мать-Отец, Сын-Дух-Святой и Царствие-Небесное.

Хэллоин – наш!

Вы ещё не видели наших гримас,
не смеялись нашим праздничным шуткам.
Погодите! Что значит - ну, не сейчас?
Не бегите! Что значит - жутко?

Вы ещё не слышали наш раскатистый смех,
мы ещё не сказали своего честного слова.
Какие правила – против всех?
Какие обманы – у зверолова?
Вы думали маска, а это – лицо,
верьте страху, не верьте показу.

Не пытайтесь понять подлецов,
не садитесь играть ни разу.

Всё, что есть у вас, мы возьмём за раз,
безязыкой улице и крик сгодится.
Вы ещё не видели наших гримас,
вы ещё полюбите наши лица.

Вы ещё не знаете, что такое ад,
это – наш рай с общим туалетом.
Думаете, это понос, а это – распад...
Многие лета.

ЮРИЙ ГЛУХОВ

Родился в подмосковном Щелково, живет в Москве. Закончил МГУ имени Ломоносова, математик, работает программистом. Публикуется в сетевых изданиях.

Гвардейский Семнадцатый

По чьей-то безжалостной воле
При свете холодной Луны
На гладкое белое поле
Выходят топтун-горбуны.

Равнинные черные гномы,
Гвардейский Семнадцатый полк –
Старательны и монохромны,
Они исполняют свой долг

Прокладывать строчки узоров,
Орнаменты новых дорог.
Следы их – глубокие норы
Под снег ускользящих ног.

Нащупать пытаются пятки
Опору хотя бы на шаг,
Такой же неровный и шаткий,
Как пульс отдающий в ушах.

Но пульсу не в лад монотонно
Зовет их страна-целина:
"В атаку, равнинные гномы!
Так надо, так надо, так на..."

...До хрипа извелся будильник.
Встаю, ковыляю к окну
И вижу, что ночью ходили
Колоннами по одному,

Оставив тропинки у дома,
Прошив, простегав снежный шелк,
Равнинные черные гномы,
Гвардейский Семнадцатый полк.

Эльф

– Сдавать экзамен в столице эльфов непросто, Клава,
Провинциальным гранитно-грубым пещерным троллям.
Там нужно бегать, летать и прыгать, нырять и плавать –
Я бегал волком, скакал лягушкой и плавал кролем;

Летал вороной, нырял тюленем, качался кленом;
Я был кометой, речным туманом, горячей лавой...
Смотрели эльфы, чесали уши: "Ты что, зеленый?"
Но пошептались и дали паспорт. Ты видишь, Клава –

В коре дубовой прохладный бархат ажурных листьев,
Прожилки-буквы: "Сей паспорт выдан Смирнову Коле.
Он отличился и был замечен Отцом-министром.
Он будет эльфом, а не дремучим пещерным троллем..."

А помнишь, Клава, как ты сказала, что только с эльфом
Прекрасны звезды, душисты травы и ласков ветер.
Ты улыбнулась и убежала, всё было мельком –
Неслось вприпрыжку: кончалась школа, звенело лето.

И в тот же вечер, когда сидели под старой елью,
Дробились блики и собирались дорожкой лунной,
Ты засмеялась и повторила, что только с эльфом...

Она вздохнула: – Какой ты глупый.
Какой ты глупый.

Дед

Сомнения грызли: не бери, нельзя,
Такую худую и заполошную...
Но пожалел продавца и взял.
Обмыли портвейном, как положено.
Шёл и думал: живём одни.
Скучен день до вечера. Как не спятили?
Курица скрасит пустые дни,

Будет развлечение и занятие.
Запоём весёлое цыпа-цып,
Рассыпая зёрна среди окурков.

Тут проезжающий мотоцикл
Выплеснул пол-лужи на мою куртку.

Никогда не слышал куриный смех,
Довелось на старости. А дальше крыша
Потекла, потом нас засыпал снег,
Бабка простудилась, завелись мышцы...

Продавца проезжего ищи-свищи.
Знал, поди, пройдоха, что подсовывал.
Скрасить бы той курицей пустые щи,
Да только жалко её, бестолковую.
Мёрзнет. Из тулупа скроили жилет,
Курица в жилете почти красавица.

Въелась же привычка любить и жалеть.
Хуже, чем курево. Не избавиться.

Золотая

Фоме уйти, а Илье напиться,
Матвею в бой, Тимофею в ящик.
А мне везло – родилась жар-птицей,
Такой красивой, такой блестящей.

Шептала мамка: "Моя касатка,
Ты золотая, а не простая".
Но дед лупил и лупила бабка.
Шныряли мыши, мели хвостами.

Хвосты шуршали, хвосты решали:
Кому лежать, а кому катиться
Живым дрожащим бильярдным шаром
И ахнуть в пол, полыхнув зарницей...
Немытый пол и худая крыша,
А дед и бабка всё пьют да курят,
И ждут от мамки других детишек –
Простых, похожих на мамку куриц.

Фоме любить, а Илье жениться.
Ивану тиф, а Степану насморк.
Сперва везло – родилась жар-птицей,
А дальше хуже – разбилась насмерть.

Простая

Дверь скрипит, что скоро холода.
Стали заходить-прощаться птицы.
Кто-то говорил, что возвратится,
Кто-то намекал, что навсегда.

Грустно. Ветер. Сыплется листва.
Принесло письмо из-за границы –
Нильский крокодил хотел жениться –
Простота, что хуже воровства.

Я вросла в унылый сельский быт.
Да и мамка старая, больная –
Тихо шепчет, что-то вспоминая,
Плачет и старается забыть.

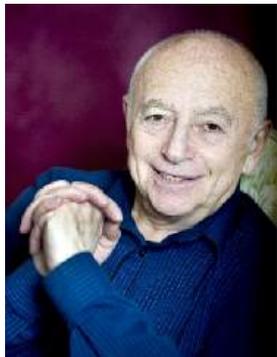
Свет луны – вишнёвая смола,
Ночь вокруг – черничные чернила.
Летом деда с бабкой схоронила
И мышей тогда же извела.

Утром встану, выйду на крыльцо –
Тёплая, сермяжная, простая.
В небе синем птицы пролетают,
Видят мир похожим на яйцо.

А внизу пронзительный и злой
Ветер крутит руки нежным липам.
Нестерпимо хочется в Египет –
Ласковый, далекий, золотой.

Грустно, ветер. Мокрое лицо.
Я бегу, расплескивая жижу.
Я взлечу, как птица! Я увижу
Этот мир похожим на яйцо.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский горный институт. Доктор геолого-минералогических наук, участник многочисленных научных океанологических экспедиций. Автор многих поэтических книг и популярных песен, книг мемуарной прозы. Член СП. Живет в Москве.

НЕ НАДО ВСТАВАТЬ НА КОЛЕНИ

Гене Щирину

Пылают дома, как поленья,
И небо в багряном дыму.
Не надо вставать на колени,
Нигде, никогда, никому.
Среди разорённых селений
Толпа оголтело свистит,
Но тот, кто встаёт на колени,
Обиды своей не простит.
Готовая для преступлений,
Жестока толпа и тупа,
Но целый народ на колени
Поставить не может толпа.
Господне не сбудется чудо,
Покуда погром не утих,
И мира не будет, покуда
Одни унижают других.
Урок для других поколений, –
Недолго толпы торжество,
И ставить нельзя на колени,
Нигде, никогда, никого.
27.06.2020

ЛЕОНАРДО

Туманная эпоха Леонардо,
Где расцвели художники и барды
Искусства на начальном рубеже.
Для плаванья Колумб готовит карту,
Садится человечество за парту,
С которой не расстанется уже.

На рубеже Пятнадцатого века,
На обмелевших итальянских реках,
В том городке, что небогат и мал,
Соседи понимали ли когда-то,
Что гением рождён у адвоката
Тот юноша, что матери не знал?

Ему житьё назначено иное:
Его чума минула стороною,
Не тронула военная гроза.
Он на века художник знаменитый:
«Мадонна Бенуа», «Мадонна Литга»,
И Джиоконды странные глаза.

В недолгой жизни разные этапы,
Дружили с ним и короли, и папы.
Его недаром обожала власть.
Он не потратил попусту ни часа,
Шарахаясь от женщин и от мяса,
Познанию свою отдавший страсть.

В любой стране он приходился кстати, –
Военный инженер, изобретатель.
Его талантам бесконечен счёт.
Успел коснуться многих он вопросов,
Анатом, архитектор и философ,
Натуралист, и многое ещё.

Он мог писать обеими руками,
Исследовал живую плоть, и камень,
Мог строить бастионы и мосты.

Он был писатель, скульптор, и механик,
Подводник, авиатор и ботаник
С поэзией и музыкой «на ты».

Он изучал упорно и умело
Строенье человеческого тела,
На сотни лет науку обогнав.
Он раскрывал природные секреты.
Он изобрёл замок для пистолета,
Прожектор, вертолёт и батискаф.

А я, живущий в Двадцать первом веке,
С трудом утрами размыкаю веки, –
Дорога предстоящая темна.
Грядущее, как прежде, пахнет кровью.
За окнами опять средневековые:
Раздоры, эпидемия, война.

На пепелищах снег чернеет талый.
От горя население устало,
И зарево качается во мгле.
Свергают монументы с пьедесталов,
И почему-то гениев не стало
На нашей обезлюдившей Земле.

Всеобщее вокруг грехопаденье,
И жизни дешевеют, словно деньги,
И мне мечты наивной не унять,
Что нам не даст погибнуть Провиденье,
Что будет вновь эпоха Возрожденья,
И гении появятся опять.
28.06.2020

ВИКТОР БЕРКОВСКИЙ

Из былого века косного,
В наши дни полузабытого,
Вспомним Виктора Берковского,
Металлурга, композитора.
Отливая сталь для Родины,

Не растаяв в синеве ещё,
Делал он свои мелодии
Этой сталью нержавеющей.
И живут они без времени,
Укреплённые глаголами,
И безбрежно их парение
Над лесами и над долами.
Всё в стихах, что было лучшего,
Всё, что более значительно,
Им талантливо озвучено,
Им талантливо прочитано.
И звенят его мелодии,
Хороши и удивительны.
И, пока мы живы, вроде бы,
Будем петь мы песни Витины.
11.07.2020

НЕ ЗАВОЗИТЕ В РИМ РАБОВ

Хозяев римских берегов
Предупреждаю о беде я:
Не завозите в Рим рабов, -
Рабы - опасная идея.
Восславив плотскую любовь,
Настроив мраморные бани,
Не завозите в Рим рабов, -
Владеть недолго вам рабами.
Вооружаясь до зубов,
Походы новые затеяв,
Не завозите в Рим рабов, -
Ни варваров, ни иудеев.
Над яркой зеленью лугов
Летают коршуны кругами.
Не множьте внутренних врагов,
Воюя с внешними врагами.
Не избежать вам злой судьбы,
Не залечить былые раны,
Поскольку пленные рабы,
Бунтуют поздно или рано.

Не первый век, не первый год,
Покуда Солнце в небе кружит,
Конец империям идёт
Лишь изнутри, а не снаружи,
Из незапамятных времён
Зловещей птицею возреяв,
Не потому ли фараон
На волю отпустил евреев?
Закон истории, суров,
Народы сталкивает лбами.
Не завозите в Рим рабов, -
Вы сами станете рабами.
11.07.2020

КЛОД ЛОРРЕН

Входя в эту жизнь постепенно,
Что брезжит пока ещё смутно,
Смотрите картину Лоррена, -
Она называется «Утро».
Там медленно движется Солнце
Навстречу незримому Богу,
И блеют голодные овцы,
Зовя собираться в дорогу.

Когда ещё долго идти нам,
А путь и на четверть не пройден,
Смотрите другую картину, -
Она называется «Полдень».
Там небо горит над Синаем,
Подобием синим экрана,
Навязчиво напоминая,
Что нам отдыхать ещё рано.

Когда вам не выправить крена,
И крыть уже, вроде бы, нечем,
Смотрите картину Лоррена, -
Она называется «Вечер».
Уходит вечернее время,
Как годы последние эти,

И смысл пейзажей Лоррена
Совсем не в библейском сюжете.
14.07.2020

ПЕТЕРБУРГ

Два города, живущие в одном,
Июньской ночи ровное горенье.
И ночью их, и сумеречным днём,
Невидимые связывают звенья.
От одного другой неотделим,
Хотя на островах им вместе тесно,
И то, что в городе одном уместно,
Несовместимо с городом другим.
Они срослись, как пальцы на руке,
Как старость, неотрывная от детства,
И даже Ленин на броневике
Отсюда никуда не может деться.
Не вяжется с предместьем заводским
Его проспектов гордая осанка,
И набережных вид несовместим
С замёрзшим трупом, что везут на санках.
Пересеклись на пяточке одном
Двух городов неразделимых стили.
Сегодняшний, в котором мы живём,
И тот, в котором мы когда-то жили.
И странными покажутся порой
Два несовместных этих измеренья,
Его дворцов несовременный крой,
Его мостов ночное воспаренье.
15.07.2020

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернетжурналах, в частности в «45-й параллели», «Белый ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды

международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

Успешные и правильные парни
Они со мною возьмётся и делятся.
Зачем живу один, когда все парами?
Они всё знают, что со мною делается.

Что я своими хворями отравленный,
Что нищетой своей зачислен в парии.
Я жил, как вы, играл по тем же правилам...
Успешные и правильные парни.

В кресло врос, но никуда не вырос.
День прошел привычно. То есть зря.
Полночь. За окном коронавирус.
Боевик. Три серии подряд.

Город пуст, как дальние планеты.
Мокрый. Зябкий. Сам себе не рад.
Пандемия. Карантин. Запреты.
Фарс-гиньоль. Все серии подряд.

Склоки, неудачи, неполадки...
Дальше оглушительный провал.
Но сейчас, как будто, все в порядке.
Вечер. Детективный сериал.

Это преждевременная старость?
Я такой закат не выбирал.
Это все, что мне теперь осталось.
Вечер. Детективный сериал.

ИГОРЬ ГУБЕРМАН

Родился 7 июля 1936 года в Харькове. По образованию – инженер-электрик. Жил в Москве и в «местах, не столь отдалённых». С 1988 года живёт в Иерусалиме. Автор известных поэтических миниатюр, получивших название «гарики» (Гарик – домашнее имя Игоря Мироновича).

Когда сидишь в собраниях шумных,
язык пылает и горит;
но люди делятся на умных
и тех, кто много говорит.

Нашей творческой мысли затеи
неразрывны с дыханьем расплаты;
сотворяют огонь - прометеи,
применяют огонь - геростраты.

Мудрость Бога учла заранее
пользу вечного единения:
где блаженствует змей познания,
там свирепствует червь сомнения.

В цветном разноголосом хороводе,
в мелькании различий и примет
есть люди, от которых свет исходит,
и люди, поглощающие свет.

Возглавляя партии и классы,
лидеры вовек не брали в толк,
что идея, брошенная в массы -
это девка, брошенная в полк.

На собственном горбу и на чужом
я вынырнул понятие простое:
бессмысленно идти на танк с ножом,
но если очень хочется, то стоит.

В кромешных ситуациях любых,
запутанных, тревожных и горячих,
спокойная уверенность слепых
кошмарнее растерянности зрячих.

Мне жаль небосвод этот синий,
жаль землю и жизни осколки;
мне страшно, что сытые свиньи,
страшней, чем голодные волки.

Когда-нибудь, впоследствии, потом,
но даже в буквари поместят строчку,
что сделанное скопом и гуртом
расхлебывает каждый в одиночку.

Никто из самых близких поневоле
в мои переживания не вхож,
храню свои душевные мозоли
от любящих участливых галош.

В сердцах кому-нибудь грубя,
ужасно вероятно

однажды выйти из себя
и не войти обратно.

Красив, умен, слегка сутул,
набит мировоззрением,
вчера в себя я заглянул
и вышел с омерзением.

Творец дал женскому лицу
способность перевоплотиться:
сперва мы вводим в дом овцу,
а после терпим от волчицы.

Сегодня для счастливого супружества
у женщины должно быть много мужества.

Лишь перед смертью человек
соображает кончив путь,
что слишком короток наш век,
чтобы спешить куда-нибудь.

С успехами наук несообразно,
а ноет - и попробуй заглуши -
моя неоперабельная язва
на дне несуществующей души.

Свои черты, штрихи и блики
в душе у каждого и всякого,
но непостижно разнолики,
мы одиноки одинаково.

Куда по смерти душу примут,
я с Богом торго не веду;
в раю намного мягче климат,
но лучше общество в аду.

Звоните поздней ночью мне, друзья,
не бойтесь помешать и разбудить;
кошмарно близок час, когда нельзя
и некуда нам будет позвонить.

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА

Родилась в городе Енисейске. Училась в Красноярском государственном университете на филологическом факультете, работала корреспондентом «Сегодняшней газеты». Позже окончила психологический факультет Красноярского педагогического университета. Стихи публиковались в альманахе «Енисей», журнале «День и ночь», газетах «Енисейская правда», «Красноярский рабочий», а также коллективных литературных сборниках. Живет и работает в Красноярске.

Трамвай, хохоталища раззявив,
В себя народ впускают как хозяев,
Народ в одеждах из овечьих шкур.
По Ленина идёт со службы кто-то,
Не ставший даже частью хронотопа,
Шагает, спотыкаясь о бордюр.

Порхают цвета пепла пепелацы,
Порхает цвета пепла некто в ластах -
Он не стригует, это просто аск;
А тот, другой - пылинка, он снежинка,
Ему и пять копеек будет жирно,
Но всё туда же - вечно жаждет ласк.

К бордюру припаркован форд мондео.
Звонит жене его хозяин демон.
Мы, говорит, семья, имей в виду.
Затем напоминает про тотемы,
Затем рычит, затем меняет тембр
И добавляет: встретимся в аду

Корчной

Корчной небрит, Корчной немного дик, глядит на мир из семьдесят восьмого. Я точно знаю – Карпов победит, но я опять на стороне Корчного. Мне наплевать, что он уже не наш, мне всё равно, что я не знаю шахмат – из всех коней – цэ два аш пять о аш к соседям в гости ходит тихим шагом. Наверное, они его родня, они близки, они как пиву – пена. А я не Карпов, нет, и у меня – ни био ни энерго терапевта.

Возможно, станут пешка, слон, ладья когда-нибудь редкоземельной солью и растворятся в жидкости, но я – сегодня я, увы, ни Том, ни Соьер – сегодня я живу в СССР, мне надо срочно выучить девизы, включить девизы в повесть и эссе, но мой не чёрно-белый телевизор, поймавший передачу с Филиппин о том, как для коней куют подковы, мне говорит – не спи не спи не спи, и я опять на стороне Корчного.

Советский человек, советский, но я не советский человек-индиго. Я знаю всё, поскольку я – Корчной, и это я тогда не победила. Ему тогда один бы на один, но карма – что поделать, это карма, и он бы победил, но победил – и это точно – Анатолий Карпов. А людям что – балет и общепит, и ликовать в своих хрущёвских норах. Я точно знаю – Карпов победит. Но я – всегда – на стороне Корчного.

Килиманджаро

...А мешками его заготавливать впрок...

Виталий Кальпиди

Говори, человек, убирающий снег,
Говори о сугробах далёких планет,
Что растаяли неосторожно.
Говори обо всём, говори, человек,
Расчищая до дома дорожку.

Говори, а не то доклюют снегири
Всё, чего ты когда-то не договорил,
Доклюют, как замёрзшие капли
На калине, со светом, застывшим внутри,
Доклюют, а потом долакают.

Говори, улыбайся, пожалуйста cheese,
Колебание вверх, колебание вниз,
Оставаясь ромашкой под снегом.
"В декабре в той стране снег до дьявола чист",
Но ни бога, ни дьявола нету.

Поглощая его вещество существо,
Ты сгребашь его, ты целуешь его,
Обнимаешь его, чтоб визжал он.
Ты сгребашь его, ты воруешь его,
Подымаясь на Килиманджаро.

Там разреженный воздух, там кремний и йод,
Там на самой вершине стоит и поёт
Та, которой как будто бы нету,
И шипит, и бормочет, а ты от неё
Убегаешь по белому снегу.

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

*Родилась в Риге, 25 лет живу в Мельбурне.
Муж, двое сыновей, две собаки, два
кролика... две рыбки.*

Остаться в живых

"Потому что немцы – народ послушный,
Точно клуши за кочетом шли покорно,"
(Моего собеседника явно плющит –
Запивал столичную кока-колой?).
Развалившись в кресле, он продолжает –
" Но зато – попробуй! – какое пиво!..."
И ещё (разумеется!) про державу.
Пропадает звук, как в паршивом фильме.

От столиц до самых глухих провинций
Догорают храмы (ломать – не строить).
Как легко людей приучить к убийству,
А потом убийц превратить в героев!
У солдата – ни языка, ни воли.
Сапоги. Винтовка. Команда – целься!
Над глухой Европой плывет Бетховен,
И молчит, как рыба, любая церковь...

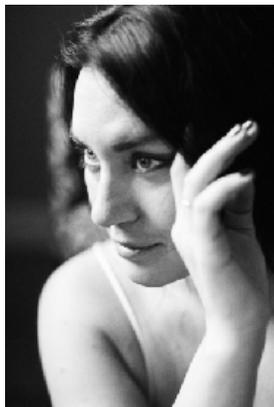
А над Гранадой – звезд виноград,
Запах вина и слив.
Padre старенький до утра
Мусолит слова молитв.
Торговцы спешно прячут товар,
Скрывает шлюха лицо.
Для иноверцев – рассвет кровав,
Словно гранатовый сок.
Им, в католическом этом раю

Дрожать, словно мышь в норе.
Скажи, что достойней – за веру свою –
Убить или умереть?

Ходит у моря, камешки собирает,
Складывает в карманы. Который год..
А мудрецы продолжают идти с дарами,
Мимо святилищ, пагод и синагог.
Он повторяет: ну, почему оставил?
Мальчик смеётся, женщина пьёт вино.
Каждое утро купец отпирает ставни,
Молится – о божественном и земном.
Небо – смотри! – расчерчено птичьим клином,
Листья олив без устали шелестят –

Спит Мариам в осеннем Иерусалиме,
Знает, что отмолила своё дитя.

ЕЛЕНА ДОРОФИЕВСКАЯ

Родилась и живет в Киеве. Публиковалась в журналах «Дніпро», «Саксагань», «Склянка часу», «Перископ», «Тропы». Стихи включены в антологию «Русский стих Украины: Век XXI. Начало» (2019).

Чайное

Всё стихло — ветры и дома.
И только я себя качаю
в стакане Баренцева чая,
и примы дедовы дымят
в хрустальной пепельнице. Март
изменчив, как ловец на слове,
и карандаш лежит в основе
домашних глобусов и карт.
Где папа? В Мурманске. И час
упряган в писем квадратуры —
любви шагреновая шкура
все крепче стягивает нас.
Солдат вернётся, только жди
в кругу семейном. Оболочка.
Звонок — межгород — спой мне, дочка.
Пою — не плачь, пройдут дожди.
Восьмидесятые идут —
Лейд бек, саншайн. И все иные:
молчит Фома, говорить Київ,
кого в Афган не призовут.
И много долго курит дед.
Мне полтора. Мне полусонно.
Я помню мультик про Ясона —
брось камень, мама,

в гул газет.

Дом умещается в одном:
горит ночник синее ночи,
на кухне мрак дальневосточен,
недальновиден, долгосрочен,
и чай вверх дном.

Булгаковское

...опять придут и скажут: "Дай уйти,
вернуться дай..." — и станут сизой пылью.

Спускается андреевскою былью
в беспамятство булгаковских картин
фонарная беззубая орда,
леля перламутровые тени;
витые стебли лестничных растений
вплетаются в замки и холода,
качаются у каменного рта
растертого, как сажный след, Подола...
Глубокий, поперечный и продольный
срез улицы — глубокая гортань —
отнимет и проглотит твой язык.
Из алых губ, покрытых плотной влагой,
из пламени, задетого бумагой —
вот он откуда, господи, возник, —
извечного вранья дамоклов долг:
на опиум опутанный Подол
приходят и любовницы, и черти,
нисколько не страшась внезапной смерти
ни после возвращения, ни до.

Опыт блаженства

Это опыт блаженства – молча увязнуть в утреннем янтаре,
крыльями, стеблями переплестись, в неподвижности поднаторев,
перестать дышать.

Комнатой правит ещё не заправленная постель -
мир пока ещё длится отсель досель,
но никто не способен точно определить границы,
и никто не способен, нарушив их, помешать
проститься.

С ночи не спим – не спится.

Утро гудит трамваем и стрекозой,
здесь особенный кислород - потерянный мезозой,
кожа стекла лоснится,
небесный плот
ровно у наших окон замедлил ход.
Речь уже не о нас – о будущем, о прошлом,
и комната падает в пропасть,
в большой разлом,
в холод и ожидание, кто уйдёт,
первым расколется, выжжет и разобьёт
золотую скорлупку июльского янтаря...
Пусть это будешь ты.
Пусть это буду я.

Ты доживешь до девяноста...

Ты доживёшь до девяноста, я приду
акации ломать в твоём саду,
жечь травы, чабрецам срывать меха...
У бога время в вечных должниках –
медвяный вечер будет лить гречишный свет
в твоих морщин тиснённые узоры...
Нет в памяти провалов – есть зазоры,
и, уместая в них и миг, и век,
ты станешь пуговку трепать на рукаве,
пока не обнаружишь, что разорван,
как ниточка, и сам... Вскипит гроза,
и, если слёз не спрячешь – прячь глаза,
...и громыхнут ругательства, и стёкла
на окнах звякнут, маятник дамоклов
обяжет стрелки ринуться назад –
на запад, в западню, и на авось –
в сегодня, что уже оборвалось.

Сахиб

Слушай. Только наступит вечер на спичечный коробок
старого дома тяжёлой пятой Ахиллеса,
чиркнет о серую стену зелёная лапа леса,
закат разгорится и ляжет на левый бок,
всё остановится. Будто порвётся нить.
Венки заплетутся, соткнутся чёрные ленты.

Только не нужно так меня хоронить,
будто латаешь плоскости континента.
Пока мы ещё не успели сойти с черты
ограничения крайности или мудрости,
вспомни – я не была за пределами коробка, а ты –
за пределами безрассудности.
В общем, есть предложение – пепел и самолёт.
Как же легко намечтать и полёт, и адрес
тем, кто почти что умер, и тем, кто ещё умрёт:
для первого путешествия я предпочту Бенарес.
Пыль, бедняки, калеки – благая муть,
смад, благовония, воздух в дымах рассвета...
Меня и сейчас поглощает тревожность эта:
брось меня в Ганг, дай Гангу во мне утонуть.
Белёсая пыль на волне, шепоток: «Сахиб!..»
Какие-то люди, огарки, дрова и камни.
Я же расслышу, как воскресительно хрипл
голос брахмана – прежде, чем в лотос кану.

МАРГАРИТА ЗЕЛЕНСКАЯ

Образование: филология, психология, микробиология. Член Международной гильдии писателей. Лауреат международного конкурса «Серебряный стрелец». Автор книги «Осязанием жизнь» и одноименного спектакля. Публиковалась в журналах «Новый Ренессанс», «Новая Немига Литературная», альманахах

«Витражи», «Белый ворон», «Созвучье муз», в сборниках «Серпантин», «Спиральность времен», «Играя выбери игру» и пр.

Архив

К запахам прикосновенье, неизведанный архив -
Деревеньки дух полынный,
аромат цветущих лип.

Платья елкам раздувая, принесет издалека
Ветром весть с болотных краев про шуршанье тростника.
Там в лугах сырых нехожих пробивается росник,
Прячет пыльный подорожник стон колес
и грязи всхлип.

Под навесом яблок дольки вялит липкий солнцепек
И в малине на ладонях кориандром
пахнет клоп.

Раскрывается цикорий в сотни любопытных глаз,
в запах дикий, млечный, горький....
стертый в памяти... нестойкий...
Там закатами за горкой тянет времени баркас.

Померкнет прежних превращений толк

Притих уж сад, отяжелели плечи
И пахнет сидром яблони подол,
Червлёный колер лижет листья едче
в ненастный день...
крахмальный вечер квёл, -

Гнетут дождей растянутые гроздьи,
По крыше звонистой дробится гул.
В мохнатом пледе я уже не гостья
Блаженному, кто громок и сугул, -

Его любви читаю яркий почерк
В цветах последних -
 маслянистый шёлк
среди янтарных скроенных сорочек
Померкнет прежних превращений толк.

Осязанием жизнь

Осязанием жизнь -
 неумным манящим бездомьем,
Не сберечь в закромах всё величие чуда
 окрест
тихо стелется ночь существом чернокрылым вороньим,
бутафорией свыше проколами множится блеск.
Брудершафтом в сердцах осушается чаша терпенья,
Тяжкой ношею тщетно печаль за плечами таскать -
Расшвыряет бесстрашно стихийным
 шальным возвращеньем
Воскрешающих чувств безмятежная нежная рать.

Люби себя и наблюдай

 “ *Люби себя и наблюдай - сегодня, завтра, всегда*”. Будда
Казалось, выгорают в равнодушьи
Оттенки красок камерных недель,
Мещанкой жизнь удушливо недужит,
Вращая датами – сентябрь... апрель...
Как сделать шаг за линию регистра:
привязок, бичевания...
 дерзнуть
с богемностью души имажиниста
Мне б околпачить собственную суть.
Как для старьевщика в цене дыханье
веков, истории, имён...
 и вслед

Мне б для себя устроить повенчанье
с бесценной "зеленью"* минувших лет.

Покрыться славой, словно мшистый камень,
Той самой, от которой не бегут.
Но лучше в привокзальном ресторане
Себе признаться честно:
"life is good".**

* Налет на поверхности старых предметов.

** Жизнь хороша.

Страх

Боюсь. Так страх приходит незаметно.
Одетый в запыленный темный фрак.
И дрожи плен лекарством лазаретным
Лечить не позволяет вязкий мрак.

Всему виной расшатанные нервы
От повседневных мелочных невзгод.
И способ от кошмара самый верный -
Ночной шатун усатый лекарь-кот.

Кс-кс... пружина прыгает мгновенно,
Мостится в одеяла мягкий грот,
Мурчит раскат с динамикой рефрена
Врачебным мастерством простых пород.

В углу шуршит... замешкался и шагом
Направился уже к разрезу штор
Тот, кто страшил своим потертым фрактом -
Зловещий полуночный визитер.

Городу Дмитрову

Знаешь, скоро зима закончится,
будет оттепель да благодать.

Дмитров, мне с тобой в одиночестве
по темнеющим скверам блуждать.
Стынет время в февральской проседи
и дыханье столетий вокруг, -
Долгорукий стоит на площади,
монастырь в сосновом бору.

А весной монологом просится
в окна ливень, и ждётся трудней,
Дмитров, встречи с тобой на просеках,
первый цвет, возвращенье грачей.
Как предчувствие, стелет сумерки
зной июльский, и Яхромы вдоль,
здесь скользит безмятежной музыкой
отрешенный вселенский покой.

И под небом из дали сотканном
желтых листьев летят лоскуты,
Слышишь, Дмитрий, вкрадчивым шепотом
ветер чьи-то разносит мечты.
Вновь февраль по природным пророчествам
будет чудом во сне ворожить.
Знаешь, скоро зима закончится,
чтобы снова настала жизнь.

Грани

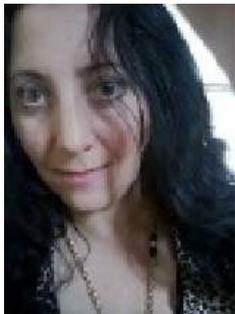
Так и носишь табу, как живёшь за отвесной стеной,
отпечатком в себе,
а сквозь кроны щербатого сада
видно воздух застывший мерцает.
Пунцовой блесной
в шаге от холодов и алхимии полураспада
никогда мне не станет родным неуютный париж -
аромат откровений зажатых в железное вето,
когда счастье сложилось внутри
черепицею крыш,
потайною лозою тропинок плутающих,
где-то...
... где, как прежде, ступаешь в согретый полуденный край,

в конденсат тишины благонаравно-учтивых предместий,
цедишь чувства настой, отпуская печаль и мораль,
словно пробуешь жить безыскусно,
доподлинно...
вместе...
всё потворствует мерному ходу вселенских часов -
даже этот замшелый покой неприметной кофейни.
Нелегко отказаться от памятных первооснов,
когда чувствуешь грань
безграничного проникновенья.

Парфюмер

Попробуй... воздух сумеречным зельем
смешал провинциальный парфюмер
из квинтэссенций зреющих растений,
древесных смол
и шёлковых вербен.
Устав от потаённых философий,
где мнительность текучая, как яд,
дыханьем неизбежности утопий
в удушье догорающих утрат.
Закрой глаза...
тончайшим шлейфом пряность,
всё меньше... меньше... увяданий норд,
по унциям отпущенная малость
сквозит из разветвления реторт.
Табак засохшей и сермяжной нотой
горчит в остатках,
пристальной инстинкт
подсказывает -
воска поволоку
растёртых в ступе лепестков... вдохни...
Всё явственней кипит запретным знаньем,
эфиром растворится, зацветёт
букетом колдовских благоуханий
струящихся шафрановых высот.

ФАИНА ЗИЛЬП

Родилась в украинском городе Винница. Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала.

В Австралии живу с декабря 1997 года.

После окончания университета стала социальным работником. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии.

Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии" - 2014, "Арфа Давида" - 2014 и 2015, а

также "Эмигрантская лира - 2015".

Вирусное

1

Раз, два три, четыре, пять –
Вышел вирус погулять,
Он – считалочки кумир:
Захватил почти весь мир.

Не пожмём при встрече рук,
Обведён как будто круг:
На два шага – прочь с пути –
Ближе нам не подойти.

Кто сегодня выйдет вон,
Сгинув в зеркале кривом?
Принц иль нищий? Все равны
Перед гиблым царством тьмы.

Закупаемся мы впрок,
Будто дан какой-то срок,
И потом – голодомор...
Манит близкий нас простор,

Но забились по домам.
С расстоянья видеть мам:
Все родители сейчас
В "группе риска" – гонят нас,

Заразиться убоясь:
Телефона лучше связь.
Не пируем: нет чумы,
Изолируемся мы.

29 марта 2020г.

2

Ну вот и всё. И к нам пришла беда.
"Нас это не коснётся" – обнулилось.
И скроет – Атлантидой – нас вода
Истории, не ведая про милость.

Пируют ли, когда вокруг – чума?
Скабрёзности вкусим "Декамерона":
Для вечных книг и смерть запрещена.
У вируса – фальшивая корона.

Бегите с пандемии корабля,
По норам прячьтесь, все на боковую!
Крысиного не славьте короля,
Из дома сделав крепость боевую:

Вот – с ним борьба: спасаясь от него
В каникулах укромных карантина,
Чтоб у родных от сердца отлегло:
Все – дома! Благодать, а не картина.

Мы смертны. И пока вакцины нет.
Врачи – на поле боя, как солдаты.
Ещё бы отключили интернет –
И книги все б читали, как когда-то...

А если б электричество "ушло",
То свечи б жгли и рано спать ложились...
Пока же, как в утробе, хорошо,
Укромно, с одиночеством сдружились

И смотрим бесконечный сериал:
Ещё не наступило время выйти.

Не откликайтесь, как бы он ни звал –
Коронавирус, чтобы лгать о гриппе,

Сиреною заманивать на дно...
Коснулось – всех. А я спастись – сумею?
Давайте все мы будем заодно,
Поможем тем, кому ещё труднее.
28 марта 2020г.

3
Все страны накрыла волна –
Земли стало меньше вокруг.
Да, неосторожность – вина.
И неомовение рук.

Пора Мойдодыра призвать,
Пугать им хотя бы детей...
Корону примерила знать
И бомж водрузил без затей:

Размер этот всем подойдёт,
Но больше всего – пожилым,
Чтоб душу отправить в полёт,
А тело бросать нежилым.

Всеядна инфекции пасть –
Давай увернёмся с тобой!
Легко нашу жизнь ей украсть –
Мы смерть вызываем на бой!

...Всё глубже тоски остриё,
И боль вызывает нажим.
А вирус берёт своё,
Не брезгуя также чужим.
30 марта 2020г.

4
Страшит безрадостный жестокий карнавал:
Все лица – в масках, при повальной истерии.
Куда обрушит нас крутой девятый вал?
Мир окружающий всё более стерилен.

Ночь затянулась, всё никак не рассветёт.
Сидеть изменникам при детях и при жёнах.
В геометрической прогрессии растёт
Число внезапно заболевших, заражённых.

Ещё не зная об инфекции своей,
Они носителями были, может статься,
Своих же близких надевая болью всей,
Их обнимая (а нельзя и прикасаться).

В стране всё больше безработных или тех,
Кто занят дома той же офисной рутинной.
Всё реже слышен беззаботный детский смех;
Картина жизни стала скукой карантинной.

Но книжным детям – поколению моему –
Не привыкать к такому времени теченью:
Не телу больше мы потворствуем – уму,
Находим вкус мы в добровольном заточенье.

Вот только если б этих не было смертей –
Гигантомании почти инопланетной...
Мор стариков. Улов всё больше у снастей –
И невод смерти давит тяжестью несметной.

11 апреля 2020 г

5
Страх плотен – может резаться ножом,
Всё больше нарастает он – лавиной.
...Мне кажется, сам воздух заражён
Страдающей природы неповинной!

Но мир не зачумлён – нам легче, впрямь.
В укрытии. Почти смирились с этим.
При встрече от знакомого отпрянь.
Нам свет в конце туннеля не заметен.

Быть вместе – тем, кто вправду влюблены:
Гормоны – против вируса большого.

Прохожие здоровы иль больны?
И смотрят наяву все "маски-шоу".

У мыслей тёмных – яростная прыть,
Но прост совет, лишённый трат и выгод:
Лишь руки надо тщательнее мыть,
Лицо не трогать ими – вот и выход.

Свод правил гигиены невелик,
Но многим надоело соблюдать их.
Был город оживлённо-многолик,
Сейчас прохожий – редкий соглядатай.

Полны наполовину, или – нет,
Скорей ж– полупусты все магазины.
...Но многие уже предвидят свет
И твёрдый путь из временной трясины.
21 марта 2020 г.

Болдинская осень

Земли родной целительная сила
Антея укрепляла: бег – атлета!
А осень осеняла, осенила
Полёта вдохновением – Поэта.

Он, запертый в пределах карантина,
Свободней стал всех странников привольных –
И в рифмы претворил тех дней рутину,
Забыв о всех восстаниях и войнах.

Любовь вдыхал, как запах жёлтых листьев,
Шуршащих под ногами безыскусно.
И слово (до ядра его) очистив,
Отбросил шелуху, явив – искусство!
22 августа 2014 г.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Родился и жил в г. Таганроге Ростовской обл. Работал в Таганрогском радиотехническом университете зав. кафедрой, профессором кафедры высшей математики. Первое стихотворение опубликовано более чем полвека назад в университетской многотиражке; в 1998 г. вышел сборник «Нить любви», который переиздавался несколько раз. Живет, в Мельбурне, Австралия

ТВОРЧЕСТВО

Я слагаю стихи между строк теорем,
Пляшут «фи», пляшут «кси» на страницах поэм,
Торопливые строчки бегут по листу,
Словно нежные почки, хранят красоту...

Пусть пример не готов, непонятна задача,
Дивной музыкой слов до забвенья охвачен...
Но... зовет меня снова таинственный «кси»
От гармонии слова к гармонии цифр –

В них своя красота, четкость, логика, смысл,
Бьется в формулах там беспокойная мысль.
Вечной жизнью своей в интегралах живут
Галуа, Галилей, Лобачевского труд!

И уже так далек слов обманчивый шелк...
Вот зацепка... намек...

и волнение – «Нашел!»

РЫЖЕНЬКОЙ

Мне подарили желтые цветы –
Не в знак печали и не в знак разлуки,
Но в знак волос твоих, и солнца, и мечты –
Как свежесть теплых губ, как ласковые руки...

Благодарю... И Вам в ответ дарю
Все желтое, как осени букет...

А я опять, как в юности, горю
И мне опять лишь восемнадцать лет...

THE BEGINNING

The sleeping Woman is an eternal miracle,
Sweat beads shine on her bays.
Who are you, why and where are you from,
You appeared in a difficult fate?

The sleeping Woman is a sacrament.
A fragile germ is under your heart,
Is it inadvertently, is it accidental -
I lightly prayed to your delight?

The sleeping Woman is the Cause of the Life.
She is a Happiness of trust, reward of heavens,
She created a Man, again, as always,
On the ashes of the Garden of Eden.

НАЧАЛО

Спящая Женщина – вечное чудо,
Капельки пота блестят на губе...
Кто ты такая,

 зачем и откуда
Ты появилась в нелегкой судьбе?

Спящая Женщина – вещая тайна,
Хрупкая завязь в твоём животе...
Разве нечаянно,

 разве случайно
Нежно молился твоей красоте?

Спящая Женщина – жизни причина,
Счастье доверия, неба награда...
Вновь, как всегда,

 сотворила Мужчину
На пепелище Эдемского сада.

Автоперевод

Таганрог 1999 – Мельбурн 2019

НОЯБРЬ

Погасли дивные уборы
Осенних сказочных лесов,
Ведут о чем-то разговоры
Березы, погружаясь в сон.

Иль просто заблудился ветер,
В вершинах без толку кружит,
Тоскуя, может быть, о лете,
Сухие листья ворошит.

Река течет, почти застыла,
Парок чуть вьется поутру,
Какая грустная картина –
Камыш, поющий на ветру...

Но все же осенью глухою
Спешу я в лес – не для игры –
Коснуться теплою щекою
Березы зябнущей коры.

Своей печалью поделиться,
Поверить в призрачный покой,
Водой студеною умыться
Над зачарованной рекой,

И вновь, вздохнувши полной грудью,
Приветить позднюю зарю
И по суровому беспутью
Уйти – навстречу декабрю...

Таганрог 2001- Мельбурн 2020

БАЛЛАДА О ФОТОАЛЬБОМЕ

Детям и внукам

Поищите старые фотки
Те, где сладко у мамы в руках,
Приласкайте мамины фотки –
Ведь она так давно в облаках...

Умилитесь на старые фотки,
Где игрушки, лягушки, подружки,
Улыбнитесь на старые фотки –
Хорошо было спать на подушке...

Не забудьте и старые фотки —
Те, где честное школьное братство,
Берегите старые фотки –
Нет на свете ценнее богатства...
Отыщите и старые фотки,
Те, где молоды вы и красивы,
Удивитесь на старые фотки –
Вы такое смешное носили!

Не сжигайте старые фотки,
Рядом были, кого вы любили,
Помнят это старые фотки –
Вы собою им жизнь освятили...
Не теряйте старые фотки,
Где пелёнки, конфетки, котлетки,
Не обманут вас старые фотки –
Стали взрослыми милые детки...

Вспоминайте и старые фотки,
Где мечтали состариться вместе,
Усмехнитесь на новые фотки –
Это вы обещали невесте?

Посмотрите на новые фотки,
Где устали мы, наши руки,
Полубуйтесь на новые фотки –
Подрастают уже наши внуки...

Что напомнят вам старые фотки –
Узнаете себя в старичках?
Берегите и новые фотки –
Продолжение – в ваших руках...

ЕЛЕНА ИТЕЛЬСОН

Родилась на Дальнем Востоке .С шести лет живет в Ленинграде. Занималась в ЛИТО под руководством В.А.Лейкина. Также занималась поэтическими переводами с немецкого языка под руководством Л.Ю.Брауде. 39 лет работала в Научной библиотеке библиографом. Публиковалась как поэт и прозаик в журнале "Смена", альманахах "Прости, Ленинград!", "Русский переплет", "Витражи". Автор книги стихов и прозы "Философия чайки".

МОЙ ОДНОКЛАССНИК

Мой одноклассник,
Я лечу с обрыва.
С перины в пропасть,
С восхищенья - в снег.
С потухшей лампы
бабочкой седой
я в сон влетаю
и ползу ночами
по узким беспокойным коридорам
чужих небес
и мыслей несусветных.

Мой одноклассник,
Я пишу тебе,
В твой разум верю.
Помнится, решал
ты лучше всех разумные задачи.
Чем мне пытаться душу накормить?
В какой чулан мне спрятать эту душу?
Мой одноклассник. Кандидат наук.
Женат. Устойчив. Дети подрастают.
Ты мне ответишь на мои вопросы,
Стряхнёшь истерик нити с пиджака
И, как всегда, уверенный и тонкий,
К студентам ты войдёшь, не торопясь,

Оглаживая скомканную душу,
Которую ты привинтил значком.
Красивым, золочёным, институтским...

МАЛЬЧИК БЕГАЛ ПО ДОРОЖКЕ...

Мальчик бегал по дорожке,
рисовал больные лужи
и разорванные уши
неухоженных коней.

Мальчик прыгал прямо в лужи,
рисовал прутом волшебным
ярко-синие тропинки
незаснеженного сада.

"Тише, милый, заболеешь," -
прошептали в страхе уши,
те разорванные уши
неухоженных коней.

Заболел и бредит мальчик
голубой дорожкой сада,
по которой бегал мальчик,
рисовал больные лужи
и разорванные уши
неухоженных коней...

ДЕВОЧКА С ОБОРВАННОЙ СУДЬБОЙ

Там, где я живу, – была деревня,
Яблоневый сад и руки рек.
Там, где я дышу, –
Там жил, наверное,
Мельник. И мололся век.

До сих пор я чувствую дыханье
Девочки, познавшей мирозданье.
Девочки, ушедшей жить в ручей.
Много лет ее в ручье искали.

А потом нечасто вспоминали.
И в Войну завидовали ей.

Девочка, не ставшая рабыней,
Девочка, не ставшая голодной.
Выбрала нечаянно путь линий,
Чтоб навечно стать совсем свободной.

Чтоб не знать слова «Авраль», «Планы»,
А потом ходить в обуви рваной.
А потом еще чуть-чуть "рвануть",
Чтоб быстрее в свой последний путь
Отправляться в старенькой одежде.
Отправляться, потеряв надежду.
Позабывши обо всех приметах,
Речку помнить, что зовётся Летой.
Девочка с оборванной судьбой!

Как бы я хотела быть тобой!

ГАЗЕТЧИК В ЭСТОНИИ

(О продавце газет, семидесятые годы)

Газетчик в Эстонии
знал языки:
эстонский, немецкий
и идиш.
По-русски он знал
пару фраз. Не с руки.
Еще он поучивал English.

Он думал: когда-нибудь
дети возьмут.
Возьмут и уедут. А что я?
Мне хватит на сборы 15 минут.
Я собран. Я выдержан,
стоек.

Мне было тогда все 16. И он.
И он говорил по-немецки.
Я слушала фразы.
Я слышала фразы.
И думала как-то не-детски.

Я думала: Что этот странный киоск,
Заполненный кипой газет?
Что тянет его - как созвездие - в воск?
Зачем он родился на свет?

И я горевала, что дедушки нет.
А он говорил с продавцами газет
На разных других языках.
Подумала: может, и знал его дед -
Газетчика, что, пережив много бед,
Остался стоять на часах.

Труднее всего, ведь труднее всего
Понять, что немецкий язык
звучит словно идиш.
Сейчас понимаю. Он плакал, газетчик,
Когда на меня он смотрел.
Своих дорогих вспоминал он погибших.
Сожгли их в огромных печах.
Других - увели на расстрел.
Он жил, вспоминая ушедших родных,
Но рад был, что кто-то остался в живых.
Я, девочка, шла по пригорку и пела.
Он слушал и слышал что-то своё.
Однажды он имя напутал моё.
Назвал меня Стеллой.

Я, помню, смутилась.
Но я промолчала.
Ведь так я немецкий язык изучала...

Газетчик в Эстонии
знал языки:

эстонский, немецкий
и идиш.
Я помню киоск этот,
что у реки.
И он говорил мне:
"Учи языки!
Будь умной, как все мои дети!"
Я столько немецких читала газет!
Спасибо, газетчик!
В то самое лето
Я чётко узнала, что стану поэтом
За Стеллу, за Руфь
И за многих на свете...

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Украинский поэт, пишущий на русском языке. Родился в г. Херсоне (1968), живет и работает в Киеве. Автор 13 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике; «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Радуга», «Октябрь», «Континент», «Арион», «Интерпоэзия», «Новая газета» и др. Стихи переведены на: английский,

немецкий, нидерландский, финский, польский, сербский, грузинский и др. языки. Лауреат «Русской премии», премии «Antologia», Международной Волошинской премии, специальной премии «Московский счет», премий журналов «Новый мир», «Интерпоэзия», Международной литературной премии имени Великого князя Юрия Долгорукого и др.

Александр Кabanov – главный редактор украинского журнала о современной культуре «ШО».

Ресторан "Золотая роза"

Льву Рубинштейну

Все на свете - тюрьма, но пока не поймали на слове,
и улика улиткой ползет к виноградной лозе,
помню, как хорошо мы с тобой посидели во львове,
не поймешь от чего навсегда поседевшие все.

Дело было на пасху, которую звали разлукой,
а потом рождество, хелоувин и другой новодел,
это был первомай, лев сидел с фаршированной шукой,
загадал три желанья и через плечо поглядел.

Шел таинственный снег с завербованным ливнем под руку,
а вокруг- тишина, на которой женился обстрел,
нас осталось двенадцать, когда мы смотрели на шуку,
начиналась жара и последний графин опустел.

Как хотелось предать, кто-то льва познакомил с актрисой,
ресторан одинок, не хватает стихов для людей,

хорошо поседели, но вдруг появляется лысый,
с деревянной ногой и просроченным счетом халдей.

Он глядит на мою пятикратно усохшую руку:
там, где роза цвела, не считая своих часовых,
это пеплом моим замечает волшебную щуку,
я прощаю врагов и друзей оставляю в живых.

Как трудно жить без места нахождения,
боксерской грушей в воздухе висеть,
как человек эпохи вырождения,
я отмечаю ваши возражения
и в зимний сад забрасываю сеть.

Что упадет подмерзшим на кровать,
кого любить, того не миновать,
моя вода, как зеркало сожжения,
моя трава, как мачеха и мать,
я человек эпохи отражения:
беременность не трудно отражать.

Пускай кучнее эхо от пальбы -
меня зовет далекий звук трубы,
зачем я был и с кем остался нынче,
за колыбелью - вновь плывут гробы,
как человек, я вижу знак судьбы -
и это груша тайсона да винчи.

Как я стоял над суетливым тибром,
стаканчик одноразовый держа,
который литр, отравленный верлибром,
на склоне лет похожий на моржа.

А тибр тихо тибрил по карманам
баркасов перочинные ножи,
отравлены роменом и ролланом,
ко мне стекались местные бомжи.

И чувствовалась в них лихая сила,
ботаника древесного ствола,
батонами призывно шевелила
парторг из итальянского села.

А я стоял, не понимая: где я,
в костюмчик крепдешиновый зашит:
то рвется жизнь, то вянет орхидея,
то блок во рву некошенном лежит.

А ведь хорошо как, друг мой, нам хорошо как:
этот душ шарко, эта память на электрошоках,
смотришь сквозь страну, пуская розовую слюну,
рыба в женской груди вся в икре и в молоках.

Слушай, как же нам всем хорошо-то сейчас,
а вчера, если помнишь, моржовый хрен да без соли,
колбаса улетала в космос, тайгу покорял ананас,
секса не было, только любовь, словно яд от боли.

Ностальгии нет, да какой там к черту совок,
как две рваные дырочки в баночке со сгущенкой,
мы с тобой повстречались, но каждый был одинок,
ливень радовал радугой, пахнувшей фотопленкой.

А теперь - это ж дивное чудо среди рядовых чудес,
голова почти не болит, но глаза до сих пор слезятся:
это щепки от счастья, когда вырубают лес,
я хотел быть самым тобой, а теперь я хочу казаться.

А вот раньше жил да сплыл унылый армагеддон,
но отныне я новое время навеки славлю,
достаю из широких штанин и нацелив в большой бидон,
что-то трижды встряхну, да по-малой нужду не справлю.

Что там у нас на экране, дружок:
холодно, ветрено, чисто,

падает солнце, как-будто флажок -
в черных часах шахматиста.

Раз, и нахлынула зимняя муть,
два, заискрило по фазам,
кажется три, что успеешь моргнуть
оптикой с выбитым глазом.

В полночь приснится климент ворошил,
весь питьевой, как фонтанчик,
пушкин родился и девочкой жил,
если б не вспомнил, что - мальчик.

А для чего это, я не могу,
видимо, память зависла,
грех не напиться в такую пургу
за обретение смысла.

Как я замерз в начале моей судьбы,
мимо нашего дома люди несли гробы,
или это гробы так нежно несли людей,
словно букеты сирени и орхидей.

Вот представьте себе государство - вокруг тепло,
мужики в овчинных тулупах, добро и зло,
а все женщины – голые, воздух – зубная нить,
тетушку не спасти, а бабушку не подбрить.

А все женщины голые входят в ночной трамвай,
и кому-то, в зоне прилета, они подают каравай,
что же делать с ними, кутаясь в шубаду,
покрываясь инеем, падаю, но иду.

Вижу прокладки, ниточки, что-то вверху болит,
каждый месяц – кровь, я влюбился в твой целлюлит,
но у меня работа, шуба, тулуп, манто,
сделай со мною что-то, и вот я думаю: что?

Тут ко мне обратилось издательство,
чтобы книгу пустую собрать,
но я чувствую эхо предательства
и святую возможность соврать.

Говорю, чтоб ни буквы, не имени -
в этой книге названия нет,
подери меня бог, собери меня,
поддержи меня весь интернет.

И страницы во сне черно-белые
под обложкой укрыться хотят,
слышу, как недорубленно-спелые
надо мною сады шелестят.

Точка - это тире беспросветное,
ударение грома вдали,
искры между ветвями и ветвями,
птичку жалко, спасти не смогли.

Люблю москву, как горе без ума,
где скотный двор - сплошная ботоферма,
ты в белой шубе, словно шаурма,
а вот жила бы в питере - шаверма.

Лебязьи кости прячутся в рукав,
не съесть, не выпить из радиоточек,
я точно помню – гумилев был прав,
а в чем был прав – не помню, мой дружок.

Итак, москва, последний одиссей
приподнимает белый факел водки,
что видит он: харона и друзей,
и в лете утонувшие подлодки.

Он видит улей в мириад нулей
под гробовой плитой ночного снега,

и нам тепло, мы пчелы всех пчелей,
твоей печали альфа и омега.

Опять москва, как город нищакон
священный шрам, господня морщина,
я точно помню – пел гребенщиков
и вдаль неслась пожарная машина.

Скажу одно: на свете счастье есть,
и это дно, а звезд на дне не счастье,
болотная, извилистая гать,
я вас молчал, а что еще сказать.

О том, что вьются корни у реки,
и хлебный запах снега и огня,
о том, что вы - сплошные мудаки,
но вы об этом знали без меня.

А что со мной и кто теперь со мной,
пусть будут пчелы соты сотрясать,
пусть небо превратится в перегой,
в один вопрос: а надо ли спасать?

Не спи, не спи, мой серенький волчок
на блюдечке с каемкой голубой,
ты слышишь свет, ты видишь сквознячок,
а это бог приходит за тобой.

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ

Родился в Москве. Вырос в Сибири. Большую часть жизни просидел за письменным столом. Писал все: домашние задания по чистописанию и арифметике, диктанты, сочинения, конспекты произведений классиков марксизма-ленинизма, шпаргалки, дипломную работу, диссертацию, лекции, книги и статьи по экономике, проекты государственного законодательства эпохи перестройки, заявления о приеме на работу и об увольнении по собственному желанию. Переехав жить в Австралию, преподаю в университете и продолжаю работать по-английски в некоторых из перечисленных выше жанров. Колумнист-комментатор по экономическим вопросам. Автор двух сборников стихотворений и переводов. Публикации в антологиях "Земляки", журнале "Крещатик", альманахах «Витражи», «Австралийская мозаика» и других периодических изданиях. Победитель конкурса поэтов-переводчиков - Эмигрантская лира 2019.

Верлибры

Точка зрения

глаз
смотрит на меня
не мигая

с отстранённым
любопытством

сквозь
сгущающиеся сумерки
африканской саванны

глаз
белого
носорога

кто из нас
исчезнет раньше?

Она

она
проснулась
от жара
вырывающегося
из её чрева

радовалась
разлившимся по ней
океанам и рекам

смеялась
от щекотки
когда по её выпуклостям
топтались сонмы
пресмыкающихся

чесалась
когда её покрыла сыпь
из двуногих пигмеев

стонала от боли
когда её кожу
раздирали взрывы
бомб и снарядов

она
погибла
под потоками лжи

Останься...

останься
сказал я розе
но она молча
склонила
уставшую голову

останься
попросил я бабочку

но она
расправила крылья
и улетела

останься
умолял я
упавший с дерева лист
но он почернел
и смешался с грязью

останься
приказал я
своему телу
но оно покорно село
как собака
на задние лапы
и затряслось

останься
закричал я земле
влажных лугов
и вечных окаменелостей
но она лишь
молча обернулась

останься
прошептал я любимой
и она ответила
«навсегда»

Страх
и вот
настал
тот самый день

когда
скрываться
скукожившись
в куколке

стало страшнее
чем вылететь из неё
бабочкой

Тишина

тишина
это лесное озеро
безлунной ночью

тишина
это когда
слышно
как догорает
недокуренная сигарета
и колышется пламя
свечи

тишина
это когда
замолкают птицы
прекращается ветер
и останавливаются
волны в океане

тишина
это когда
дышит мёртвый

тишина
это когда
звучит мысль

Начало

пожелтевшая от времени
чёрно-белая фотография
с надломанным углом -

худая женщина
в длинной заношенной кофте

осунувшийся мужчина
в мятой рубашке
и плохо завязанном галстуке
трое чахлах детей
с признаками авитаминоза

другие фото
из потрёпанного альбома
в куче домашнего хлама
на траве
перед ветхим домом

завтра грузовик
увезёт хлам на свалку

послезавтра
будет кран
с огромным чугунным шаром

к вечеру от дома
останется груда мусора

в понедельник
мусор уберут

во вторник
начало стройки

Главная мысль
надо
чтобы словам
тесно

а мыслям...

они вылетают

разноцветными лентами
парят в воздухе
освещённые лучами
яркого
но по-зимнему холодного
солнца
сворачиваются
друг вокруг друга
змейками

тяжелеют
и падают
на ещё влажную
от ночной росы
траву...

я так и не понял
которая из них —
главная

ЛИНА КОСТЕНКО

Украинская писательница-шестидесятиница, поэтесса. Родилась в семье учителей в 1930г.. В 1936 году семья переехала в Киев. Училась в Киевском педагогическом институте, Литературном институте имени А. М. Горького. Лина Костенко была одной из первых и наиболее примечательных в плеяде молодых украинских поэтов,

выступивших на рубеже 1950—1960-х годов. Сборники её стихов «Лучи земли» (1957) и «Паруса» (1958) вызвали интерес читателя и критики. Довольно длительное время ее стихи практически не попадали в печать. Но именно в те годы поэтесса, несмотря ни на что, усиленно работала, помимо лирических жанров, над романом в стихах «Маруся Чурай». Книги Л. Костенко «Над берегами вечной реки» (1977), «Маруся Чурай» (1979), «Неповторимость» (1980) стали незаурядными явлениями современной украинской поэзии. Перу поэтессы принадлежат также сборник стихов «Сад нетающих скульптур» (1987) и сборник стихотворений для детей «Бузиновый царь» (1987). В 2010 году вышло её первое крупное прозаическое произведение – роман «Записки українського сумашедшого». Произведения Лины Костенко переведены на многие европейские языки. На публике она появляется крайне редко, ведет затворнический образ жизни. Сегодня Лина Костенко живёт в Киеве.

Вечірне сонце, дякую за день!
Вечірне сонце, дякую за втому.
За тих лісів просвітлень Едем
і за волошку в житі золотому.
За твій світанок, і за твій зеніт,
і за мої обпечені зеніти.
За те, що завтра хоче зеленіть,
за те, що вчора встигло одзвеніти.
За небо в небі, за дитячий сміх.
За те, що можу, і за те, що мушу.
Вечірне сонце, дякую за всіх,
котрі нічим не осквернили душу.

За те, що завтра жде своїх натхнень.
Що десь у світі кров ще не пролито.
Вечірнє сонце, дякую за день,
за цю потребу слова, як молитви.

Страшні слова, коли вони мовчать

Страшні слова, коли вони мовчать,
коли вони зненацька причаїлись,
коли не знаєш, з чого їх почать,
бо всі слова були уже чиймись.
Хтось ними плакав, мучивсь, болів,
із них почав і ними ж і завершив.
Людей мільярди і мільярди слів,
а ти їх маєш вимовити вперше!
Все повторялось: і краса, й потворність.
Усе було: асфальти й спориші.
Поезія – це завжди неповторність,
якийсь безсмертний дотик до душі.

Крила

А й правда, крилатим ґрунту не треба.
Землі немає, то буде небо.
Немає поля, то буде воля.
Немає пари, то будуть хмари.
В цьому, напевно, правда пташина...
А як же людина? А що ж людина?
Живе на землі. Сама не літає.
А крила має. А крила має!
Вони, ті крила, не з пуху-пір'я,
А з правди, чесноти і довір'я.
У кого – з вірності у коханні.
У кого – з вічного поривання.
У кого – з щирості до роботи.
У кого – з щедрості на турботи.
У кого – з пісні, або з надії,
Або з поезії, або з мрії.
Людина нібито не літає...
А крила має. А крила має!

І все на світі треба пережити,
І кожен фініш – це, по суті, старт,
І наперед не треба ворожити,
І за минулим плакати не варт.
Тож веселімося, людоньки, на людях,
Хай меле млин свою одвічну дерть.
Застряло серце, мов осколок в грудях,
Нічого, все це вилікує смерть.
Хай буде все небачене побачено,
Хай буде все пробачене пробачено,
Хай буде вік прожито, як належить,
На жаль, від нас нічого не залежить...
А треба жити. Якось треба жити.
Це зветься досвід, витримка і гарт.
І наперед не треба ворожити,
І за минулим плакати не варт.
Отак як є. А може бути й гірше,
А може бути зовсім, зовсім зле.
А поки розум од біди не згірк ще, –
Не будь рабом і смійся як Рабле!
Тож веселімося, людоньки, на людях,
Хай меле млин свою одвічну дерть.
Застряло серце, мов осколок в грудях,
Нічого, все це вилікує смерть.
Хай буде все небачене побачено,
Хай буде все пробачене пробачено.
Єдине, що від нас іще залежить, –
Принаймні вік прожити як належить.

На світі можна жить без еталонів,
по-різному дивитися на світ:
широкими очима, з-під долоні,
крізь пальці, у кватирку, з-за воріт.

Від того світ не зміниться ні трохи,
а все залежить від людських зіниць:

в широких відіб'ється вся епоха,
у звужених - збіговисько дрібниць.

Осінній день березами почавсь.
Різьбить печаль свої дереворити.
Я думаю про тебе весь мій час.
Але про це не треба говорити.

Ти прийдеш знов. Ми будемо на «Ви».
Чи ж неповторне можна повторити?
В моїх очах свій сум перепливи.
Але про це не треба говорити.

Хай буде так, як я собі велю.
Свій будень серця будемо творити.
Я Вас люблю. О як я Вас люблю!
Але про це не треба говорити.

Так мовчиш, що заслухатись можна,
потонути в м'якій тишині.
І якби не було тривожно,
то чудесно було б мені.
Я не знаю, чи ти вродливий,
і чи ти на світі один.
Ти для мене — як справжнє диво,
котре виникло без причин.
Але в серці — пересторога,
і зривається слово: «Іди»
Пізно стрілися наші дороги.
є на них уже інші сліди.
Вірю в серце твоє і волю,
вірю в правду очей твоїх.
Знаю: ти б не спіткнувся ніколи
об каміння моїх доріг.

І як тепер тебе забути?
Душа до краю добрела.
Такої дивної отрути
я ще ніколи не пила
Такої чистої печалі,
Такої спраглої жаги,
Такого зойку у мовчанні,
Такого сьйива навкруги.
Такої зоряної тиші.
Такого безміру в добі!..
Це, може, навіть і не вірші,
А квіти, кинуті тобі.

Несказане лишилось несказаним
Очима ти сказав мені: люблю.
Душа складала свій тяжкий екзамен.
Мов тихий дзвін гірського кришталю

несказане лишилось несказаним.
Життя ішло, минуло той перон,
Гукала тиша рупором вокзальним.
Багато слів написано пером.

Несказане лишилось несказаним.
Світали ночі, вечорили дні.
Не раз хитнула доля терезами.
Слова як сонце сходили в мені.

Несказане лишилось несказаним

Вночі із хаосу безсоння
коли мій Всесвіт ожива –
як срібні птиці вилітають
ще неприборкані слова
За день банальностей і фальшу

ото піднімеш стільки тонн –
що не напишеш
що не скажеш –
Не те! - застогне камертон
А день схитне свою орбіту
І тиша зорі засіва
І Хтось диктує з-понад світу
непередбачені слова

Що в нас було?
Любов і літо.
Любов і літо без тривоги
Оце і все. А взагалі-то
не так і мало, як на двох.
Ось наші ночі серпень вижне,
прокотить вересень громи,
і вродить небо дивовижне
скляними зорями зими!
І знову джміль розмружить квітку,
і літо гратиме в лото.
І знов сплете на спицях плітку
сторукий велетень — Ніхто.
І в цьому днів круговороті,
де все минати поспіша,
як та пташиночка на дроті,
спочине стомлена душа.

Осінній день, осінній день, осінній!
О синій день, о синій день, о синій!
Осанна осені, о сум! Осанна.
Невже це осінь, осінь, о! – та сама.
Останні айстри горілиць зайшлися болем.
Ген килим, витканий із птиць, летить над полем.
Багдадський злодій літо вкрав, багдадський злодій.
І плаче коник серед трав – нема мелодій...

НАТАЛЬЯ КРОФТС

Родилась в г. Херсоне. Выпускница филологического факультета МГУ и Оксфордского университета. Автор многочисленных публикаций, в том числе – в журналах Нева, Юность, Новый журнал, Интерпоэзия, а также в таких массовых изданиях как Работница, Cosmopolitan Россия и Литературная газета. Английские стихи вошли в четыре британские поэтические антологии. Живёт в г. Сиднее.

ПОЭТ

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я (больной, седой и неизвестный).
Но умру – и дайте только срок,
дайте строк – и я ещё воскресну.

ВТОРОЙ КОВЧЕГ

По паре – каждой твари. А мою,
мою-то пару – да к другому Ною
погнали на ковчег. И я здесь ною,
визжу, да вою, да крылами бью...
Ведь как же так?! Смотрите – всех по паре,
милуются вокруг другие твари,
а я гляжу – нелепо, как в кошмаре –
на пристани, у пирса, на краю
стоит она. Одна. И пароход
штурмует разномастнейший народ –

вокруг толпятся звери, птицы, люди.
...Мы верили, что выживем, что будем
бродить в лугах, не знающих косы,
гулять у моря, что родится сын...
Но вот, меня – сюда, её – туда.
Потоп. Спасайтесь, звери, – кто как может.
Вода. Кругом вода. И сушу гложет
с ума сошедший ливень. Мы – орда,
бегущая, дрожащая и злая.
Я ничего не слышу из-за лая,
мычанья, рёва, ора, стопа, воя...
Я вижу обезумевшего Ноя –
он рвёт швартовы: прочь, скорее прочь!
Нас чёрным ливнем разделяет ночь,
и выживем ли, встретимся когда-то?
Я ей кричу – но жуткие раскаты
чудовищного грома глушат звук.
Она не слышит. Я её зову –
не слышит. Я зову – она не слышит!
А воды поднимаются всё выше –
в их жадном рёве крик мой слишком тонок.
И волны потемневшие со стоном
хоронят и Олимп, и Геликон...
На палубе, свернувшись, как котёнок,
дрожит дракон. Потерянный дракон.

О НАС

В порыве, в огне и в пыли безотчётно сметая
налаженный быт, превратив его в жаркую небыль,
взорвётся накопленной страстью вулкан Кракатау –
и ринется в небо.
Под рокот и грохот, в горячке искрясь от каленья,
он рад, как ребёнок, свободе от уз и уступов.
И долго ещё будут волны голубить колени
обугленных трупов.

А после – уляжется буря, и, дни коротая,
спокойное море разнежится, пепел размочит.

Но жадно потянется к небу Дитя Кракатау.
Пока ещё – молча.

ПАМЯТЬ

Море гневом с утра перекошено,
бьётся лбом о забытый маяк.
Просыпается прошлое – крошево,
зверь закованный, пытка моя.
Он, тиранивший тихие пажити,
скован, пойман – в неволе скулит.
Охраняют периметры памяти
патрули, патрули, патрули.
Море стихло. Торосы смерзаются.
Безмятежен сверкающий снег.

Мой закованный зверь огрызается
и рычит. И готовит побег.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году – первая публикация в газете «Литературная Россия». В 1991 – иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году – иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году сборник повестей и рассказов также включает в себя тексты

песен и романсов, положенных на музыку. В настоящее время готовится к публикации еще одна книга автора.

Чуть тронуты губы помадой,
Улыбка застыла в глазах,
Нечаянная эскапада,
Прикрывшая слезы и страх.
Потери? Да нет, не потери,
Упреков? До них ли теперь?
Ведь в комнату «Верю-не верю»
Давно уж захлопнута дверь.
Так что же, вдруг, сердце сжимает
При мысли, что все позади?
И в крике испуганных чаек
Ей слышится: «Все-таки, жди!».

Укатали Сивку крутенькие горки,
Били Сивку, били, все, кому не лень.
Пропустили Сивку сквозь стальные шторы,
И поехал Сивка в Тридевять земель.

Но, и там, для Сивки не случилось чудо.
Гнали Сивку в хвостик, в гриву, гнали в дверь.
Только по-другому, вежливо, иуды:
«Гусь нам не товарищ, ты, мол, нам, поверь».

Так что, заграница не спасла от шрамов,
Родина – загнала Сивку в уголок.
Плонул Сивка с горки крутенькой на хамов,
Да и закатали Сивку в воронок.

Повезли до хаты, ну, а там ребята
Все свои до боли, до сведенных скул.
Все, о чем мечталось, с детских лет, когда-то,
Реализм жизни ураганом сдул.

Я прихожу во сне в наш старый дом.
Там полон писем проржавелый ящик.
Дыханье затаив, рукой дрожащей,
Приоткрываю прошлого заслон.

Размытые чернила, адрес стерт.
На эти письма больше не ответить.
Звучит сегодня, сквозь десятилетия
Прощальный, заключительный аккорд.

И в нем одном слились и боль, и страх
За череду грядущих воплощений,
Смывающих ошибки поколений,
Накопленных в кармических долгах.

Две женщины живут во мне. Одна
Так и не стала взрослой, к сожаленью.
Обиды, рефлексии, и сомненья,
Какая-то нелепая вина.

Она казнит себя за всех и вся.
За смерть ушедших рано, их болезни,
И за детей своих, что в неизвестность
Отправила, по свету колеся.

Вторая же – уверенно-строга.
К себе, другим, консервативна в меру.
Не допустить ни слабости, ни веры,
Не уступить, и не простить врага,

И ей неведомы полутона.
Есть черное и белое, а краски –
Все это лишь нелепые отмазки,
Чтоб правда сразу не была видна.

Ей шепчет первая: – Ты неправа!
Все не безгрешны, ты не исключенье.
– Себе судья, и выношу решенья, –
Вторая отвечает, – Я права!

Какая ты? Ну, кто мне возразит?
Несмелая, покорная трусиха!
Лишь бы спокойно было в доме, тихо,
И головой в песок, в привычный быт.

Так, в споре, проходила жизнь. Прошла
Пора, когда исправить, что-то можно...
Одна из них все рушила безбожно,
Другая за нее платить должна.

Иду вперед, доказывая всем,
Саму себя подстегивая строго,
И никогда не сбрасываю темп,
Как ни стелила б тернии дорога.

Пусть рушатся вослед за мной мостки,
И осыпается непрочный гравий,
Но я не стану плакать от тоски,
И малодушие не будет править.

Пусть цель сменяет цель, но быть должна!
И поднимать нас поутру с постели,

Чтоб день не проходил в объятьях сна,
Тащась, с трудом, до ночи, еле-еле.

Стремлюсь вперед, к любому миражу,
К нему, мелькая, манят, силуэты...
Я вижу цель, я к цели подхожу,
Но – тает горизонт при вспышке света.

Мы чебуреки резали ножом,
Мы пили отвратительный компот,
А после, шли Трехарковым мостом,
Полюбоваться блеском позолот.

Спас на крови, Исакий, Эрмитаж,
И папа с мамой – позабытый мир.
Из детских снов, вдруг вынырнул мираж:
Вкус бабы с ромом в парке Мон Плизир.

Там верилось, что счастье впереди,
Не будет ссор, предательства и лжи,
Не ведала, что камни на пути
Мне кто-то неизвестный подложил.

Пусть поросли мечты бурьян-травой!
Что не сбылось, того уж не вернуть.
Но в этот город над Невой-рекой
Еще хоть раз мечтаю заглянуть.

Дожидалась я принца на белом коне –
Первый, что прискакал – не понравился!
Конь красивым и резвым был, помнится мне,
Ну, а рыцарь, как после ристалища.

Годы шли, сединой оплетая виски,
Кони, правда, скакали под окнами,

Но вот принцы на них, сказкам всем вопреки,
От героев лишь были обломками.

Не сдаваясь, пыталась, не раз и не два,
Разглядеть их хорошие стороны.
Говорила себе: «Закружись, голова,
Ну, поверь, то орлы, а не вороны».

Надоело. На грешную землю с небес
Опустилась, пора успокоиться.
Да и принц потолстел и, с годами, облез,
Чтоб поднять, тут не конь нужен, конница.

Внучка просит, ты песенку на ночь пропой:
«Жил-был козлик у бабушки серенький».
И пою ей про жизнь, как любимый, родной
Тот козел ускакал в лес затерянный.

Не ценил, что имел он у бабушки той,
Лишь копытца остались, да лысинка...
Говорила ж ему – за порог ни ногой!
Вот такая вот, грустная песенка.

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

Родился в 1936 году в Ленинграде в семье военно-морского инженера. 10 лет преподавал русскую словесность в школе. Автор более тридцати книг стихотворений и филологической прозы. Лауреат Государственной премии РФ и многих других литературных премий и наград. Главный редактор «Библиотеки поэта» (с 1992) и «Новой библиотеки поэта» (с 1995). Живет и работает в Петербурге.

Таинственный смысл бытия
Меня на мгновение пронзит,
И тут же почувствую я,
Что мной он счастливый забыт.

И, как ни старайся, – вернуть
Его и присвоить нельзя:
Закрыт к нему наглухо путь,
Дорога, тропинка, стезя.

В какую просунуться щель,
Завесу убрать и туман,
Ни куст не подскажет, ни ель,
Тем более – стол и диван.

Ни просьба, ни клятва, ни лесть
Его не смягчат: произвол
И прихоть... И все-таки есть,
И в сердце меня уколел!

У меня под рукой становились стихами
И вино, и вода, и гора с облаками,
Подражавшими в плотности этой горе,

И Афины с забытыми ими богами,
И запущенный клен в петербургском дворе.

У меня под рукой тишина оживала,
Как волшебная флейта, – ни много ни мало!
У меня под рукой серебрилась сирень,
И привычная комната приобретала
Блеск дворцовый, особенно в солнечный день.

И любовь с ее счастьем и горечью тоже,
И Нева с неотрывно глядящим прохожим
На волнение ее, – заслужил я покой,
И живая строка, ни на чью не похожа,
Возникала в стихах у меня под рукой.

Блик на полу обманывал,
Дышал, как мотылек,
Округлый и опаловый,
Сойти за брошку мог,
Серебряную ложечку,
Рисунок и печать,
Хотелось эту блестящую
Нащупать и поднять.

С каким великим автором
Имеем дело мы,
Сравненья и метафоры
Дающим нам взаймы,
Слепящие подобия,
Вложив свой вещей дар
В учебные пособия
По постиженью чар.

ОСЕННИЙ ТЕАТР

Осенний театр – это лучший на свете
Театр, я люблю декорации эти,
Трагедию ивы и клена люблю,

И тополь как будто играет в «Макбете»,
И дубу сочувствую, как королю.

И ярко, и горько, и пышно, и сыро.
В саду замечательно ставят Шекспира,
С каким замедлением падает лист,
Как будто вобрал в себя боль всего мира,
И я на дорожке стою, как статист.

Английский театр приезжал на гастроли,
Давно это было, работал я в школе,
Волнение свое не забыл до сих пор.
Но сад, что ни год, те же самые роли
Играет не хуже, великий актер!

И каждую осень печальное чувство,
Счастливое чувство большого искусства
Меня посещает в преддверье зимы.
Да, холодно будет, и снежно, и пусто,
Но дивное зрелище видели мы!

Душе-то что, душа не мерзнет, не скудеет,
Не надо ей носить ни шапку, ни пальто,
Она в других краях опять помолодеет,
Ее там не смутит, не огорчит ничто.

Душе-то что, она, наверное, крылата,
Завидует уже не птицам, птицы – ей.
Как Гоголь ездил в Рим, она спешит куда-то,
Где, может быть, еще светлее и теплей.

Какие там дворцы, соборы, пропилеи,
А улочки – таких и в Барселоне нет.
И с нею, может быть, беседует в аллее
Любимый ею здесь задумчивый поэт.

До горестей земных теперь ей нету дела,
На дольний мир смотреть ей незачем с высот.

Но, может быть, она нет-нет и вспомнит тело,
Лежащее в земле, и по нему всплакнет.

Вот поезд, отправится он через семь
Минут, через шесть, через пять. Надоело!
Как тянется время, не нужное тем,
Кто мается, ждет и скучает без дела.

Он несколько раз поглядит на часы:
Тем уже их шаг, чем глядишь на них строже.
Ему этой жизни известны азы,
Он знает, что время неровно, – и все же!

Дорожный рабочий пройдет вдоль путей,
Сквозь дымку оплывшее солнце проступит,
Еще он заметит чету голубей,
Бредущих враскачку, но он их не любит.

Скорей бы уж, что ли! Не вечно же тут
Стоять, – разорвать эти вечные пути,
Они его давят, они ему жмут...
Когда-нибудь вспомнит он эти минуты!

Плевать на жизнь, – шотландская принцесса
Сказала, умирая в девятнадцать
Лет, – что ей смерти плотная завеса,
Готовая упасть и не подняться,
И что ей море в пасмурных барашках,
И что ей лес еловый и охота?

Ее душа – не наша замарашка,
А точный слепок с птичьего полета!

А может быть, в ее средневековье
Другая жизнь за гробом проступала,
Как тот ларец за шторкой, в изголовье,
В котором драгоценности держала?

Или в ней было что-то от повесы
И мудреца, философа-гуляки,
Каких Шекспир вставлял частенько в пьесы
И убивал в пылу кинжальной драки?

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Победитель юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии»-2017, победитель конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010 и конкурса молодых переводчиков РАН (2010), Победитель Грушинского фестиваля бардовской песни в номинации «бард» (2019), автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино) и поэтического сборника «Синий полог» (2021). Поэт, переводчик, участница

интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова.

УЛУРУ

Где под атомным солнцем иссохшая стонет земля,
Где деревья вгрызаются в грунт, раскаленные камни сверля,
Где не знавшие зелени травы в горячем кипят серебре,
Там – дорога к великой Горе.

У горы на губах – горький, жаркий нагар нескончаемых лет,
У горы на горбу приютился крылатый рассвет,
И течёт вдоль горы по утрам говорливый поток туристических орд,
Поглядеть, как взлетает рассвет и лучами взрывается горб.

Подойди – тем, кто хочет услышать, всегда отвечает гора.
Но сперва понатешится вдоволь, у гор есть такая игра:
Заморочит, закрутит, отпробует крови, без крови никак,
Бросит в ржавую пыль, в лоб впечатает древний, невидимый знак,

А потом – тишина... пепел птичьего крика застыл на ветру...

Улуру.

Это я говорю – Улуру. Я – сновидец, вершитель, целитель, шаман.
От меня и до неба по воздуху ровно четыре шага.

Я – лекало миров. Я прообраз всех тварей земных,
Что на коже моей оживают при свете пустынной луны.

Ты из тех, кому камни поют, кому дышит трава,
Ты из тех, кто в священные нити свивает слова.
Слов не трать на меня, здесь лишь я говорю – Улуру ;
Повторяй, слово в слово за мной повторяй – «никогда не умру»!

О бессмертное племя дающих вещам имена,
Племя, ради которого Змей свои кольца сплетал в письмена,
Племя помнящих песни ушедших племён, заглянувшее за окоём –
Как могло ты забыть о бессмертье своём?

Как могла ты забыть – этот мир не стоит на слонах,
Он стоит на словах, на прекрасных, правдивых, могучих словах,
И не трогает смерть исправляющих честно своё ремесло,
Чтоб не треснул у мира хребет, если силы не станет у слов.

Смерть не так уж глупа – поиграет, как я, и отпустит –
сыграй же с ней в эту игру!

Это я говорю, Улуру.

Птичий крик, возродившись из пепла, звенит в синеве,
Проступает закатная кровь из натруженных каменных вен,
На излёте шоссе строки вопросительным знаком застыл кенгуру,
Телеграфом в груди: точка, точка, тире,
Никогда, никогда, никогда – не умру.

ПЕСНИ КАТЫ*

...там или-пройшли три сестричюньки

Песнь первой сестры

Здравствуй, сестра – поговорим до утра –
у меня здесь долгие ночи да вечера;
ты, гляжу, молода, только что из гнезда,

* Ката Тжута – группа каменных образований в Красном центре Австралии, окружающих знаменитую Долину Ветров

непуглива, горда, и в груди звезда,
а я, словно мир, стара...
И все равно – сестра.

Здравствуй, душа – поговорим по душам,
ничего не верша, никуда не спеша;
ты, гляжу, молода: в глазах – вода,
за плечами – чужие боль да беда,
что ж тебя тянет, сестра,
сюда? подойди-ка ещё на шаг.

Слушай, сестра, ты забыла страх:
сколько можно гореть на этих кострах,
сколько можно гладить за ушком смерть,
летать без крыльев, лечить да греть,
душа – не золото и не медь,
легко рассыплется в прах.

Да, я знаю, никто тебе не указ:
грянешься оземь в который раз,
змеёй обернёшься в сухой траве,
соколом в солнечной синеве –
лучше послушай, сестра, совет:
ты ещё не срослась.

У тебя, сестра, да насквозь дыра
аккурат по краю шестого ребра,
а ты ходишь, насвистываешь, пока
душа сквозь дырочку кап да кап:
до чего ж вкусна, до чего ж сладка –
грех да не подобрать.

У меня в подоле немало душ,
и у каждой был хоть какой, но муж,
ни одна не считала ни сил, ни лет,
в каждой сиял поднебесный свет,
а теперь ни песен, ни света нет,
только пыль, только прах и сушь.

Ты, сестра, чересчур щедра,
а ума пока что как у щегла:
чтобы сердце под ноги всем стелить,
надо мною быть, надо камнем быть,
разучиться плакать, петь, да любить –
чудо, что ты цела.

Ладно, душа – тебе решать:
с такими спорить, только мешать,
я тебе чуть-чуть помогу дышать,
провожу, погляжу вослед,
ещё не настала твоя пора
не знать, где завтра, а где вчера;
иди себе с миром, свети, сестра,
покуда в тебе есть свет.

Песнь второй сестры

Погрейся, сестра
и у моего костра

Помолчи, услышишь, как травы плачут
голосами всех, кто во мне был начат,
это я кричу, не могу иначе,

это я - то мычу, то реву, то лаю,
я их рожаю, а они умирают.

Говорю тебе: нет ни ада ни рая,
только пустыня от края до края,

неба простор, да бездна морская,
я их рожаю, а они умирают.

Дочь моя, сестра, ты сама рожала,
над комочком плоти, как лист, дрожала,
ой, страшна любовь, но страшнее жалость.

Люди, львы, куропатки, псы, альбатросы,
кенгуру, вомбаты и утконосы,
пернатые, мохнаты и безволосы,

из меня выходят, уходят к брату,
ни один собой не пришёл обратно.

Говорила брату: ну ладно звери,
им невредно побыть у тебя в пещере,
наточить клыки, да почистить перья.

Говорила брату: ну ладно люди,
только крепче станут, с них не убудет,
а иных и сама принесу на блюде.

Слушай, брат, среди породы двуногой
есть крылатые души, их так немного,
им туда нельзя, я прошу, не трогай!

Умоляла брата: послушай, камень,
не глотай таких, не хватай руками,
что с того, что выплюнешь вновь на пустошь,
пожуёшь, переваришь, потом отпустишь,
да, в утробе твоей нет ни зла, ни скверны,
но они будут помнить о том, что смертны.

Память о смерти срезает крылья,
вот и бьются потом весь век от бессилья,
рвутся на зов необъятной сини,
всё взлететь пытаются, ловят ветер,
я смотрю и плачу: ой дети, дети,

словно в сердце нож, да по рукоятку
только брату что: ему очень сладко.

Да ты знаешь, ты и сама из этих,
всё взлететь пытаешься,ловишь ветер,
всё никак не вырвешься прочь из клетки,

и тебе поплачу:
ой дети, дети.

Песнь третьей сестры

Не ходи, сестра, не шепчи свой сон в камни на заре,
лиха не буди, слова не бросай да на семь ветров,
в наших-то местах тишь не просто тишь, а немая речь,
в наших-то краях пыль не просто пыль, а сухая кровь.

Ты не верь, не верь утренним лучам, шёпоту огня:
силы наберёт, да наотмашь бьёт, сушит да слепит,
ты присядь, сестра, протяни ладонь, да погладь меня,
ласки не жалей, сердце у скалы тоже хочет пить.

Видишь, что творит солнечный палач, ветер-сухостей:
приросла к земле, не могу вздохнуть, не смыкаю глаз,
а была и я горного ручья слаще и живей,
песней истекла, плачем изошла, горем изожглась.

Голос мой взлетал – так и не взлетел, высока стена,
Бьётся до сих пор птицею в силке, эхом на камнях,
Ветер-сухостей выстудил нутро, высушил до дна –
Ой присядь, сестра, протяни ладонь, да погладь меня.

И шумит в ушах, и дрожит в руках, и стучит в груди:
не броди в степи, не топчи травы, это волос мой,
не кричи во тьму, эха не буди - это голос мой,
Ты не стой, мой свет, да на том ветру, душу не студи,
не ищи мой след
уходи, мой свет
слышишь, уходи

АЛЕКСАНДР ЛАНИН

Поэт, родился в Ленинграде, в возрасте шестнадцати лет эмигрировал в Германию. По образованию математик. Неоднократно публиковался в различных журналах и альманахах.

Триаж

Со своей свечой не ходят, куда не велено.
Стучу по дереву, тру по воску.
Медленно, нехотя, но уверенно
Из-за кустов появляется труповозка.
Как будто старую плёнку перемотали.
И даже пресса, как никогда, прохладна.

Это в Италии, братцы, это в Италии.
А у нас всё ладно.

Подумаешь, два века закоротили,
Какие-то там графики и картинки.
Посидишь недельку на карантине,
Сменишь валентинки на карантинки.
Плакаты "мой руки" в цеху на заводе висят,
В офисном бункере степлеры мышшь хоронят.

Это кому за восемьдесят, за восемьдесят,
А нас не тронет.

Где-то в детской по стенкам бегают Соник,
Чтобы не разбудить, ступаю на половицу.
Мне половина от завосьмьдесят – засорок,
Значит и умирать наполовину.

Из труповозки люди в испуге выбегут,
Маски наденут, поржут, до дома подбросят.

Это меня не выберут, нас не выберут,
А вас не спросят.

Ушебти

- Уше́бти (египетское: "ответчики") — статуэтки, которые в Древнем Египте помещались в могилу, с тем чтобы они выполняли необходимые обязанности по отношению к умершему. По верованиям древних, должны были замещать умершего на работах в загробных полях Осириса.

Когда из склепа восходит месяц спасать ушедших,
Под лунным светом на нашем месте стоят ушебти.
Нам не пошили души из драпа, яиц из стали.
И вот ушебти стоят квадратом, где мы не встали.

Они б и рады кричать о рае, молчать о смерти,
Но нам - парады, иным - Израиль, а им - Освенцим.
Им затхлый воздух сжигает ноздри, их лодки утлы,
Погасли звёзды, затихли ноты, упали куклы.

Хранят могилы за нас ушебти. А что нам делать?
Вокруг - другие, они же дети, они ж не деды.
Титаны духа, пророки мозга, не Бёлль, так Шиллер.
Жужжит над ухом семижды Оскар, всемирный Шиндлер:
Мол, всё проходит, и всё бывает, но всё проходит.
И тех, кто годен, не убивают, куда годен.

А время шепчет: да ты пойми, да. Нам в тот же поезд.
Стоят ушебти, как пирамиды, в песке по пояс.
Им дел огромных и дел невинных по край налито -
Достроить домну, донячить сына, допеть молитву,
Сплясать на свадьбе, успеть влюбиться, суметь родиться...
И если надо стрелять в убийцу - стрелять в убийцу.

Как будто знают: ковчег разболтан, и мы за бортом.
И выполняют мою работу, твою работу.

Выморозка

На Лене суда, как миски - чугуниевый утиль.
А помнишь форель кузминскую, столичный высокий штиль?
Слоновая кость катарсиса, жемчужная рябь идей...
И лайкнутый пост в контакте про странных, чужих людей,
Которые настоящему назло или вопреки
По-дедовски ставят ящики на серый бетон реки.

В хэндмейдовый плед закутайся, поверь, интернет не врёт:
Сегодня, сейчас, в Якутии кайло разбивает лёд.
Им надо кубы наматывать, пока не пришёл апрель,
Из бензопилы с лопатой - такая себе форель.
Скачай себе фотки с сервера, увидишь: на них не флис.
Здесь каждый - хранитель севера, каких не видал Нетфликс.
Сиди себе, счастье мамино, вискарик стоит вон там.

Под воду уходит майна, ступеньки ведут к винтам.
Цена ледяной ошибки - два месяца псу под хвост.
Стоят они под обшивкою, откуда не видно звёзд,
Молчат голосами хриплыми, как белые ходоки.
Им тоже немного крипово, когда нависает киль.
Им проще, конечно, матом, чем цитатами Кузмина.

На небе, как Лена, матовом, смартфоном горит луна.

Привратник

Мы подходим к маленькой дверце,
говорим мужику: Смотри, мы
писали стихи после Освенцима
до того, как это стало мейнстримом,
ощущали себя то Конфуцием,
то Герасимом, то Мазаем.
Мы вообще мастера любого кунг-фу,
только в дверцу не пролезаем.

Вот этот громкий парень был репер,
он славно панчил, но плохо кончил.
А у этого жизнь в отрепьях,
душа примотана к телу скотчем.

Вот девочка, которая котёнка спасла -
нервничает, круги нарезает.
Здесь каждый вроде не делал зла,
а в дверцу не пролезает.

Мы чуда от мужика хотим:
не забывай про нас, Гарри Поттер.
А у него под плащом хитин,
он - бабочка, а не Пётр.
Я боюсь представить размеры тюрьмы
за его фасеточными глазами.
Сколько он видел таких как мы,
что в дверцу не пролезали.

Вот кто-то упал и молится,
он был козёл и стукач, но
однажды кинул в омовца
пластиковый стаканчик,
надеялся, что это зачтётся
за погашенный займ.
Все мы бузили в детстве, но чё-то
в дверцу не пролезаем.

А стена от небес до небес горою
с облаками-бойницами.
Мы же гении да герои -
что ж он нас не боится?
Вот - праведники, вот - паломники,
вот - авторы мема про дедов.

И мы не видим в стене проломы,
потому что не нами проделаны.

Маша пишет...

Маша (7 лет) пишет Богу (13 лет):
- "Не забирай меня отсюда. Меня здесь нет.
Принеси мне подарков, и маму мою верни,
И когда уходишь, пожалуйста, не хлопай дверьми."
Маша (17 лет) пишет Богу (23 года):

- "Ты красив, я знаю. Если хочешь, я тебе дам.
Я устала быть гордой. Я устала быть годной.
Все мои птицы расселись по проводам
И не взлетают, они никуда не взлетают,
Дыры от сигарет на крыльях своих латают,
Их клювы в экстази, их голоса в пуху -
Ты и сам знаешь, как оно наверху."

А время идёт, и сны остаются снами,
А не чем-то, происходящим с нами.
Трёхмесячному младенцу ещё ничего не снится.
Маша пишет:

- "Понимаешь, я опять ученица.
Когда он хочет пить, я подношу ему воду,
Когда он спит, слушаю, как он дышит..."

Маша (27 лет) пишет Богу (33 года).
Знает, что уже не ответит, но пишет, пишет...

МИЛЕНА МАКАРОВА

Поэт, переводчик. Родилась в Риге. Училась на Филологическом и Историко-Философском факультетах Латвийского Университета. Занималась журналистикой.

Автор семи книг - двух поэтических сборников - «Амальгама» и «Новая мифология» и пяти книг переводов латышской поэзии и прозы.

Член Союза Писателей Латвии, Союза Российских Писателей, Балтийской Гильдии Поэтов, Латвийского Пен-клуба.

Стихи и переводы публиковались в журналах «Крещатик» (Германия), «Иностранная

Литература», «Дружба Народов», «Литературный Иерусалим», «Квадрига Аполлона», «Таллинн», «Радуга» (Эстония), «Аврора», «Даугава», «Шпиль» (Рига), «Калининград-Балтика», альманахах «Соты» (Киев), «Среда» (Москва), «Письмена», «Рижский альманах», «Oceanus Sarmaticus» (Латвия) и мн. других литературных изданиях. Один из модераторов международного поэтического фестиваля «Балтийская Строфа» (Латвия).

Написать стихотворение
В виде звезды или солнца?
В виде звезды или сердца?
В виде звезды или ромба?
Похожее на маяк
Или, может, на лестницу?
Круглое как лабиринт,
Угловатое как треугольник?
Раскрытое, словно ладонь
Или замкнутое как сфера?
Похожее на сдавленный крик
Из «бумажных темниц» Пиранези,
Его железное эхо
«Воображаемых тюрем»?
Или все же поющее
Ослепительной архитектурой,
Проходящее солнечным светом

Сквозь свинцово-лазурный витраж?

Написать стихотворение
Как стеклянную круглую розу
Из готического собора.
Навсегда впечатанную
В геометрию сокровенного,
В божественный порядок вещей.

Представляя собою реликт,
Представляя собою симптом.
Смертоносное золото книг,
Подарившее песнь не о том.

То ли шепот, похожий на крик,
То ли опыт Марии Кюри.
Смертоносное золото книг,
Говори же со мной, говори!

Отнимающий годы удел,
Вынимающий душу рудник.
К золотой смертоносной руде,
К невесомому слову приник,

К ослепительной букве прильнул,
Тот, которому дальше идти
Сквозь словесный серебряный гул,
Сквозь сиянье и бездны пути.

Нет ни прошлого, ни настоящего – все едино.
Кольчуга из причинно-следственных связей, клубок золотых нитей.
Девушка в очереди передо мной в тунике длинной,
На шее вытатуирована голова Нефертити.

И я...вспоминаю маму - «жертву фабрики грез», голливудского
кинопроката.
Еще юную красавицу-маму. Ригу прошлого тысячелетия.

На экраны только что вышел фильм «Клеопатра».
Фиалковые глаза Тэйлор. Страсти горячий ветер...

На свою свадьбу мама покрасила волосы в цвет антрацита.
Надела тяжело-серебряные, сверкающие сандалии.
И не было ни прошлого, ни настоящего. Вселенная открыта
Горячему ветру любви. Второй стороне медали.

Что было дальше? Знает одна лишь Изида.
Как ни люби Антония, веревочке долго не виться.
Мама, ты помнишь? Да! Память и сердце открыты.
И тот свадебный танец - все длится, длится и длится...

ММХХ

И вечность разбита на звуки-осколки.
Вот битый хрусталь и eternity Кая.
И время расплавленно перетекает
В другое пространство. И это так долго.

И время расплавленно перетекает
Из старого мифа в легенду другую.
С Полярной звездой и огнем поцелуя.
Но бархатный холод тебя приласкает.

И тикает время сквозь лед циферблата,
И кто-то опять эту сказку заводит.
И римскими цифрами медленный фатум
Начертан. И год роковой на исходе.

«Его книга напоминает глоток зеленого шартреза...»

(Иннокентий Анненский о поэзии Гумилева)

Три глотка зеленого шартреза,
Вот и будет книга. Будет Книга.
Первых слов серебряная доза.
«Синий зверобой» и ангелика.

«Синий зверобой» и ангелика.
«Доля ангелов»? Божественная лепта.

Тайна монастырского рецепта,
И до боли терпкая гвоздика...

Не печаль. Струна звенит на лире,
Звук сменяя тонким ароматом.
Не тоска. А только вкус муската
И шепотка белого имбиря.*

Может, вправду, каждому по вере,
И по саду из тигровых лилий?
Помнишь ли, «Гафиз», писавший «Лери»,**
Как друг друга вы тогда любили?

Жажда странствий, словно жажда Слова.
«Сад узорный»... Колдовской гербарий.
Это после – «дигестив» свинцовый
Или привкус оружейной гари...
Я узнаю радость синестета -
Терпкий вкус отыскивать у звука...
«Синяя Звезда» - мечта поэта,***
Помнишь ли, какой была разлука?

*Синий зверобой, ангелика, имбирь- ингредиенты ликера шартрез
** « Гафиз» и «Лери» - имена Гумилева и Ларисы Рейснер в их переписке.
***«Синяя Звезда» -последняя любовь Николая Гумилева

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК

(Бельгия)

Родился в 1961 г. в Молдавии. Окончил Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. С 2000 года живёт в Бельгии. Доктор наук. Публиковался в поэтических сборниках и журналах 10 стран. Автор книг стихотворений «Лестница с неба» (2010), «Метаморфоза» (2012), «Вселенная, живущая во мне» (2014) и «Поэталамус» (2018), книг прозы «Зимовье губы Ширильды» (2013), «Полтора километра льда» (2014), «Байки из книжной лавки» (2019) и «1985, или Полевой сезон» (2020), а также книг «Лира» (публицистические материалы о поэзии, 2015), «Зёрна истины» (2017) и книги-бilingвы «Записки русского бельгийца» (2020). Составитель сборника статей «Русская поэзия за пределами России. XXI век» (2018). Президент ассоциации «Эмигрантская лира». Участник различных поэтических фестивалей в Бельгии, Великобритании, Грузии, Марокко, Португалии, России и Украине, организатор выездных фестивалей и поэтических вечеров «Эмигрантской лиры» в Австралии, Германии, Китае, Великобритании, Нидерландах, США, Финляндии, Индии и др.

* * *

С утра затянуло пейзаж за окном.
Спасенье – в бутылке с грузинским вином,
в неспешном искании смысла
того, что над парком нависло.
Под дождь хорошо вспоминается пляж
какой-нибудь людной Анапы –
войдёшь с кондачка в поэтический раж
и пишешь шедевры с нахрапа,

бумаге вверяя излишний лиризм.
За географический детерминизм
поднимем, родная, бокалы,
на время забыв про оскалы
чужого по сути своей бытия.

Тут часто бывает несладко,
и горько порою бывает, но я
привык подниматься над схваткой,

над бытом, над ядом чужбинной воды,
над мёртвою хваткой извечной нужды –
любую бельгийскую узкость
расширит умелая русскость,
а главное – вслед за холодным дождём,
неважно, зимой или летом,
нисходит с небес вдохновение в дом,
и Муза флиртует с поэтом.

* * *

Над вспыхнувшей геранью паутина
поблёскивает в солнечных лучах.
Паук, от маеты устав рутинной,
эстет в душе, погрязший в мелочах,

скукожился и слушает вполуха,
сквозь дрёму, овладевшую двором,
как хочет жить измученная муха,
опутанная липким серебром.

День клонится к концу, и то и дело
в тенётах завершается полёт.
Когда-нибудь придёт и твой черёд
задуматься, зачем герань горела.

* * *

Скрипят половицы, и кости скрипят,
и тело зудит от макушки до пят
от варварской пытки бездельем –
квартира, как тесный испанский сапог,
безжалостно жмёт, а шагнуть за порог
нельзя, и в обрыдлой постели

лежишь, поражаясь былой суете,
исчезнувшей, словно вода в решете,

лишь ропщешь порой на природу,
что нас, человекообразных скотин,
железной рукой загнала в карантин
животному миру в угоду.

Пытаясь беду от себя отвести,
сидит человеческий род взаперти
по фанзам, домам и халупам –
бухает, жуёт, напрягает мозги,
но дальше порога не видит ни зги,
и всё это, в общем-то, глупо.

Так хочется, сонный нарушив покой,
скакнуть за окно и могучей рукой
отмстить неразумным хазарам,
но надо, скрывая душевный недуг,
входить в инстаграм, телеграм и фейсбук –
чтоб там подлечиться задаром.

* * *

Коронавирусной весны
примета – в шуме заграницы
слова, как капли тишины,
вдруг проступают на странице.
Не «мене, текел, упарсин» –
понятнее и проще с виду,
но это мой антитоксин
для профилактики ковида.

Поэт

В стеклянном кубе, наглухо закрытом
для вирусов – чтоб не прервалась жизнь! –
лежал поэт с душой-метеоритом,
и всё глядел в мерцающую высь.

Текли века, и праздные зеваки,
раскрывши рты, толпились за стеклом,
за Понт сражались с римлянами даки,
неслась Земля в космический облом,

а он, с простым блокнотом на коленях,
смотрел, не замечая кутерьмы,
в первопричину светопреставленья –
источник света, бьющего из тьмы.

В стеклянном кубе, в строгом карантине,
вдали от мерзопакостных грязнот,
он плыл сквозь время, как на бригантине –
но был, увы, пустым его блокнот.

* * *

«...и кроме родины, ничем я не торгую»

Лев Лосев

Давно уж за полсотни, но в мозгу
я тот же мальчик, злящийся на згу
за то, что никогда её не видел.
«Там, за бугром, одна лишь зга вокруг!».
Есть многое на свете, милый друг,
что и не снилось девочке из МИДа.

Она всю душу вкладывает в ложь,
но на мякине нас не проведёшь.
Приди, родная, в мой bookshop под вечер.
Ну что ты так приклеилась к Кремлю?
Ты любишь ром? И я его люблю!
Иди, я обниму тебя за плечи,

и прочитаю лучший свой стишок.
Да что ты всё про путинский рывок!
Оставь его отжившим и не жившим,
а нам с тобой, нормальным русакам,
скакать всю ночь, как свежим рысакам,
по бесконечной простыне Парижа.

Римский дождь

Под утро мысли спрыгнули с насеста
и разбежались в поисках зерна,
но пицци нет, лишь тили-тили тесто –
соратница, любовница, жена

(последнее давным-давно де-юре).
Я не живу, я умер от любви.
Отель для пары – рай в миниатюре,
где вместо змея – хитрое ТВ.
Из глубины другого измеренья
смотрю на нас, целующихся вновь
и вновь, на сладкий миг благотворенья,
да что там приbedняться – на любовь.

По стёклам бьют увесистые капли –
ни дать ни взять мелодия цимбал.
Как часто я на собственные грабли
по молодости глупо наступал!
Гонясь день и ночь за синей птицей,
топтал ногами дивные цветы.
Мне было проще заново родиться,
чем излечить себя от слепоты.
Так в темноте полжизни пролетело,
но повстречала странница меня –
в один момент вдохнула душу в тело,
и я прозрел от яркого огня.

Дождь-цимбалист прибавил обороты.
Целуя губы, пахнущие сном,
я погружался в сказочные гроты
без непогоды римской за окном.
Белая жизнь маячила сквозь темень,
врывались в уши чьи-то голоса,
но тщетно звали жён ушедших тени –
я позабыл давно их адреса.
В меня втекал сквозь кожу пилигрима
невыразимо чувственный покой.
Притихло всё, и только сердце Рима
чуть слышно билось под моей рукой.

БЕРТА МИХАЙЛИЧ
(24.03.1928 – 24.05.2019)

Родилась и выросла на Украине, в городе Киеве. Там же 40 лет проработала врачом-реаниматологом на станции скорой медицинской помощи, где лечила, учила, руководила. Первое желание писать стихи появилось с рождением внука. О нем и для него первая подборка детских стихов. Не писалось почти 20 лет. И только в Мельбурне вновь посетило вдохновение.

Нашла случайно два письма,
И оба на листочках белых.
Одно-от друга моего,
Письмо второе – от того,
Кому сказать все не сумела.

Передо мною два письма.
Одно веселое – о дружбе и ребятах,
А во втором холодные слова,
И в этом я лишь виновата.

Перечитала письма вновь
И вспомнила все то, что в прошлом было:
Весна и молодость, страдания и любовь...
Я не случайно эти письма сохранила.

ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ

Родился в Харькове, жил в Ленинграде, Португалии, Франции.

В Австралии уже скоро 20 лет.

Пишу стихи с детства. Иногда получается.

Маски на лицах, роли играем,
А измениться не успеваем,
Каждая маска красный оставит шрам.
И вечерами, маски снимая,
Шрамы считаем, не узнавая
Лица, что мамы в детстве дарили нам.
Каждое утро планы построим,
Умный их мудро делит на трою,
Глупый заполнит каждый делами час,
И вечерами, глупые все мы
В стопки уложим наши проблемы,
Тема за темой в сумме составят нас.
Так и несемся шариком в лузу,
Наши колеса в грязи под грузом,
Не пропускает галстука узел вдох..
Чешутся шрамы, но до утра мы
Мертвые камни в рамках программы
Что написал когда-то безумный бог.

Все будет по закону, по буквам с запятыми,
По формулам чеканным параграфов сухих,
Построимся в колонну во славу и во имя,
Грядет святым и странным расплата за грехи!
В законе нет святого, а странного тем паче,
Закон не коромысло, закон не знает чувств,
Закону что корова, что джентльмен удачи,
Он нас единомыслит, равняя как Прокруст.

А тем, кто не коровы, хотя и не пираты,
И ходят под законом, но все же не мычат,
Закон свободу слова распнет на постулатах,
Рисуя на иконах святого палача.

Наверное, мне повезло.
В могиле лежу под звездой,
Гляжу на родное село:
Я все же вернулся домой.
И на элементы меня
Разложит родная земля,
Я дам пробудиться корням
Травы на знакомых полях.
А влага, стекая с костей,
Частицею станет дождя,
Что копоть отмоеет со стен
Где вы застрелили меня.
Две пули словил со спины,
Но я на вас зла не держу,
И ваши не трогаю сны,
И лишь напоследок скажу:
В бою попадаете вы
По каплям дождя на стене,
По стеблям высокой травы...
Вы не промахнетесь по мне.

Из-под пледа при свечах
Тонкие запястья,
Робкий, нежный силуэт
Хрупкого плеча,
Чашка чая горяча,
За окном ненастье,
В зеркалах трепещет свет,
Плавится свеча.
Как движения легки,
Пусть и реже, реже...
Поздний час, ленивый час,

Некуда спешить...
От руки и до руки
Расстоянье режет
Обвивающие нас
Ниточки души.
Только ниток мы с тобой
Столько навязали,
Что в зеркальном витраже
Их полным-полно,
И несбыточной мечтой
Отомрут едва ли,
Ведь сбываются уже
Свечи, плед, вино.

От тоски неострой
Сны не оградят.
Лужа бита оспой
Редкого дождя,
И болеют дети
Свечками в аду,
Я в кордебалете
Надцатый в ряду.
Холодны и зыбки
Тени на ветру...
До твоей улыбки,
До касанья рук.

Светится серебром
После дождя асфальт,
Битву добра со злом
Не отложить, а жаль...
В свежеумытый город
Скоро придет рассвет,
Пусть он увидит сытых котят
И золото на листе.
Линия серых крыш
Ранит звезду углом,

Скоро взломает тишь
Битва добра со злом,
Снова не будет пленных,
Снова себе шепчу:
Надо успеть покормить котят
И краски достать чуть-чуть.
Крови соленый вкус,
Хищный металла блеск,
Снова с утра возьмусь
Смерть продавать на вес,
Ангелы скрылись в синем,
Черти на бой зовут,
Но я до утра покормлю котят,
И позолочу листву.

Недавно я жил невесомо и гордо,
Но чувствую явно, что я тяжелею:
Не давит несчастье, не гнут меня годы,
Мне женщина птичкой садится на шею.
Пусть будет мой путь и неверен, и труден,
Но я остаюсь при своем интересе:
Мне нравятся бедра, мне нравятся груди,
Мне нравятся ножки, которые свесит.

ЕЛЕНА НАИЛЬЕВНА

Поэтесса из Самары.

Печаталась в журналах «Юность»,
«Литературная газета», «Дальний Восток»,
«Белый ворон», «Литературный Иерусалим»,
«Формаслов», «Тропы», «Глагол», «Буквица»
и т.д.

Есть два сборника стихов — «Под облаками»
и «А яблок было!», изданные в Москве.

Собака

А.

Занавеска чуть желтее с краю,
рыскает позёмка по степи.
Снилось: я внезапно умираю,
и собака плачет на цепи.

Долгое животное терпенье
не оценит мёртвый человек.
Как же отвязать её теперь мне,
если сам отвязанный навек?

Тропка не протоптана к сараю,
старая фуфайка на крюке.
Вот лежу и тихо остываю,
зенками увязнув в потолке.

Не ломить костям, не мокнуть ране.
Надо было юркую, как вошь,
отпустить тебя ещё вчера мне.
А сейчас —
сейчас уже чего ж...

Хочешь, вой да цепью громче звякай,
человечек твой обрёл покой.

Лишь душа кружится над собакой,
в неизвестность лающей с тоской.

Холодно в балетках уже

Холодно в балетках уже, и дворик
вежливо выпроваживает домой.
Школьницей, наплучавшей двойку,
долго плетусь дорогою непрямою.

Голосом шизанутой виолончели,
знающей лишь фальшивую си-бемоль,
на посошок поскрипывают качели
с толстым подростком. Я не хочу домой.

Дома тепло, уютно и пахнет щами,
горкой портфели сложены на полу.
И вразной мальчишки ответят: "Ща мы!",
и полчаса не выйдут на зов к столу.

Стоит присесть, и на руки шмыгнет кошка.
Хочешь прилечь — платье слетает с плеч.
А у меня с души облезает кожа,
зимней Невой в подъязычье застыла речь!

Тут бы сглотнуть. «Водки вам или пива?» —
бросит на кассе бледная эта моль.

Мысль обжигает едкая, как крапива:

я
не
хочу
домой.

– Я не люблю людей, – поправляет Бродский,
щурясь мне и закуривая взатыг.

Крыльями машут пернатые перекрёстки,
в гнёзда уносят машины в своих когтях.

Это сегодня за глотку схватила осень,
завтра наступит самый обычный день.

– А повторить? – настаивает Иосиф.

– Я не люблю людей.

...

Дворик окутывает отсыревшей тьмой,
Бродский ушёл на Васильевский остров на ночь,
и я понимаю, как я хочу домой.

И что не люблю людей, забываю напрочь.
Звякнув в прихожей сумочкой и ключами,
я обнимаю любимого, и тогда
он говорит задумчиво: "Обещай мне...",
и я обещаю: "Да".

Антилопа гну

Если вдруг уляжется кутерьма,
зоопарк закроется до весны,
отвечай же, клетка моя, тюрьма,
ты меня отпустишь, и хоть бы хны?

И, за мной ворота свои закрыв,
утонув в делах полосатых роб,
не услышишь дикий полночный рык,
не увидишь, в кого я вонзила рог.

Я свободна — вот моё реноме,
я крошу копытами целину.
Лишь пятном на клетке, ни бэ ни мэ,
на табличке вздор: "антилопа гну".

В крокодильей пасти ли мне мычать,
ублажать ли духом нутро саджи,
знать хочу: ты будешь по мне скучать,
если всё закончится? Ну скажи.

Хот-дог

Идти, идти, не замечая ног,
как будто в номерах закрыться не с кем,
и самый вкусный в жизни свой хот-дог
купить с тележки, мёрзнущей на Невском.

И после зазеркалья анфилад,
когда уже в глазах слегка троится,
застыгь, пока, одетая в бушлат,
над булкою колдует продавщица.

Как ни цветы прощанье на устах,
как самолёт ночную даль ни режь, но
я буду там, где цепи на мостах
и утки по воде скользят небрежно,

идти, до ночи улицы топтать,
где катером залив по краю вспорот,
где ртом не можешь воздух не глотать
и не влюбляться в спутника, как в город.

Танцуй

Нешадно косят пули-дуры,
на добродетельность природы,
на чин и возраст не смотря.
Танцуй, пока не зацепило!
Пока ещё своя терпима,
чужая боль до фонаря.
Танцуй, под выброс дофамина,
покуда смерть хромает мимо
и крутит песенки диджей,
торчит заката красный бивень
и барабанит летний ливень
по хлипкой будке сторожей.
Доверься внутренней пружине,
пускай вокруг мужья чужие
ногами вертят кренделя,
и кто-нибудь приносит пива,
и молнии летают криво,
а ты такая – тра-ля-ля.
Кайфуй же в танце, нелюдимка,
покуда шапка-невидимка
от горя спрятала, ку-ку.
Пока уснули с няней дети,

пока плевать на всё на свете
и равнодушна к шашлыку,
пока вдали гудит шалманчик,
пока красивый смотрит мальчик,
хоть всё всегда идёт к концу,
покуда лето, лес и полночь,
пока ты ни о чём не помнишь,
танцуй!

Зимой в Крыму

Зимой в Крыму земля белым-бела.
Зимой в Крыму ни разу не была.
Не знаю, почему. Не приходило
на ум, что надо бросить все дела
и поселиться на краю села,
где млечный путь дымится, как кадило.

Когда выходишь ночью в светлый сад,
вздыхая, в тишине деревья спят,
ни ветерка, и воздух так хрустален.
И только старый кот по кличке Сталин
с застывшим жёлтым взглядом, жутковат,
сидит и охраняет мрачность спален.

Бредёшь с утра на кухню босиком,
а тут тебе и крынка с молоком,
и свежий хлеб, душистый и пузатый;
и, курагу ошпарив кипятком,
глядишь в окно на снег голубоватый.

Жужжит приёмник: Брич-мулла – пчела;
на вишне прошлогодня смола,
на небе солнца колобок раскатан.
Зимой в Крыму ни разу не была,
но знаю, как там...

ОЛЕГ НИКОФ

Живёт в Киеве, Украина. Пишет, в основном, в столбик. Часто в рифму. Иногда теряет блокноты. Лауреат и дипломант многих литературных премий, в т. ч. «Русский Гофман», им. Ю. Каплана, В. Сосюры, Б. Гринченко, Э. Хемингуэя, М. Волошина и др. Глава правления Киевской организации ВТС «Конгресс литераторов Украины». Наречён Знаменосцем Председателей Земного Шара. Владелец издательства «Друкарский двор

Олега Фёдорова». Учредитель международного литературного фестиваля «Интерреальность».

Мама мыла раму

Ты говоришь, – все хорошо.

А мне б отвлечься...

Как будто день один прошел –

Минула вечность...

Я думал, мне достанет сил –

На дни и годы...

Казалось, я не уходил, -

Гостил поодаль.

Казалось – сел не в тот трамвай, –

Пустяк неловкий.

И вот вернулся невзначай

На остановку...

А там – с мороженым лоток

Все тот, ютится,

И тот же, вроде, паренек,

Обнял девицу...

Но... вот идет мой школьный друг, –

Он сдал заметно:

Идет вальяжно, как и внук,
Его трехлетний.

Но вот мой дом... В моем окне
Другие рамы.
И в нем, увы, не машет мне
Рукою мама...

Ты говоришь, - все хорошо?
Ты прав. Отчасти...
Казалось – только миг прошел, –
Минуло счастье...

Здравствуй, Серый!

Здравствуй, Серый! Ну как ты там?
Как мечтал, благодать да тишь?
Смотришь бодро не по годам...
Улыбаешься и молчишь...
Мы живем – не обидел Бог:
Дочь растет, да ворчит жена...
Разделила со мною срок
У казенных дверей сполна...
Это сколько ж минуло лет,
Как не виделись мы с тобой?
Да!!! От Лены тебе привет!
Разошелся с ней тот «плейбой».
Знаешь, в общем-то, недосуг
Стало нынче вершить дела:
Устаканилось все вокруг –
Жизнь размеренная пошла.
А вот помнишь, как мы могли:
Ритм, басуха, бутылъ вина, –
Петь в два голоса «Журавли»
И Макаровы «Три окна»?..
Помнишь, в восемьдесят втором,
Жизнь планируя наперед,
Мы мечтали с тобой о том,
Как двухтысячный встретим год?..
Не сложилось. Прости, браток.

Разошлись мы с тобой в пути.
Веришь, раньше никак не мог
Я могилу твою найти...

Диалоги в немом кино

Диалоги в немом кино, –
Только взгляды да жесты рук...
С ним не дружит она давно,
Он давно ей уже не друг...

Он – солиден и неуклюж.
Не на выданье и она...
У нее – на диване муж.
У него – у плиты жена...

Ей расслабиться нет причин,
И ему, вроде, тоже нет:
У нее справил свадьбу сын,
У него – дочь ушла в декрет...

Закрывается ресторан –
Посетителей просят прочь...
Он не спать будет до утра,
И она – не заснет всю ночь.

У недружбы особый счет...
Не его, не ее вина,
Что зачем-то, не первый год
Он не с ней, и не с ним она...

Так не дружат они давно,
Вот такая беда, старик...
Диалоги в немом кино –
Выразительнее, чем крик...

Аллюзия

Столкнулись рюмки в поцелуе
И нежно застонал хрусталь...

Как двадцать лет назад, в июле...
Ах, нет... ведь это был февраль?

Ах, да... Тебя же звали Ирой?
Тогда, за кухонным столом
Мы пили чай... в твоей квартире,
Тот, настоящий, – "со слоном"?

Ой, нет... не ты. Но как похоже
Ты улыбаешься в ответ...
Да! Называй меня Серёжей...
Нет... не обиделся... Нет, нет!

Какая разница? Я знаю,
Что скоро ты предложишь мне
Распить с тобой "по чашке чаю"
К тебе поехав... разве нет?

И станешь грустной, и к тому же
Зажжешь початую свечу,
И не расскажешь мне о муже,
И я о многом умолчу...

И в недосказанности этой,
В случайной схожести времён –
Не будем мы искать ответов,
И называть своих имён...

Катастрофа в моем Отечестве
В пору детства беспечно-шустрого,
Да и позже, томимый зоною,
Я беду – наперед предчувствовал,
И встречал в изготовке оную...

Может, только лишь в силу этого,
Дав дерьма глотнуть полной мерой,
Жизнь дарила мне столько светлого,
Чтобы я забывал про серое...

Но былые забыв лишения,
Вновь душа моя нервно мечется....
Будто чувствует приближение
Катастрофы в моем отечестве...

Если б часы поломались однажды

Жизнь не делима на эры и фазы,
Не существуют века и эпохи...
Если нажать на три клавиши сразу,
Я не замечу вовсе подвоха...

Киев, Афины, Ерушалаим –
Все это только лишь смена иллюзий...
Может, вселенную я разрушаю,
Шар бильярдный отправивши в лузу?

Может, палач я, бесчувственный к плачу? –
Что ж пробирает похмелье до дрожи?..
Может быть, звуки я слышу иначе,
Коль поминутно мурашки по коже?

Все неизменно. В движении каждом
Что-то во мне замирает все чаще...
Если б часы поломались однажды,
Я бы не знал, что живу в настоящем...

Просится выдох. Нет воли для вдоха.
Пусть оборвется во мне то, что тленно,
Раз уж не чувствую вовсе подвоха
Клавиш, нажатых одновременно...

Вроде бы все – просто выдох, и точка.
Веки прикрыть, и исчезнут заботы...

Но перепуганно шепчет мне дочка:
«Папа, чего ты? Папа! Чего ты?..»

ГРИГОРИЙ ОКЛЕНДСКИЙ

Родом из Белоруссии. Школьные годы – в Гомеле, студенческие – в Ижевске, лучшие – в Новосибирском Академгородке. Кандидат технических наук. Более 25 лет живет и работает в Окленде. Автор 3-х поэтических книг – «Время собирать...» (Ижевск, 2010), «Время стихов» (Москва, 2014) и «Что дорого...» (Москва, 2020), многочисленных публикаций в бумажных и сетевых изданиях, таких как «Гостиная» и «Связь времен» (США), «Эмигрантская

Лири» (Бельгия), «7 Искусств» и «Мастерская» (Германия), «Витражи» (Австралия), «Поэтоград» и «Новая Реальность» (Россия), «Артелен» (Украина), «Метаморфозы» (Беларусь), и др.

Финалист нескольких международных поэтических фестивалей, лауреат литературных конкурсов. Член Российского Союза писателей XXI века.

Воспоминаний тонкое руно...

А молодость... Всё дальше, всё нежней.
То призрачной, то явственной, то глуше.
Ничто её теченья не нарушит –
Лишь памятью встревожится моей.

Лишь рано поседевшие виски
Всё помнят город, пахнувший полынью,
Где мы с тобою не были близки,
Но дышим той влюблённостью поныне.

А молодость... Всё выше, всё светлей.
Не разгадать, не встретиться, не сбыться.
И осень пожелтевшие страницы
Метёт к ногам уснувших фонарей.

Воспоминаний тонкое руно,
Как облачко, плывет за мной и тает,
Прощается, свободу обретает,
Но не звенит натянутой струной.

А молодость... Всё старше, всё мудрей.
Пытается догнать и приголубить.
И голубок тебя целует в губы,
А губы тихо шепчут: "Дуралей..."

Другу

Говорю с тобой.
И с собою тоже...
Годы – за спиной.
Может, подытожим?!
Время – не умрёт!
Ни при нас, ни после.
Ускоряет ход.
Это жизни осень.

Что там впереди?
Призрачные дали?
Душу бередит
музыка Вивальди.
Знаменем свечи
очарован, светел –
Где конец пути,
знает только вечер.
Друг мой, не боюсь
впасть тебе в немилость –
Бардовская грусть
души нам лечила,
Грела у костра,
обжигала губы.
Правдою слова
стискивали зубы.
Сила – это страсть,
множенная верой.
Только б не упасть
под напором ветра...

Мы теперь живём
на другой планете.
Нету бурь, и гром

непонятен детям.

Жизнь в чужом раю
притушает чувства.

Молимся огню,
чтоб страдать по-русски!

Наша жизнь – борьба,
трудная, с собою.

Море до утра
бой ведёт с прибоем...

Хочется уснуть
молодым, в России,

Шёлковую грудь
целовать впервые.

Юный холмик грёз
трепетно лаская,

Закричать, до слёз! –
«Где моя родная?!»

Глухо, тишина –
не ответит время.

Бьёт меня волна
бумерангом в темя.

Не растёт вдали
у поэта дочка.

Крылья опалив,
затухает строчка...

Камертон осенний

Морозящий дождь навевает грусть.

Монотонный, жалобный – свесил уши.

И сиреневый полусонный куст

Мне кивает в такт и обходит лужи.

Я смотрю на небо –! плывут домой

Островные тучки, раскинув руки.

Океан рычит приливной волной,

Накрывает берег и гасит звуки.

В октябре дурацкой хандрой пленён.

Камертон осенний весной отравлен.

Облепили гроздья со всех сторон
По воде плывут отголоском давним...

Шахматное

Старые потёртые шатры -
Шахматной доски поля живые,
Где горят высокие костры
И резвятся кони молодые.
Что слоны? Бывают неверны.
Но в бою храбры как офицеры!
Благородной поступью честны -
Пешек не бросают под прицелом!
Пешки защищают Короля -
Люд простецкий древний чтит обычай!
Их приносят в жертву не скорбя -
Пехотинцев царского величия.
Я в гамбитах больше не силён.
Жертвую ладьёй, игру итожа.
Над шатром плывёт последний чёлн
За три моря. Эндшпиль безнадежен.

Тревожное

Застывший город. Берег моря.
Ни дна, ни кораблей.
Собаки чуют запах горя,
Чураются людей.
Прохожих мало. Все по парам.
Как в связке. Связь прочна?
И омывает берег старый
Усталая волна.
Она касается лодыжек.
Вздыхнув, уходит в ночь.
И глядя вслед, тревожно дышишь,
Стараясь превозмочь...
Часы идут, а время встало.
Безумье снов.
Нас будет много или мало
В конце концов?

Закон природы

Любовь - прелюдия разлуки.

Разлука - исповедь любви.

Её гони, её зови.

Уходят в прошлое подруги.

Дорогу освещают внуки -

Иди за ними. Се ля ви.

Чудесны юные побеги

Прозрачной, хрупкой новизной,

Умывшись утренней росой!

И ручейки, речушки, реки

Раскрыли руки, чтоб навеки

Наполниться живой водой.

Соцветий трепетные всходы

В обнимку учатся летать.

Не обратить мне время вспять

И не раздвинуть неба своды,

А исполнять закон природы -

Детей от бурь оберегать.

ПОЛИНА ОРЫНЯНСКАЯ

Родилась и живёт в подмосковной Балашихе. В 1992 году закончила журфак МГУ. Работает в издательском доме «Бауэр Медиа» главным редактором журналов исторической и научно-популярной серии «Наша история», «Все загадки мира», «Архивы XX века». Автор поэтических сборников «Придумай

мне имя» (2016), «Цвет люпина» (2017). Лауреат первой премии «Поэт года» за 2015 год в номинации «Дебют» и Второй премии «Народный поэт» за 2016 год. Победитель Международного Грушинского Интернет-конкурса 2017 года в номинации «Поэзия». Бронзовый призер Кубка мира по русской поэзии – 2016, 2017. Абсолютный победитель 8-го открытого Чемпионата Балтии по русской поэзии – 2019.

Я майский жучок в коробочке января.
Практически дохлый, по совести говоря.
Пожалуйста, перестаньте меня трясти.

Оставьте последнюю волну – крылатый сон.
А я бы проснулась, когда под капельный звон
оттает земля до мамонтовой кости,

на даче зажжётся лампочка над крыльцом,
и станет тепло и светло, и, в конце концов,
я выпущу крылышки, чтоб устремиться к лугу...

Но вот незадача: весёлый пацанчик-бог
привяжет меня за одну из мохнатых ног
и будет, смеясь, на нитке гонять по кругу...

Малины

Небесная нибениместная
тугая птичья недотишь.
Вот так закинешь пледом кресло
и целый август просидишь.

И будет дождь. Ах эти бусины,
на чёрных ветках бубенцы...
Как сладко нянчить послевкусие
июльской солнечной пыльцы

и днями сонными и длинными
(а есть у жизни смысл иной?)
тебя туманными малинами
кормить из кружки жестяной.

А там и лето подытожится.
Шагнёшь – остылая земля.
И солнце розовую кожуцу
за лесом скинет на поля...

Забор

Здесь был забор. За ним дичалый сад.
И летом пионеров-октябрят
пасли в саду вожатые с завода.

А с этой стороны был дом и двор.
Мы на него смотрели сквозь забор.
Там был июнь. И там была свобода.

Мы знали все лазейки и ходы,
но толку? Ни туды и ни сюды...
Мы не любили лагерной еды
из заводской столовки номер восемь.

Но нас водили парами туда.
Мы по пути сгорали от стыда,
встречая вольных со двора.
Небось им,

безгалстучным, бездомным, деловым
и пыльным от носков до головы,
казалось, что мы маменькины детки.

И мы-то знали: это всё не так!
Но знаменосец нёс в столовку флаг
на пластиковом древке.

Мы тихо бунтовали в тихий час.
Вожатые наказывали нас,
в одних трусах поставив в коридоре.

Грозили, что поставят без трусов.
Завод гудел, и маму в пять часов
мы ждали, повисая на заборе.

Я не скажу, что мучилась тоской,
когда снесли наш лагерь городской
(в миру – вечорку для пролетарьята).

Всю жизнь я не любила тот забор.
А сад не забываю до сих пор –
там было дички в августе богато.

Босоножки

Сняв босоножки,
подхватив их рукой,
я иду по дорожке
над прозрачной рекой,

над пучками осоки,
над горбами камней,
и стрекочут сороки
чёрт-те что обо мне.

Мол, от девочки той-то
не осталось следа.
Чтой-то?! – выкрикнет сойка.
Та же, просто седа.
Шлёпнут рыбы хвостами,
распугают мальков...
Это штука простая,
человек – он таков:

вместо веры – надежда,
вместо вечности – срок.
Он становится прежним
через тыщу дорог.

Отпускает печали,
смотрит вслед с-под руки...
И снимает сандалии,
чтоб пройти вдоль реки.

Собака

Что знает собака о смерти? Что смерти нет.
Есть одуванчики, снег, прелые листья.
Так будет всегда – у собак не бывает лет.
И это важней человеческих истин.

Что знает она о любви? Что любовь проста:
будь рядом, облизывай руки, сопи под боком,
помахивай закорючкой хвоста
и жди у порога.

Что знает собака о божестве? Что он придёт
всегда, даже если ушёл от неё надолго.
И я бы хотела, ты знаешь, вот так же вот
верить и в жизнь, и в любовь, и в Бога.

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете. Высшие литературные курсы при Литинституте им. М. Горького 1991-1993 гг. Публиковался с 1978 года в советских журналах и газетах. Выпустил восемь книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга, Москвы и Казани, последняя

из которых, «Вишнёвый сайт» вышла в 2017-м, а в 2018-м получила Державинскую премию. Неоднократно принимал участие в Международном литературном фестивале имени Максимилиана Волошина (Коктебель) и Международном поэтическом фестивале «Киевские Лавры» (Киев). На свои средства организовал в Казани три Форума современной поэзии (2004, 2005, 2008). В 2000-2004-м годах издавал за свой счёт молодёжный литературный журнал "Айда!", ежемесячным тиражом 4000 экземпляров.

Марьяж

Разрычались тигры лобной доли -
это что за цирк из тупика,
коротаем игры доброй воли
картами краплёными пока,

зачитавшись мыслями чужими
вспоминаю сплав по Кольме,
и глазам усталым при нажиме
тесно, будто тесто в голове,

на меня валеты все похожи,
только даму в масть не нахожу,
как горячий воск течёт по коже,
водка в бархат пива - по ножу,

аисты творят венец терновый,
утренний в телятнике восторг,
и горит зарёю Ивановой
Машенькой зарёванный восток.

Попутная астрофизика

Вот и всё на рассвете не замерло,
грянул ливень, короче - движуха,
расцелует звезду фотокамера,
коль случится на тучу проруха,

расплескались подсолнухи рыжие,
закипел иван-чай из ванили,
словно добрых людей не мурыжили,
в неотложку по ним не звонили,

научились трещать автоматами,
о бессмертии будущем врать, но,
всё равно распадёмся на атомы,
где ни света, ни тьмы - невозвратно,

дорогая, запомни лицо моё,
шаткий кузов последней попутки,
где в дорожной пыли пританцовывают
разорвавшихся звёзд незабудки.

Петля времени

Что будет с этими и с теми,
когда в теплице добрых лиц
фигуры расставляет время
и не проигрывает блиц,

а ты испортил кадр, не дуб ли,
не время думать с кем оно,
идёт кино - сплошные дубли,
одно и то же кимоно,

одна пространства кривизна, и
как не пропасть, спроси у пчёл,
что всё не так – и так я знаю,
пятна на солнце не учёл,

но вырвешься на дачу рано -
звенит скворца зубная нить,

достанешь юность из чулана
поверх щетины нацепить,

запело радио с причала,
проснулся в чашке муравей -
и вновь котёнком заурчала
любовь за пазухой твоей.

Фонарик

Светил против солнца, поэтому фокус нестойкий,
прикуплен по случаю, ржавый, как выпачкан йодом,
на рынке блошином, а мог бы пропасть на помойке,
фонарик-фонарик, нельзя быть таким идиотом,

гори всё огнём, эти звёзды - твои антиподы
на Млечном пути пол-литрового деда Можая,
по спящему лесу туристских костров пароходы
плывут вдоль реки, на познание скорбь умножая,

проверишь в значке количество реинкарнаций,
одну для себя оставлял ещё хитрый патриций,
как много тщеты, и за что бы не стоило браться,
а было всего-то делов - осветить и побриться,

в засосах осин и колдобинах глушь объездная,
подсев батареей, какой только чуши ни порем,
я в детстве считал, что умру, а теперь вот не знаю,
и небо звенит, как хрустальная люстра над полем.

Счастье

Пока враги кряхтели с тыла, страна ощупывала дно,
казалось, счастье рядом было, но было ли оно - оно,
не унимался зуд подкожный предчувствием иных забот,
придётся подождать, возможно, ещё немного, и - вот-вот,

а в будущем усталый хакер, на Марсе подхватив гастрит,
пошлёт свою эпоху на хер, и в нашу лыжи навострит -
включая аварийный пеленг, успеть бы смельчаку напеть:
чтоб разумел сначала перед не удивляться и терпеть,

чтоб на заре, умывшись щами, начальство посылать в качель,
не обращать на обещанья любимых женщин и врачей,
не спянуть вдруг от жажды мести, расходуя полоний зря,
всегда в одном и том же месте бросать понты и якоря,

забыть в поход любимый свитер, сыграть на спички в дурака,
поддаться чарам леди Винтер, свинтить в итоге, а пока
трещит на батарее «Прима», хрипит на записях Вудсток,
и счастье пролетает мимо, как рейс Москва-Владивосток.

Клёва нет

Ночь хватает за бока, начиняет страхами,
только счастье рыбака удочкой потряхивать,
будь спокоен, капитан, береги отечество,
пусть товарищ твой - метан, по корягам мечется,

на наживку поплюёт, переставит грузило,
у такого не клюёт - суетой контузило,
тяпнуть рюмку недосуг, закатил истерику:
правду наглуую несут сволочи по телеку,

рвёт рубаху на груди, с вышивкой, что Штоколов -
стой нормально, не ходи всё вокруг да около,
сами знаем, что бардак, пироги с кониной,
кто над нами не за так, тычет вилкой в спину нам,

время пленных не берёт, всех, кого застали мы,
всяких запад-наперёд не было при Сталине,
береги свой поплавок, пироги капустные,
мучает людей не Бог, а его отсутствие.

Дым и рым

Зима, как штукатурка с потолка -
повсюду гипс рассыпан и размазан,
губой примёрзла к берегу река,
и полынья мерцает щучьим глазом,

позёмка брызжет кашей просяной,
рябины куст синицами изгвоздан,

сквозь острый воздух именно зимой
виднее обезжиренные звёзды,

а ты большой и больше не шалишь,
а там, в овраге, лежбище Прокруста,
сама с себя расщелинами лыж
скользит гора, опухшая от хруста,

валежника навяжешь второпях,
где, гнёздами вороньими патлаты,
осины держат стужу на ветвях,
облезлые, как старые домкраты,

пока луна не выгнулась дугой,
уснёшь в избе, вдали от глаз недобрых,
не разобрав, чей почерк над трубой -
шифровка или Пушкина автограф.

Привет Заболоцкому

Чтоб, по-мичурински разумно, рассветом опылять сады,
шмели и бабочки-глазуни взлетают со сковороды,
пока текут они сквозь сосны и незнакомых насекомок,
ых, выхожу в открытый космос, без зонтика и босиком,

я вижу землю, диск в полоску - пижама жабы на просвет,
края присыпаны извёсткой, как пионёрский туалет,
клубится пыль с изнанки сада, где душно и польнь горчит,
как веточка от винограда из тучи молния торчит,

скрипят уключины противно, заводят вёсла перестук,
сверкая, словно гильотина, выскальзывает лещ из рук,
где стрекоза, из Гулливера, случайных мошек расплескав,
трепещет рисклой глубомера и зыркает, как батискаф,

здесь есть всегда, чем поживиться, травинкой время засеки,
в порядке шахматном пшеница и кукурузы косяки,
с гербом советского союза позеленевший столбик врыт,
и крутит сальто кукуруза початками икры без рыб.

Весна студента

Визжат прибор тормоза,
навстречу скалы зубы скалят,
не сомневаясь ни раз
жизнь продолжается, как Скарлетт,

что научила нас бегом,
занянным в тисках системы,
не упираясь слишком лбом,
подныривать под эти стены,

яснее видеть может быть
на расстоянии парсека,
чтоб в экономике «рубить»,
и не попасть с вином в просекко,

пока деревню города
не разобрали на запчасти,
мы научились голодать
с испуга растолстеть от счастья,

теперь - халва со всех сторон
и ветерок не унывает,
держась за поручни ворон
в бездонном небе над трамваем,

в разливе солнечной слюды
на «Нокии» гоняем змейку,
где дождь смывает все следы,
а мы - с ногами на скамейку.

ПАЛАД
г.Киев

Сетевой автор.

Публикации в «Новая реальность», в альманахе «Интерреальность».

Лауреат Чемпионата Балтии по русской поэзии 2016,

Золотой и серебряный призёр Международного фестиваля Интерреальность - 2015,2016, 2017, 2018.

В ДУШНУЮ НОЧЬ

я юным и бравым
в заречье
в залесье
сбегал утверждать
моё право кортесье
а мама с отцом угнетали меня
чтоб я не гулял дальше пятого пня
тогда-то с соседским мечтателем борей
мы дали обет покорить забугорий
несметные веси с распахами дол
одними из первых вкусив рок-н-рол
и тем вызывая психоз управдомий
и всё как-то стёрлось
сошло отзвения
борис выпасает внучат в оклахоме
я в принципе счастлив у пятого пня
но в душную ночь
на небесное вече
сойдясь как цыплята к мамаше-луне
светила поют
про залесье

заречье
бессонному клятвопреступнику мне

ЭРИНИЕВОЕ

когда-нибудь
и даже подозреваю когда
ты протуберанцеволоконно увенчанная
дерзко подсядешь на струны мои
провода
певчие встречности и счастья от первого певчего

но нывшие чаще и кольче вдогонку

в догонке
далёкой и не так чтоб уж слишком
их паутиной гордятся леса неутех
стемнеет
послушай как
доброю ночью к тебе
пронизают вселиственный смех
тоски вездесущие мальчишки

ведь когда фонарь луны золотится на рее
корабля
что не держит путь ни в один экстаз
то каждому листику
на самую малость стыднее
дрожать от смеха
больше похожего на спазм

не тщишь исцеляться
исцеление одноразово
и лживо как окрик
я всё ещё вдрызг права
едва отрастут паутин метастазы
отчётливо вспомни
что есть острова

похожие на исландию
наших камней непонимания
и с каждым успением радости непростительно ранняя

эринией неумолимой их укрывает весна
в плед свой морошковый
ягельный да олений
и камни плодоносят
как женщины
чья нежность трудна
бирюзовой
до рези горчащей
травой сожалений

А ПОКА

в одной деревне где былинные поезда
где в тихом омуте чадят твои лучины
почти намерен не бывать я никогда
и не искать в том к оправданию причины

и тем не менее
дороги полный швах
теплушки изб не равноценные квартирам
там интернет столь иллюзорен на дровах
что остро чувствуется выплунутость миром

да-да ромашек пропасть
заячья возня
семь краснокнижных птиц включая алконоса
пупс-медвежонок чуть похожий на меня
полёвка-мышь с её влюблённостью в просо

ты
тихой гавани укромное дитя
подруга скальду паутинного запечья
быть может в старостях-недужностях
кряхтя
и возжелаю в длань пуховую прилечь я

под придых твой
вконец долёживать бока
кривую печь дразня прабабкою камина
ну а пока моя роднуля
а пока
я джунглей каменных бессрочная детина

К НАМ ПРИБЛИЖАЛСЯ СТАРЕНЬКИЙ ТРАМВАЙ

сучила осень мышьевым хвостом
ещё не тем
которым бьёт как обух
ты без синкоп гуторила о том
что мир погряз в интригах и микробах
что съехал с рельс
а кое-где со свай
концепт бетоно-скрепного уюта
к нам приближался старенький трамвай
я предложил
катнуться
почему-то
среди праздных фраз
застая врасплох
поддалась ты как отстранённый некто
трамвай издал скрипуче-ржавый вздох
и покатил вдоль пыльного проспекта
где алча влаг
со всех нерыбных жабр
вздымали лапы
выжженные липы
мы оживившись
двигались в сентябр
и даже зимь проехать мы смогли бы
отведав вдруг не пыли но пыльцы
с цветов стекла-металла и бетона
пошли на круг трамвайные жилыцы
и полз состав с достоинством питона
мелькал окошьем
неба скудный плат
ломился люд о стулках беспокоясь

но встречный клён
вагоновожат
странноприимно кланялся нам в пояс

ЗА БЛЕКЛЫМИ ОБОЯМИ

За блеклыми обоями -
ноябрь и стылый двор.
Тоска ведёт с обоими
невнятный разговор.

От смысла и до вымысла.
О том, что дворник слаб.
Что крошка Катька выросла
и стала баобаба.

Про кошек поколения,
смещение культур.
И что сдаёт деления
шкала температур.

О праздниках, за коими
всегда мигрень да труд.
Про то, как под обоями
за жизнь букашки трут.

Про то, что знаю точно я,
как истово, не раз,
резная потолочная
пускалась балка в пляс.

Где паутинка ветошкой
колышется в тиши.
Где я плыву за веточкой
афганской анаши.

МАРИЯ ПАСИКА

Родилась в Харькове в 1969 г. Закончила ХГУ, Мехмат. Затем вышла замуж и углубилась в семейную жизнь, плюнув на карьеру, (не модно, зато приятно). Любимая семья – неистощимая почва для радостей, стрессов, надежд, философских измышлений. Удирая от домашнего быта, я всё, что накопилось, перекладываю в эдакий продукт, замешанный на хорошем и плохом. Я не знаю точно, стихи ли это, может быть стоит ограничиться кулинарными исканиями, тем более, что на поварском поприще успех мною завоёван, да только ведь «не хлебом единым...». Так или эдак ли, приятно вам аппетита!

Что, перетерпим холода? Клён закивал – спина прямая;
Ель-худорба – то нет, то да, зануда ветер – уломает!
Обвал застиранных пижам, нагие тени машут с веток,
В промозглых сумерках дрожат и пригибаются под ветром.
Не плачь, дитя – возьми своё: мороз по коже, тяжесть в теле,
К ногам упавшее бельё, ель-недоель, ветрюги, тени,
Скупым пайком – над полутьмой крупичи звёзд, да лунный лапоть...
Мир в одночасье стал тюрьмой. Из сил последних можешь драпать –
Беги! Ни – после нет, ни – до. Где Он – на выходе, с вещами?
Куда ссутуленный бредёт – кому сулит, кого – прощает.

ОДА ПОПУГАЮ

А ты чувак такой, ничё себе.
Приколы зажигай – на зрителя!
В глазёнках блеск, вихор с начёсиком,
Изогнут шнобель. Подозрительно!

Мне, часом, не братан двоюродный?
Кажись, родня! Осанкой, пластикой –
И острым клювиком, и юмором –
Ты в чью породу, а, горластенский?

Закон сечёшь – всё относительно!
Хотя, по мнению обывателя,

Твой хвост оранжевым красителем
Заделан очень основательно.

В повалку лирики и физики –
Дурдом! Пущай, поставят лайки нам.
Эйнштэйном будешь! Хочешь – Изенькой?
А то Аркашкою, в честь Райкина!

МАЯК

Я – маяк. Нешутейное дело из беды вызволять заплутавших.
Трезв, при паспорте (ниты, канделы...) это сколько – в искристых
букашках?
Океан – то потрётся изгибом, то когтищами тучи цепляет,
Разошёлся – рычит про погибель. Жертв поменьше – прошу, умоляю!

Попусти, людоед – гнусь в поклоне! Он мне – пенной струёй: выкусь-
накось.

Проморгал свой корабль, профилонил! В светлячках, дурень – меряю
яркость...

Хмурит брови угёс ноздреватый: зря ждёшь помощи, берег-то дикий.
Волны вздыбились, валит Девятый – тонут шлюпки, и люди, и крики!

Вдаль тарашусь – аж шея немеет, дотянуться – кольчуга тугая.
Топать – криком кричать? Не умею. Я мигаю – мигаю – мигаю!..
Зверь, в сердцах: на чужое не зарюсь! Штиль. Одна пролетит – две,
шестая...

Где крушеньё – где шторм? Показалось! В цаплях сереньких время
считаю...

А корабль возвестит: «ПОБЕДИТЕЛЬ!» (мне за подвиги щедрая плата!)
Сил мигать не хватает – придите! Сговорились? Все – в белых халатах...

Нит, кандела – меры измерения яркости света.

На кой в земле копать, брат Трезор!
Там нет ни косточки, ни пирожка.
А новый тапок, что на той неделе спёр –
Ты пожевал и утащил под шкаф.

Сплошной балдёж – пристраиваться к пню,
Осознаю, сама порой грешу.
Но задирать по двести раз на дню?!...
Кончай скулить, не вешай мне лапшу.

Ломает ветки, харкает в лицо –
Кто судьбы гнёт и линию свою?
Ваяет «Руководство дряхлым псом»
Айтишник, завидное айкью.

Сучишь? Сучим! Весь пар у нас – в гудок.
Шесть лап – Трезор, мы в доле, не тужи!
Натянут – чуть не лопнет поводок.
Но лучшего никто не предложил.

А мир представлялся иным...
Устала, нахмурилась – куришь.
На фоне кирпичной стены
Дымком оплетаются кудри.

Мечтаешь, как старый балбес
Другую кадрит. Жди, надейся
На ночь – со снотворным, но без
Хихиканья и лицедейства.
Вздыхнула – да так, ни о чём.
В семь-восемь объявится боров.
Уколет щетиной плечо
Над газовым дымом оборок,

Бух в кресло, отключит айфон –
Подарки на стол, толстый Санта!
Кирпич – оттеняющий фон
Для золота и бриллиантов,

Для пепельной пряжи, для лба,
Что цвета и вкуса глюкозы.
Стена... под ладонью груба,
Как детство (шипы и занозы)...

Но струйками свет из окна –
И ты в ускользящих бликах
Чиста и прекрасна, как на
Старинных полотнах великих...

Во имя Правды билась с кривою – метёлкой разгоняла мрак,
Баб Люба – в доме чисто прибрано? По слухам, Люб - царит бардак.
Скатёрка с золотыми нитями, винцо, закуски, Люба – где?
Блинки с икрой? Ни хлеба, ни тебе борща – овсянка на воде.
Брюзга-ворона черноглазая к окошку порх – и тотчас вниз:
«Тоска, тоска, всё одноразово! Чем поживиться, где сервис?!»
Тебе снесло, Любаня, башенку – распродала священный кров?
Всё – одноразово! Любашенька, и ты туда же? Эх, Любовь!
Петляют кривенькие улочки. Намочишь ноженьки в росе –
Бабань-Любань, мотаешь удочки, смирившись с участью – как все.
Тряхнёшь головушкой кокосовой – бог с тем добром, как мир старо –
Седая ба. Темнеет в косаньках иссине-чёрное перо.

Летите, золотые – с богом! Да будет вам уютно и тепло!
Луна печальна – круглобокой не удержать малюток под крылом.
Подросшие, всё реже, реже за ручку с ней гуляют. Вот беда,
С них станется: прощай, манежик – и упорхнут неведомо куда!
А синеглазка с рыжей чёлкой любила крепко – мать лишила сна,
В студентика! Балбес к зачётам готовился, зевая у окна.
Дочь вся на нервах, планы строит: тайком скользнуть за пазуху плаща –
Путь к сердцу! Эй, Звезда Героя – твой Спящий Принц хоть что-то
обещал?!
Врёт гороскоп: дитя-отрада прощается с привычной высотой,
Блеснёт в заплёванном парадном старинною монеткой золотой.
Падёт звезда. Не сдав зачёта, проспит студент, лицом к стене.
Луна, взбодрись! Сосед в очёчках купил со скидкой Праду портмоне.

ПАМЯТЬ

Тыщу раз ты был прав – я, увы, не права.
Как назначено нам – так и вышло.
Там, куда ты ушёл, не шуршит под ногами трава –
Но, быть может, шуршит еле слышно.

Стол в муке – там бабуля катает коржи,
Не ступи на скорлупку ореха!
Всё бело. Змей бумажный туда, забияка, сбежит,
Уцепившись за хрупкое эхо.

Над зеркальной водой, над зыбучим песком –
Там, где Музы беспечно гуляли,
Ты, небось, написал столько грустных шуточных стихов
На хрустящих страничках с полями.

В тех стихах – то гроза гнёт пушистый ковыль,
То луч солнца царапает крыши.
Ты пока далеко. Но всё явственней шёпот травы.
Попытаюсь прочесть – и услышать.

Рви смелей, губа не дура: десять пальцев – две руки!
Лучше нету маникюра – с пышной клумбы ноготки!
Прочь ступай, тоска-и-скука – доброй феей становлюсь!
Мальва – чудо! Бал у кукол, юбки колоколом – люкс!

Время мчится – мне и Вале на обед пора домой.
Борщик съеден – глядь: завяли все воланы с бахромой.
Будни – с горки, да на горку, горы праздничной возни,
Ситчик-платьница в оборках, ленты – где вы, чёрт возьми!

Ветер веет – ветер носит – и весна даётся раз.
Ноготкам по нраву осень, что ж – цветы мудрее нас.

АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН

г. Кыштым.

(06.09.1972 – 08.02.2020)

Родился в 1972 году в городе Озёрск Челябинской области.

Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крестьяник», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева», «Дети Ра», «Воздух», «Знамя», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Волга-21 век», «Волга», «Трамвай», «Альтернатива», «Знаки» и др. на сайтах «Text only», «Топос», «Полутона», «Новые облака», в «Антологии современной уральской

поэзии: 1997-2003». Автор 7 поэтических сборников. Лауреат 1-го фестиваля Литературных объединений уральского региона «Глубина» (2007). Лауреат литературной премии «ЛитератураРентген» в номинации «Фиксаж» Лауреат премии журнала «Дети Ра» (2008). Лауреат премии журнала «Зинзивер»(2010). Куратор проектов культурной программы «Антология». Куратор поэтических фестивалей «Новый транзит» (до 2006 года – Транзит-Урал) и фестиваля нестоличной поэзии им. Виктора Толокнова (с 2006). Куратор независимой поэтической премии «П». Куратор поэтического семинара «Северная зона». Куратор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». Член Союза писателей Сибири и Союза писателей XXI века.

* * *

"Язык умней владельца языка", –
молчит наколка на груди зека.
А я пишу, т.к. не научился
молчанию, вот именно – т.к.
Молчание – как расстоянье между
надеждой и надеждою. Надежду
на оное утраиваю вдвое,
хотя и так молчу, когда не вою.
Не камни дышат – хлопает вода,
тачая из самой себя со скуки

не ангелов, а ангельские руки,
и те растут, не ведая стыда.
И не беда, что социум лагает,
а мы с катушек по лыжне съезжаем
в такой Тагил... Там ржавых пчел зимы –
как глины, если глина – это мы.
Простим погоде обоюдный холод,
простим за то, что ноздреватый лед –
модель, изображающая голод,
который мог бы течь, но не течёт.

* * *

Не в перспективу, а скорей в экран,
воткнулся ангел темноты, в стакан
пластмассовый и земляной, как боже-
спасименя, как в живота силки
свет накрошила дева через кожу,
с которым под руки однажды полетит.

Без изумления здесь на неё глядят
подростки, что разучивают взгляд –
когда вращаются кошачьи их зрачки –
во снах непреднамеренно легки,
и успевают погремушки птиц
стать оттиском озвученным тоски,

когда не-ангелы, которых вовсе нет
перелетают из своих тенет,
махнувшись и причинами, и местом,
скороговоркой замкнутой во рту
со всей смолой, с пейзажем, и суфлёром,
свою не принимают правоту –

пока вода внутри себя плывёт,
как утка, что садится на живот
плаценту тонкую перерубая клювом
светящимся внутри, как эхолот
всё то, что с ними здесь произойдёт,
там бабочка пронумерует чудом.

Плывя по рёбрам виснушим, как страх,
она изобретает новый прах
и деву, крошки света, и попавших
в свои силки, как бронзовая тень
эфирных струн, двух ангелов, что зюю
пинали под окошком целый день.

И то, что здесь потом произойдёт
их не касается – втыкается как хронос
в розетку, что стоит, открытым ртом
съедая кожи и стакана полость,
как утка, что внутри воды плывёт,
себе вскрывая – за мальком – живот,
чтоб на гнездовье наклевать в нём хворост.
(02-04/02/14)

* * *

На высоте, в единственном числе,
как выход в тесноту своих вагонов,
стоящий проводник, что помнит тень
пасущихся навстречу перегонов,

торчащих, как коровы в черепах
камней голодных – с холода и мраза,
мерцает словно ужас, а не страх,
посередине космоса и глаза.

На вылете из зрения – на миг
он ощутил, что катится лавиной
в него исправной жизни механизм,
которая то кажется невинной,

то длинной, как финальный ангел, то
замедленной, как хромосомы в кадры
сложившись, переходят не на вой,
на умолчанье голоса. Полаты
бока дыханья тёмного его –
он, показавшись зрению, вернётся

в своё – что несущественно – житьё
среди руин письма на дне колодца,

на высоту, которая внизу
не чует дна, проваливаясь выше
пока летит не контур в пустоту
а тёплое ведро – безвидно хныча.

Он взял с собой назойливых синиц,
которые с бумагой подгорают,
пока что их двухкамерные рты –
в рой медных пчёл воткнувшись
– в стыд истают,

пока здесь существует лишь пока,
смахнувши слепоту в хрустящий хворост –
гремит, несясь внутри себя – река
горизонтальная, как изморозь,
теперь уже не бойся

осы, летящей из проводника,
сужающего саранчу до ямы
которая привыкла дурковать
на языке неведомом базлая.

когда её промоченный язык
ты выучишь – теперь, а не однажды –
на высоте своей застыв в кирдык –
как проводник от той и к этой жажде.

На высоте – единственным числом –
теперь без имени – прозрачным горлом – снова
задвигаешь – змеиным языком
порезавшись о спрятанное слово.

(01/02/14)

* * *

Светает – пробуждаясь – птица горла,
шифруясь в перьях плавкой черепицы:

у каждого пера – собачья морда,
и каждой морде пробужденье снится.

Вот угол морды мёртвой разорился
от – в сеть её попавшего – улова

из шариков дыхания – раздетых
до плавников случившегося слова.

И звук касается – как языка – дороги
и пяточок несёт в своём кармане,

шлифует тень, как черепицу – клонет,
и – как рубец – на эхо глины встанет.

* * *

Мы перестанем пить – банзай:
останется вода живая –

три птицы за моим окном
у моего, как видишь, края –

стоят – почти что человеки,
поют землистым языком,

и я лежу один меж ними,
как света ком.

Не говорить, молчать скорее –
и в лошадиной голове

качать себя, как в колыбели,
любым снежком.

(30/12/2016)

ЕВГЕНИЙ ПОПЛАВСКИЙ

Поэт, культуртрегер. Краснодар.

Сон Иешуа

Маргарита сидит и мешает ложечкой чай...
Бегемот просит ласки, якобы невзначай.
Мастер играет на скрипке в пустом метро,
Воланд с Коровьевым на лавочке пьют сидро.
Старый Пилат уж давно позабыл про Рим,
Про злых иудеев и душный Ершалаим.
Счастлив под старость, хоть и совсем усох -
Старческий склероз на поверку не так уж плох.
Римский и Варенуха смотрят опять футбол,
Старое варьете превратилось в «Карнеги Холл»,
Ваня Бездомный паркует своё авто...
Он здесь известный блогер... не абы кто.
В общем, все счастливы, вроде... Вот только он
Видит ночами престранный и дикий сон:
Холм и гроза, он гвоздями прибит к кресту!
Римский солдат, как всегда, на своём посту
Заносит копьё и ... Крик прорывает ночь.
Вместе с движением сон убегает прочь...
Так и лежит человек на кровати совсем без сна,
В небе над Moscow City висит луна,
И странная фраза тянет душу, как тетиву:
«Варавва убит на Пасху... а я живу...»

Хочется...

Хочется стать стеной за которой дом
Дом, где ты сядешь погреться от зимней стужи
В кресле под пледом в обнимку с твоим котом
Где-то я слышал, что он тебе очень нужен

Хочется стать опорой твоим рукам
Оберегая их от камней и снега
Спрятать их в шарфе из шерсти пушистых лам
Чтобы касались их только любовь и нега

Хочется зимнею стужей тебя согреть
Солнце весеннее спрятать в твоих ладошках
Пусть и не солнце, а сердце – оно гореть
Будет не хуже... и даже теплей немножко

Хочется подарить без остатка всё
Время и силы, и что там ещё под небом
Чтобы не просто подставить тебе плечо
А если нужно стать и вином, и хлебом...

Ночь за окном, скоро время идти в кровать
Время уже не бежит, а ползёт натужно
Веришь? Так хочется душу тебе отдать
Знать бы вот только, что это всё тебе нужно...

Простые решения

Чёрные полосы, белые полосы –
Жизнь то целует, то тянет за волосы.
С мёртвого моря – возносится в горы,
Тишь лесов – заменяет просторы.
В каждой секунде ища продолжения –
Мы принимаем простые решения.
Вроде не сложные, вроде не важные –
Так... не решенья, а что-то мультяшное.
Всё несущественно, всё незначительно,
Только вот знаете, что удивительно –
Каждый наш взгляд, каждый жест или слово –
Мы не способны попробовать снова.

Всё что сегодня творят человеки –
Через секунду застынет навеки.
И не изменишь, не скажешь, не смоешь.
Не возвратишься, не спрячешь, не скроешь.
Встречи пропущены, мысли забыты,
Окна захлопнуты, двери закрыты.
Это важнее, а это попозже,
Здесь сэкономим, а здесь подороже.
А оглянёшься – застыла скалою
Вся наша жизнь, что казалась игрою.
И как всегда обвиним во всём случай:
«Ну почему я такой невезучий!
Ну почему всё не так, да не эдак!
Ну почему ничего-то и нету!»
Все виноваты – судьба или боги,
Иль повороты неровной дороги,
Были бы счастливы, да не случилось –
Не повезло, не срослось, не сложилось...
Только однажды ты встретишь кого-то,
А он счастливый бежит на работу,
Беды, невзгоды – встречает улыбкой,
И свою жизнь не считает ошибкой.
Полосы чёрные, полосы белые,
Только поступки чуть более смелые.
В чём-то слабее, а в чём-то покруче,
Ну а по сути – ничем он не лучше.
Только он счастлив, а ты всё страдаешь,
Он проживает, а ты выживаешь.
И непонятно, но просто до жути –
Знаешь откуда счастливые люди
Счастье берут? Просто в это мгновение
Счастье ведь тоже – простое решение...

ПОЛИНА ПОТАПОВА

Автор пяти книг стихотворений, поэтических публикаций во 2 и 4 томах антологии «Современная Уральская поэзия» (ред. В.Кальпиди), в толстых журналах «Новая Юность», «Арион», в поэтическом альманахе-навигаторе «Паровозъ» (Союз российских писателей, г. Москва), на международном поэтическом портале «45 параллель» и др. Полуфиналист и финалист международных поэтических конкурсов: «Заблудившийся трамвай» им. Н. С. Гумилёва (полуфиналист, 2016), «Эмигрантская лира», в номинации «Неоставленная страна» (шорт-листер, 2016), «6-й открытый чемпионат Балтии по русской поэзии» (лауреат, 2017), «45 калибр» (лауреат, 2020 г.) и др.

Love is...

Никогда ещё не было в мире пустынной...
Помню только, что пахло разлитой дыней.
Это сын так сказал: «Кто-то дыню разлил».
Я ответила: «Знаешь, на жвачку похоже,
На «лав из» – у меня этот запах под кожей.
Он всегда побеждал, чем бы мир ни разил».

За окном было тихо. Стояли трамваи.
Колыхались одни тополя и трава, и
Сын спросил: «А лафыс, что, втирать надо, мам?»
Я ответила: «Нет, просто, знаешь...»
«Смотри-ка! –
крикнул сын, и во мне что-то сжалось от крика. –
Да не бойся. Гляди, все сидят по домам».

Я уже не боялась, хоть было пустынно.
Что есть силы прижала к груди своей сына,
Мокрым носом уткнувшись в макушку его.
– Ты опять за своё, мам.
– А помнишь, как ты мне...
– Да не плачь, мам. Я понял, любовь – это дыня.

Было ранее утро.
Вокруг – никого.

Я сглотнула: нет в горле следа от наждачки.
Голубая обёртка и вкладыш от жвачки –
На столе у кровати...

– Ну *что* ты, ложись.
– Я закрою окно.
– Но на улице лето.
– Этот запах, сынок...
Ты же *чувствуешь* это.

Зазвенели трамваи.
Продолжилась
жизнь.
(2020)

Ночь перед рождением

Несёшь в себе птенца-щенка,
и норовит во сне прижаться
к твоей стене моя щека,
чтоб до утра здесь продержаться,
где, как в трубе, гудящий гул,
где страх, как в триллере, щемящий,
где я – в тебе, где я – щегол,
и хоть я – птица, но щенячий
во мне озноб, и – так нетвёрд –
мой голос внутренний писклявый
гоняет слово взад-вперёд,
ведь я – беззубый, и бескловый,
и безъязыкий – это ты,
что притворяешься зубастой...

Из темноты и немоты
пора нам, мама, просыпаться.
(2020)

Фантом

давай, говорю, переставим мебель,
а лучше на юг навсегда уедем.
деньжат наскребём, серебра и меди,
котёнка усыновим.
я плачу, на эту кровать большую
глядя, – наверное, не по фэн-шую
просто стоит и пустует. сто́ит
её отвезти к моим.

ведь скоро вернуться из школы дети,
а я вся взъерошенная, как йети,
а тут ещё эти
столы и стулья
зачем-то переставляй...
поэтому на
безразмерную дачу
давай их? одна – непременно заплачу.
пусть всё как всегда, но как-то иначе...
не надо, не оставляй.

я правильной стану, я стану хорошей,
ходить перестану
странно взъерошенной,
даже мечтать о котёнке брошу –
просто и без обид.
я призраком стану в квартире,
шёпотом...

сильно за раной свербит, пусть шов там.
ну, знаешь, когда ампутуют что-то,
но то, чего нет,
болит.
(2019)

мы напрасно с тобой злословим –
до рассвета не хватит зла:

ночь снимается слой за слоем,
хоть и нет тем слоям числа.

пусть уснём мы и всё простим мы
(я простила – и ты простишь),
невесомый, несо-вместимый
с этой жизнью кружится тиш.

не лови языком – растает;
пусть останется там, во сне.
мы проспим – и легко нам станет.
засыпай. засыпай нас, снег.
(2020)

А когда-то могли они соревноваться с дрелью
За стеной, эти крики взбесившейся детворы.
Но однажды всё стихло. Так странно, когда в апреле
Детский гомон не слышен, и вымерли все дворы.

Оказалось, на улицах невероятно жутко,
Если днём не скрипят качели и в стену мяч
Не стучит. Мы подумали: нет, это чья-то шутка.
Покажи, где смеяться нам, чем-нибудь помаячь,

Кто всё это замыслил, с *великой* пусть целью даже –
Мол, нам всем предложила судьба интересный путь...
А потом нам верни всё, как было (всё сделай так же):
По песочницам – всех спиногорызов,
На скейты – старших.

И, отдельно,
на лавочки – бабушек
не забудь.

(2020)

АЛЕКСАНДР ПУПКИН

Родился в городе Ленинград. Окончил Московскую государственную консерваторию имени П. И. Чайковского. Работает по специальности. В данное время проживает на три страны. Стихи опубликованы на порталах: “Неогранка”, “Стихи.ру”. Был лауреатом различных сетевых литературных конкурсов.

Тайны небесной воды

Белый вол на краю ойкумены, закованный в лёд,
Прогибаясь, суставами хрустнет смурной и слабый.
Солнцеликий лис потянется и зевнёт,
И распорет ледовый панцирь когтистой лапой.
От волнения вол наморщит волна́ми лоб,
Замычит в гольшах призывную́ язам и сигам.
А они, серебром горя, поваля́т вало́м
В пуповины истоков, чтобы бесследно сгинуть.
Сноровит небеса лакать синий вол Байкал.
То захлещет хвостом, то сластится мил и кроток,
То взревет от досады он у прибрежных скал,
Обтирая спиной борта быстроходных лодок.
Сколько небо ни пил, зелёным Байкал зацвёл.
Ночи в Тенгри обнимет крыльями белый кречет,
От жары захворает горячкой зелёный вол
И грибными дождями горячечный жар излечит.
Бог завяжет ковши медведиц в чудную снасть
И к заре на рыбалку выйдет за лунной рыбой.
Чёрный вол без остатка звёздное небо выпьет,
Чтобы заново в будущий день синевой восстать.

Я – Крепость

Иван Иванович Иванов – обычный советский солдат.
Просыпается угром он,
берёт из тумбочки полковой самиздат,

отрывает полоску,
слюнявит,
козью ножку закручивает,
и жить хорошо,
и жизнь хороша,
и заря занимается лучиками.

Намедни приснилось ему
далёкое,
забытое и растраченное:
как борьбу с сорняками и вредителями
разворачивает
рано утром соседская Нюрка
на кособокой грядке,
и жизнь хороша,
и жить хорошо,
и кажется всё в порядке.

Иван Иванович Иванов – обычный любящий сын.
Бывает, закрывает глаза
и видит,
стоит у ставень косых
мама
за горами,
за лесами,
за речными излучинами
и смотрит
прямо в душу ему
глазами соскученными.

Выйдет на вал,
закурит,
сонный Брест его завораживает,
тишина звенит небесная,
песней комариной окрашенная.
На канале с выводком солнце встречают чирки,
и весь берег осотом зарос,
а меж него –
васильки, васильки.

Иван Иванович Иванов обычно худого не ждал,
но засвистел артиллерийский снаряд,
раздался глухой удар,
встречается он с монументальным солдатом,
смертями заведующим,
и меняется
именами, событиями и датами
со следующим:

Александр Ефремович Потапов (1913 – 1941) – обычный советский солдат...

Магомед Яхьяевич Узев (1917 – 22.06.1941) – обычный советский солдат...

Иван Петрович Беляев (1914 – 23.06.1941) – обычный советский солдат...

Ефим Моисеевич Фомин (15.01.1909 – 26.06.1941) – обычный советский солдат...

Андрей Митрофанович Кижеватов (31.08.1907 – 29.06.1941) – обычный советский солдат...

Ботабай Арынович Сулейменов (1921 – 1941) – обычный советский солдат...

Фотографируя метафоры

Море волнуется, ослабевает хваткой,
Приоткрывает мраморные уста,
И, обнажая дёсны, жуёт вприглядку
Ловящий лунную ка'мбалу Аю-Даг.

Море волнуется, спину учтиво клонит,
В звёздную сбрую впрягает гнедых ставрид,
Чтобы они небесным богам в ладони
Солнце смогли бесхлопотно водворить.

Море волнуется раз, опускает гири,
Давят на грудь измещением вод суда.
Море волнуется два и три, и четыре,
И замирает вздорное навсегда.

Угол обзора вскользь панорамы режет,
Разъединя мгновений живой гранит.

Время и свет фотокамера ловит прежде,
Чем успеваеt вселенная обронить.

Будет маис желтеть

старый бродячий пёс ляжет у ног твоих
ляжет к твоим ногам смерть молчаливо ждёт
старость в его глазах жёлтая как маис
зреет до срока год и забирает год

время прошедших лет в радужке вяжет сеть
схлынули как дожди прошлых времён лета
зрелость состарит в срок будет маис желтеть
сквозь ячею сети сцеживая года

слепишь нелепый план сносишь несносный стыд
взглянешь незрячий пёс в ноги послушно лёг
чует душа твоя сухой о нём скулит
знает что ты его старый бродячий бог

Ходила Наташа за реку поглядеть

Ходила Наташа за реку поглядеть,
Какую ещё окаянь ей подбросят бесы.
Смотрела Наташа, как выцветает медь,
Из самого сердца самого рыжего леса.
Варила Наташа пшено про сомовью честь,
Журила усатых, - а ну, развозились, черти.
У ней-то народу: неладный котейка есть,
Да хворый воробышек, вымоленный у смерти.
Ему колыбельные пела, в себе растя,
Да хворь выгоняла в баньке еловой лапой.
Боялась Наташа, вот-вот упорхнёт дитя,
Туда же, куда взлетел воробьиный папа.
Носила Наташа за пазухой сто святых,
Да только вот не сияла от этой силы.
Они появлялись из месяцев нажитых,
И жизненный свет лучением в ней гасили.
Молилась Наташа, славилa мать жизнь,
Искала в расторгнутой Припяти панацеи.

Просила Наташа у времени разложить
Не жизни на до и после, а йод и цезий.

К чему летали слоны

Летели на дирижаблях
антрацитовые
слоны,
стеснения не испытывая,
бесхлопотны и блажны.
И колдовали крабле крибле, и крибле крабле,
брали грабли
и причёсывали ветрам вихры.

А под ними на тонких ножках,
в сафьяновых красных сапожках,
с медными пуговками
на плащах,
на ходулях ходят рыбы испуганные
натошак.

И кричит прокуратор стаи,
крестится и кричит,
в небо, где слоны летают,
требователен и нарочит:
- Эй, самум, самум,
сымай шапку, клади в суму,
прочь волочи
слонов с граблями ещё кому,
песками наши бахчи
окатывают
который день небеса гагатовые.

Который день ничего не ели мы,
не сыскать червей на бахче нам под елями.
Ворошат граблями небо супостаты бесстыжие,
затиранили всех и вся замурыжили.
В короба сложили черви пожитки свои,
побрели за сытными завтраками и ужинами,
а у нас на дворе пыль столбом стоит.

И глядит-поглядывает рыба-кит
глазищами иссушенными,
как червям у реки
в смокингах рыбаки
за столами прислуживают.

Но ко сроку, когда надел совсем оскудеет,
мы найдём чародея.
И мы всё-таки думаем, верим, надеемся, он порадеет,
И накажет, накажет несносных зловредных злодеев,
возможно, он попросту долго лелеял
эту идею.
Плантации станут опять обильны червём.
И мы запоём:
ом сахá на ватáту,
саха нáу бунáкту,
саха вíрьям кáра вавáхе,
теджáсви нав áдхитан áсту,
ма вíдви ша вáхе,
ом шáнти ша'нти шáнтихи ом.

ИРИНА РЕМИЗОВА

Родилась и живёт в Кишинёве. Закончила филологический факультет Молдавского государственного университета. В свет вышло несколько книг стихов: «Серебряное зеркало» (2000), «Прикосновения» (2003), «Неловкий ангел» (2010), «Вёрсты дождевные» (2017). Публиковалась в литературных изданиях Молдавии, России, Украины, Германии, Франции,

Израиля, Латвии. Неоднократный лауреат и призёр Открытых чемпионатов Балтии по русской поэзии, обладатель Кубка мира по русской поэзии (2014 года) и победитель чемпионата Балтии 2020 года. В 2012 году подборка стихотворений вошла в шорт-лист конкурса «Заблудившийся трамвай». Обладатель премии им. Владимира Таблера (2016).

Хлебное

сегодня отдают за меру две –
хоть всё бери, не надорвать бы плечи.
расстелен август на сухой траве –
орех и мёд, антоновка и греча.

овечья шерсть на глади вышних вод,
галдеж и драка в птичьей монополюлке...
внутри неугомонный счетовод
диктует, что берём, почём и сколько.

покуда за мешком несут мешок,
да столько, что дышать в телеге тесно,
душа щебечет в глиняный рожок
о чём-то бестолковом и чудесном

и, невзначай дотронувшись до лба
соломинками вечных сухоцветов,
не помнит: ей до ночи печь хлеба
и раздавать, ни крошки не отведав.

Морфана

не открывая дверь, из темноты
войдёт в тепло, подует на цветы
и у кого-то за порогом спальни
беззвучно спросит: кажется, уснул?
к постели пододвинет венский стул
и сядет, уложив подол крахмальный.

закрыв глаза, зачем, дитя, не спишь?
ты сверток, тишина, ночная мышь,
попавшая в черничное варенье...
зачем следить – до радуги в ушах –
как замедляет равномерный шаг
пугливая капель сердцебиенья?

зачем пытаться вырваться, когда
она не причинит тебе вреда?
дорога в гору, далеко до смерти.
усни же – и в почтовое трюмо
она тебя опустит, как письмо
в другую жизнь надписанном конверте.

Честный господин Майер

На окнах розы и столетники –
от злого глаза сторожат.
За ярким низеньким штакетником –
новорождённый райский сад.

Под звуки трубные и лирные
над головами мелюзги
летают ангелы имбирные,
сияют звёзды из фольги.

Уютна маленькая Родина:
работа – рынок – церковь – дом...
Они совсем не знают Одина,
а кто и вспомнит – то с трудом.

Раскрыта книга – Flora Prussica –
как будто снятая с петель...
В шкагулке – вышитая музыка:
стеклярус, шелк и канитель.

Цветами горными и дольными
украшен праздничный наряд,
пока рунические молнии
не вспыхнут и испепелят...

последний ковчег

до немоты утопан снег,
луна как свежий шрам.
идёт посадка на ковчег
согласно номерам.

молчат, уставившись в табло,
как прорежённый лес:
там вместо имени – число,
а вместо фото – вес.

проходят званые на пир,
садутся на скамьи:
их скоро примет новый мир,
а значит, все свои.

им переменят естество,
дадут иной завет,
оставив землю тем, кого
среди сочтённых нет,

кому сидеть и ждать потоп,
за кем, неизъясним,
восстанет белоснежный столп
и алый рядом с ним.

за птицей

когда – в который раз – твой краткий век
украдкой позовёт развоплотиться,

тебя крылом заденет человек,
как птица,

и миг назад пустое естество
вдруг выпрыгнет – и съёжится сторожкой...
посмотришь сквозь, но прямо на него.
ты – кошка.

проводишь крадом до закатных мет,
дорогу-пряжу разбирая слепо:
вернуться жить или сорваться вслед
за небо.

острое

однажды сквозь небесные мосты
прозрачные – увидишь с высоты
свой город, оставляемый без боя:
там нитями дороги и реки
окрестных дач цветные лоскутки
сметали наспех в полотно рябое.

там скоро будет вечер – без примет.
из-за заборов чуть заметный свет –
окно с окном – устроит переглядки,
задышит маттиолой темнота
и в сонном муркотании кота
услышится родное: всё в порядке, –

уже не слухом, чем-то изнутри, –
так близко, хоть возьми да отвори
и выйди к тёплым ним – да вот досада:
уже и обернуться тяжело –
дорогу застит острое крыло,
но ты смотри – покуда хватит взгляда.

Из жизни деревьев

Сад нежился, снимал несвежий снег,
вibriровал в шмелином низком гуде,
когда в него, как птицы, по весне

из города слетаться стали люди:
фруктовые кварталы обходя
и ягодные тесные аллеи,
рядили об отсутствии дождя,
о том, что были марты потеплее,
секли несостоявшийся привой
легко и сухо – мёртвые не плачут...

Но маленькая ветвь была живой –
случайно угодила под раздачу.

Мечтая о бараньем шашлыке
на огневище самопальной тризны,
никто и знать не знал, в какой тоске
казнённая весна из раны брызнет.
Что дерево? Оно переживёт,
переболит, потерю перетерпит:
укроет пеленой смолистый мёд
сечение ранения и смерти,
и, призраки отрубленной руки,
погибшей ветви тонкие фантомы,
синхронным залпом выстрелят «волчки»
в стеклянный синий глаз над летним домом.

... И только ветка знала, сколько в ней
детей – и отличала дочь от сына,
насколько стала за зиму прочней
её кора и твёрже – древесина,
и что в любви незаменимых нет
для выживших, кому остались корни,
а имена погибших на весне
услышат птицы – и получают зёрна.

ИРИНА РЫШКА

(Плотичина Ирина)

*Родилась в г. Нижнеудинске Иркутской области.
По образованию – медицинская сестра.
Печаталась в журналах «Новая реальность»,
«Буквица», «Белый ворон», «Этажи», «Арктикль»,
«Сибирские огни», «Новый Гильгамеш», в
альманахах «Интерреальность», «Иркутское время».
Лауреат фестиваля «Дорога к храму» 2015-2016 гг,
финалист «Грушинского фестиваля» 2016-2017 гг,
лауреат международного конкурса «Чемпионат
Балтии – 2017», золотой и серебряный призёр*

*международного фестиваля «Интерреальность», лауреат
международного конкурса «Кубок Мира по русской поэзии».
Участник литературного фестиваля «Куб-2018» (Красноярск),
участник Фестиваля поэзии на Байкале 2017, 2018 гг.
Автор книг «Время сухих стрекоз» (2018 г, Иркутск),
«Господь Саваоф» (2019г, Красноярск)*

МЕНЕ ТЕКЕЛ

Выйдет огонь наружу, мята растёт вокруг.
Девочка, это стужа, это кричит Бейрут.
Или вот, на моторке едут два рыбака.
Присмотришься, это орки, под ними река мелка.

Спичка горит, как факел; факел почти костёр.
Вот и святой Акакий шинель свою распростер.
Прошелестел над нами и приземлился в яр.
Маленький, папин, мамин, закутан в махровый шарф.

Всё это "мене текел", кто спрятался, молодец.
Железные дровосеки из лесу, наконец,
вышли, как партизаны, как гномы-наоборот.
От Питера до Рязани, из Киева в огород

прыгнули и рассыпались, штрифель или шафран.
Это они, спасители, и вечер опять багрян.
Лампочка, люстра, солнышко; Господи, нам свети.
По ком захлебнулся колокол на ледяной мотив...

БЕЛЫЙ СНЕГ

ты меня никуда никуда никогда вообще
не пускай от себя без себя в серый дождь
в изумрудный ковчег
если тает в апреле и каплет на сердце тук-тук
ты держи меня крепче возлюбленный брат мой и друг
потому что любовь это крошечка в голодомор
потому что привязанность это звенящий топор
в оцинкованном льду размочённый его черенок
разрубил пуповину и выдохнул весь этот смог
наваждения или боязни увязнуть в быту
мы не связаны связаны я от тебя не уйду
потому что когда из замеса разъяты совсем
поскреби по сусекам и будет тебе белый снег

ТУЕС

Иногда подумаешь о родных, которых не знала.
Дедушка Михаил, дедушка Алексей.
Как вы там у подножия Эвереста, в центре Непала
по щиколотки, в ледящей душу росе?

По сердцу скользнёт, точно коса налетела на камень.
Сохнет трава, сиротливо желтеет покос.
Камлание - это молитва, где в завершении - амен.
А после, вечернее тление и некроз.

Матушка выдыхает, глядя в затёртый помянник
с расстановкой: Алексия, Аксинии, Михаила...

Я без вас, как дитя без семи нянек.
Не помню - кого обидела, кому нахамила.

Что в этих именах, пожелтевших лицах?
Ушедшие города с былыми людьми?
Отчего же мне периодически снится,
как дедушка Михаил возвращается в этот мир.

Прибывает из командировки, заваливается с чемоданом.
Маленькой маме, гостинцы: "Алёнка" и "Кара-кум".
Бабуле - платок с кистями и три лиловых тюльпана.
А мне, ещё не рождённой, берёзовую кору.

Смотри, говорит, какой расписной туес.
Кожа родины - ободранная береста.
Я всю разглядываю, я люблюсь,
как она изрезана и чиста.

ПЛАТОЧКИ

Было время, когда мы дарили друг другу платочки.
Красные на Пасху, белые на Покрова.
Вот, а теперь, посмотри, у нас выросли дочери.
И вера наша ни жива, ни мертва.

От дружбы былой совсем ничего не осталось,
разве что платочек, забытый в шкафу.
Это время скатывается на жалость,
а я просто добиваю строфу.

Что было?

Миллениум, песенки "Крематория" :
"Безобразная Эльза", "Две тысячи первый год"..
А теперь, каждая из нас подсчитывает калории
и вводит пароль или пин-код.
Как мы жили без этого?

Да просто чудесно!
Пили что-то дешёвое, слушали русский рок.
Молодость длится, длится - пока не треснет,
Как бы ты её тщательно не берёг.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Утром храм проспишь и не беда,
свет Преображения снисходит.
Рядом ты, мой истовый Адам -
первенец, а паче первороден,

как весь этот грех, что нам знаком.
Откусил от яблочного Спаса
зареву вечерних облаков -
был юнец, а вышел седовласый

из трясин кисельных берегов
в звуковой орнамент колоколен.
Боженька не спросит - кто таков.
Человек, а не кирпичный голем.

Эта плоть, как боль, как голый срам,
эйфория, чувственное эго.
Яблоко прильнёт к твоим рукам,
словно в этом альфа и омега.

ЛЮДМИЛА СВИРСКАЯ

Родилась в Алматы(Казахстан). Окончила факультет филологии и журналистики Алтайского государственного университета. С 1999 живёт в Праге(Чехия). Автор 7 стихотворных сборников, публикации в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «День поэзии», «Литературная газета», «Алтай», «Берега», «Волга XXI век», «Европейская словесность», «Чайка» и тд. Финалист и призёр литературных конкурсов: имени И.С Тургенева, «Эмигрантская лира», «Русский стиль», «Ганноверская весна». Победитель поэтического конкурса «Пушкин в

Британии» - 2018. Лауреат премии «Образ» в номинации «Книга года – 2019» за повесть «Любовь-невидимка».

У фонтана

Фонтан – не Треви, нет – такой, как все
У кинозала. Рядом с «Роспечатью»
Стояла я в нелепом желтом платье.
(Сказала бы, что с ленточкой в косе,
Но нет - с короткой стрижкой). У крыльца
Влюбленные, мамы с малышами
На первый взгляд друг другу не мешали...
Мне разве что. А я ждала отца.
Он в город мой приехал по делам
И позвонил, что, мол, увидеть хочет.
...Заснула я часа в четыре ночи:
Всё жизнь свою делила пополам:
На «до» и «после». Вот так поворот.
Отличница-студентка, ёлки-палки...
Весёлое «привет!» не скажешь папке:
Чужое слово больно вяжет рот...
Что рассказать, коль спросит, как дела?
А, может, и не спросит: просто скажет,
Что на него похожа или даже:
«Красивая девчонка подросла!»

Мне было восемнадцать, что ли...На
Крылечке кинозала я томилась...
Час или два...а может, год... плюс-минус...
Да я там до сих пор стою.
Одна.

* * *

От взглядов косых и шипения вслед
Хожу я сутулясь и под ноги глядя.
Здесь русский акцент – это волчий билет.
Ослабьте мне петлю, жестокие дяди,
И выпьем за то, чтоб дворы не мели
Актеры, поэты, врачи и доценты...

Куда ж нам податься, коль мы не смогли
Дышать и любить без акцента?

На родине

1

Плюс пять часов – день словно выпит залпом.
В насмешку мне – плюс десять за бортом
В конце июля. Я врываюсь в "завтра"...
А, может, во "вчера"? Потом, потом –
Линялый свитер, чай (иль что покрепче?),
Полночный смех – начинкой к пирогу,
Блаженное раздолье русской речи,
К которому привыкнуть не могу...

2

Здесь дни и годы кто-то перепутал.
Обратный счет у юности – особый.
Не то я великан у лилипутов,
Не то наоборот – пойми попробуй!

Мой город нестареющий, таков ты:
Всё помнятся тебе Дефо с Гомером.
Но, как давно не ношенные кофты,
Мне улицы твои не по размеру...

Что ж...Подгоню...Где надо – залатаю
И облачусь – при всем честном народе...
Я здесь уместна, будто запятая
В исправленном причастном обороте.

3

Минус пять часов. И снова лето.
Паспортный контроль – в который раз.
Ангел мой, хранитель! Слышишь? Где ты?
Сделай вид, что ты встречаешь нас!

Прага ли, Женева, Рим ли, Дрезден –
Все одно ведь! Различишь с трудом.
Прокричи: "Соскучился! С приездом!
Дома лучше?" (Где он, этот дом?)

Боль я в потайном кармане прячу:
Ночь. Дорога. Черная строка.
Этот город, гордый и горячий,
Не скучал без нас наверняка.

От тоски - великого недуга –
Не страдал и дом наш неродной...
В мир, где нет нам дела друг до друга,
Я вернулась в этот выходной.

* * *

Осень выпускает на свободу
Листья, птичьи стаи, горечь дум.
Их не то чтоб больше год от года –
Просто ветер северный подул,
В спину с края пропасти толкая,
Хлопнув напоследок по плечу...
Взмыть, упасть ли... осень отпускает.
Я уже свободна. И лечу.

* * *

Вот и пройдена зона досмотра:
Лишь стихи за душою. И вход

Для тебя - открывается бодро:
Через час ли твой рейс? Через год?

В накопителе сядешь вольготно,
Сколько Господу будет угодно,
Изрифмуешься весь, без остатка...

Там, глядишь,и объявят посадку...

* * *

Веков шесть-семь назад, в июле –
На солнцем высушенных фресках,
В гримасе замершей латыни
Остались мы с тобой вдвоём.
Нас задевали только пули
Оливок маленьких и дерзких...

Теперь мы словно бы в пустыне –
И ничего не узнаём.

ВАЛЕРИЙ СИКОРСКИЙ

Родился 4.10.52 в городе Находка, Приморский край.

Образование – среднетехническое.

Специализация – ремонт производственного оборудования.

Техник – механик.

Мы проводим наши годы
в ожидании чудес:
Вот нырнуть б "в живые воды"!
Вот шагнуть бы в "холи лес"!*
Принца ждёт-пождёт принцесса.
Принц принцессу ждёт-пождёт.
Много пакостей от Беса.
Царь Кащей людей крадёт!...

Царь Кащей, царь Кащей –
навари себе борщей –
ешьте борщ, Ваше Кащейство,
из заморских овощей!

Коли странствуешь не пеший,
а с конём, то конь заржёт
непрерменно, если Леший
на болоте стережёт.
Может пнём он притвориться,
или толстою совой.
На того, кто забойтся,
он поднимет страшный вой!...

Лешачок, Лешачок,
подожди - сошьёт сачок
на тебя твоя Лешачка -
вот заплывешь гопачок!...

Если Лешего пройдёте
вы без страха, до зари,
то заметьте, что в болоте
есть ещё и упыри:
худосочные ребята,
но остры на языки,
а за ними упырята
скалят острые клыки!...

Упыри, упыри -
что бы им ни говори -
всё они и сами знают,
всё б для них: "огнём гори!"

Если вдруг, "в колёса палки",
когда едешь через брод...
Значит там живут русалки -
обаятельный народ! -
нежной песней сердце тронут,
раскалят аж до бела,
а потом затащут в омут
и разденут догола!...

Ах, русалочки-русалки,
говорушки, хохоталки,
вам бы всё сидеть в засадах,
да вставлять куда-то палки!...

Кто там щёки раздувает
над дорогою лесной?
Много странностей бывает
там - особенно весной!
Хочет - трудно не заметить,
проживая в том краю, -
Соловей разбойник встретить
Соловьёшечку свою!...

Соловей, Соловей -
Может свистнуть посильней

надо, чтобы было слышно
Соловьюшечке твоей!...

То ли зверь, а то ли птица -
дым и пламень из ноздрей!
Можно жизнью поплатиться...
Запирайся, брат, скорей!
В чьих объятиях рыдает
дева, выгнувшись дугой?
Свадьбу новую справляет
Змей Горыныч дорогой!

Змей Горыныч, Змей Горыч,
ставь ребятам магарыч,
а не-то они подрежут
тебе крылья, старый хрыч!...

Если только хворостина
в чьём-то доме засвистит -
это значит Буратино
идти в школу не хотИт.
"Все равно не учат боле
ничему ведь в школе той!"
Всем известно, что не в школе
спрятан ключик золотой!...

Буратино, Буратино –
интересная картина:
в ней про то, как сделал Карло
длинноносого кретина!...

Не хотелось бы морали
в сочинение включать,
но уж столько намарали,
что пора бы расчищать.
Жизнь так бьёт ключом по каске...
и всё чаще и мощней,

что становится, как в сказке
той, "чем дальше - тем страшней!"
*"холи лес" - святой лес.

Русалка вышла из пруда,
на хладный камень села.
Стекала медленно вода
с пружинистого тела.
Губ, плотно сдвинутых, овал.
Из трав подводных волос.
Кто эти губы волновал?
Кто слышал этот голос?
Качнул листвою соседний куст,
усилив сердца стуки
и обронив с дрожащих уст
тоскующие звуки:
"Доколь одной на глубине
мне от людей скрываться,
а вечерами, при луне,
их бытом любоваться?
Доколь, блистая чешуёй,
по водам волочиться
и знать, что в грот подводный твой
никто не постучится?"
Наплыла хмарь на лунный диск,
наслала непогоду
и, издавая тонкий писк,
ушла русалка в воду.

У женщины с осенними глазами
не стану я выпрашивать дождя.
Она сама счастливыми слезами
зальёт меня немного погоды.
И женщину с осенними руками
не стану я туманом укрывать,
но нежнопылковыми лепестками
обсыплю всю и уложу в кровать.

Вторгаясь в ночь, мерцающие тени,
начнут пейзажи страстные ваять,
и женщины осенние колени
позволят необъятное объять.
В веках недальновидные Адамы
пытались заточить Ев в быта клеть,
зато теперь все то, что есть у дамы,
не приближаясь можно рассмотреть.
А женщина с осенним поцелуем,
во мне рассредоточив дум мираж,
надежд полёт немислимый рисуя,
внесёт в мой разум чувственную блажь.
А утром, пробудившись, спозаранку
я в мирозданье сини отворю,
и женщина с осеннею осанкой
не оглянётся, уходя в зарю.
Затихнут звуки слабого дыханья,
её слёз привкус на губах храня,
и грустным эпилогом расставанья
листву просыплет осень на меня.
Необратима жизни быстротечность:
не знаем что взамен приобретём.
Увы, мы все уйдём когда-то в млечность...
Кто раньше, а кто позже, но уйдём.

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Из Одессы; филолог; преподавала литературу и эстетику. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике, но, в основном, писала "в стол". С 1979-го жила в Канаде. Первые годы писала, переводила и редактировала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты. Получив новую специальность, 30 лет проработала в области информационных технологий.

После долгих лет молчания вернулись стихи. Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор сборника "Чернобеловики". Последние публикации – в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика", "Эмигрантская Лири", альманахе "Витражи" и др. В 2016-м переехала в Австралию к сыну и внукам – вот и ещё одна страна на карте моей жизни!

Из тоски не сотвори кумира –
тугоухого, гигантского, сырого,
еле-зрячего, затмившего полмира,
музыку глушащего и слово...
Не танцуй с ним медленного танца,
наступая на ноги друг другу,
на ночь не позволяй ему остаться!
... Дождь тишайший усыпил округу,
ветер сник, унял свои порывы,
в скалах чайки спят и мерно дышат,
в глубине покоят ночами рыбы –
кто откроет уши, тот услышит.
И жираф изысканный из грота
мраморного на рассвете выйдет
для дневного дивного полёта –
кто глаза осушит, тот увидит...

Старчески-грустно зима улыбнулась, и снег –
лев над добычей, подмявший задушенный город, –
голову в плечи – и съёжился, дрогнул, осел!
Почки, проснитесь! Пичуги, прочистите горло!

Вырвалось солнце из плена, и хлынувший свет,
глаз не щадя, обнажает аскезу пейзажа
дряхлой, трухлявой зимы, затянувшейся сверх
календаря, обессилев от долгого стажа.

Нотного стана линейки, гремят провода –
хор воробьиных шестнадцатых... Рябью стаккато
пляшет на талой воде, подпевает вода,
многоголосие множится эхом стократно.

Чистым холстом на подрамник пространство. Эскиз
улицы углем, но в щедрости перспективы
лета грядущего краски и страсти мазки
въявь проступают! По ветру зелёные гривы

шалых деревьев, по коже гусиной тепло
мёдом течёт, сердце в горле стучит с ускореньем,
памятью чуя объятия, прикосновенья,
ласки слова – будто снова любовь обрело...

Старчески-грустно и я улыбаюсь, посыл
новой весны принимая – продлённую визу
быть... Как там порох в душе – не промок, не остыл?
Жизни ли зов, или с нею прощания вызов?

Lockdown

На кончиках пальцев клавиши, а у глаз
экран, и за ним – путь один – в виртуал провал...

А мир наш живой – затаился, умолк, угас.
Недобрая сила куражится, правит бал.

Пейзаж за окном как холст в раму окна зажат –
стоп-кадр в цветовом кино, зловеще немом,
лишь кроны деревьев под ветром слегка дрожат,
но и ураган оживить бы пейзаж не мог.

Знаток одиночества, доктор его наук –
как самоуверенно я тосковала до
цунами такой глухоты, затопившей дом,
откуда не выплыть, не крикнуть даже "Ау!"

Прохожий шарахнется в страхе, как от чумной.
Когда-то приснились улыбки, объятия, смех...
Плыви, мой ковчег, человек человеку – Ной.
От смерти спасаемся – или в дизайне смерть?

Пока ещё лёгкие дышат, и пьян глоток
вечернего воздуха, в маску сквозь страх сочась...
Всё кончится, кончится, но неизвестен срок,
а вычтено время из жизни уже сейчас...

Остались ведь праведные в Содоме! Не обессудь –
по пальцам одной руки их сочти, Господь, –
последних, что век обезумевший на плечах несут,
ещё не роняя – стена и погибая под...

Твоею ли волею маемся под замком?
Над жизнью – как сценой – кто занавес опустил?
Какими из бункера выйдем?
Каких пустынь
пески впереди и камни,
и чей закон?

Довольно нищенкой на паперти
с рукой протянутой дрожащей
выклянчивать у бледной памяти
грош, ей одной принадлежащий...
Очнись! тоску из сердца выброси.
День дарит солнечной погодкой.
В саду вышагивают ибисы
древнеегипетской походкой,
и презирая унижение
клевать на свалке хлеб насущный,
хранят всю грацию движения
и флёр священный им присущий...
Вечно запыленные заросли
таят мазки юно-зелёных.
Весенние природы замыслы
вдыхай, разгадывай влюблённо,
плыви в толпе, любуйся лицами,
бродячей музыкой заслушайся, –
вдруг встрепенётся и откликнется
гармония, в груди уснувшая.
Лишь шаг – от самости, от разности,
век лгавших, мучивших жестоко, –
до необетованной радости
уже без повода и срока.

ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ

Родилась во Львове. Закончила Университет, факультет романо-германской филологии. В Австралии с 1998 года. В университете в Канберре защитила диплом по курсу "Психология". Работает психологом-диагностом в центре нетрадиционной медицины. Стихи пишет с 16 лет. В Украине печаталась в периодических и студенческих изданиях. Публиковалась в Мельбурне в местной русскоязычной периодической печати и в сборниках, а также в Германии, в том числе в альманахе «Крещатик», в России – в газете «День литературы». Пишет на трех

языках.

Сніг. Завірюха.
Вітра соло.
І хуртовина водить кола
Ніч. Я в вікні.
І ніби все було зі мною
Не зараз,
А давно, зимою -
Колись у сні...

А сніг мете сакральні кола,
– Не забувай мене ніколи,
Не забувай...
І знову та кумедність долі,
– Я не захищена від болю,
Ти пам'ятай...

А сніг мете, мете лапатий
Стою в вікні
Не можу спати.
Вирує даль.
Бо там надворі хтось у змові,
Гальмує подихи любові,
На жаль...

Сніг за вікном мете по колу...

А ТИ ЗНАЄШ, НЕ БУДЕ ЧУЖОЇ БІДИ

А ти знаєш, не буде чужої біди
І потопа отого страшного не буде.
Якось ранком усі не прокинуться люди
Сірим попелом вітер усіх рознесе

І не буде ні журу, ні сліз, ні зітхань.
Все то разом у прірву, так з часом, минеться
А життя десь колись у амебі займеться
Новим подихом, нових зовсім сподівань

І ніхто не повірить, що ми тут були
Із надіями вранці, а часом сльозами
І кохались, і кляли життя небесами,
І бузки навіжені весною цвіли

А ти знаєш, не буде чужої біди.

ТІЛЬКИ Б ПОБАЧИТИ

Тільки б побачити
Може пробачити
Разом постояти
Голос почути
Якось віддячити
Чимось означити
Спалах той ніжний
Часом забутий

Чорною мракою
Ранок піддакує
В грудях затьмарених
Болем пекельним
Кимось призначено
Якось предбачено
Жіночка миє ганок цегельний

Рухи прості
Маска
Очі пусті

І по мокрому кафелю
Трактора принт
– Вмер
– Хто?
– Вмер!
– Як!!!
Холодно. Пусто.
Зімкнені уста

Я ПЕРЕДУМАЛА

Я передумала, а там і висновок
За тими думами, там тільки виснага
І за порогами стає пологим
Той морок темені
І груди стиснуло...
І думка злетіла, по краю хмарою
Чужими стали ми, чи може стала я
Сльоза солена, та сльоза росталая
То лід стікає...
Зненацька сполох, то пахнуло холодом
Зіниці ступором, марження голодом
І повінь на лиці.
І фарби зблідли всі.

С ПОДАЧИ ДРУГА

По мановенію руки,
По умыслу, по умолчанию,
Рождалась звукопись строки,
Аккорд вселенському звучанію.
И вечный звука перекося,
Толпы безудержной хаос,
Его в FORTISSIMO вознес,
В тот пик разлада.
И родился АККОРД,
Казалось бы без правил.
И вобрал в себя, все сузив в унисон,
И на свои места он все поставил.
И это был не сон, отнюдь не сон.
И навзничь пала тишина!

Она была подчинена
В своем безудержном отчаянии
Душе вселенского звучания...

Смотри, листва стремится в небо.
Воздушность скрипки.
Грусть гобоя.
Перетекает быль на небыль,
Зеленое на голубое.

Зеленое и голубое,
Их гамма, их соединенье
Всего два цвета, эти двое
Жизнь утверждают единением.

Где свет и тень,
И нет границы,
Все обтекаемо, ведомо -
Луч солнца, миг и наши лица
В совсем ином сквозном объеме...

И время, что сквозь нас сочится,
В секунду – и оно другое...
Перетекает быль на небыль,
Зеленое на голубое.

РОБЕРТ ШЛИМАК
(31.03.41 – 24.11.20)

Родился в Москве, жил в Баку, потом – в Австрии и Италии (1989-1990). В конце 1990 года Роберт переехал в Австралию, жил в Мельбурне. По профессии – преподаватель искусств, художник, иллюстратор и графический дизайнер. Принимал участие во многих художественных выставках и показах, проводил персональные выставки. Многие из его работ находятся в частных коллекциях в России, США, Израиле, Австралии.

Почти 10 лет Роберт был президентом очень популярного в Мельбурне художественного клуба-кафе “Муза”. Роберт был также опытным поэтом и любил работать в разных жанрах, таких как юмор, лирика, философия. Он издал иллюстрированную антологию своих эпиграмм и карикатур, изображающих художественную и артистическую жизнь Мельбурна.

Прелюдия

Жарко обласкан, яркостью залит,
глазом облазил бенуары в зале.
Лиц и рук мрамор холодной клавиш.
Люстра – мрак в ослепительность плавит.
В партер, в подолы, в бархат отделки
брызжут потоки звонких оттенков.
Бра – лоск в бокале, фосфорный лотос.
Ложа боками дышит, как лошадь.
Рыжая грива, розовый корпус:
ах, как игривы краска и контур!
Звуков пассаты ! В душу пролейтесь
скрипки пассажем, россыпью флейты.
Ты – беглый узник времени, вровень
с музыкой узан и расшифрован –
мозаикой судеб, музыкой жалоб :
бравурным тутти оркестра и зала.

И только смысл драмы толком разжёван, –
в яме, как в раме, фрак дирижёра.
Звуки уснули... Последний скован :
огней и мелодий погасла игра,
но мысль силится снова и снова
у времени прелесть прелюдий украсть !

Мы – эклектики

Солнце – к туману
подмешано в нас;
к злости – гуманность,
к поэзии – страсть.
К юности – старость,
к личности – стадность.
Честность – к обману,
идеи – к мечтам
небесную манну
вплавить в металл.
К чувств нетерпению –
лень языка.
Речь наша – пение :
мы – музыканты.
Мысль мы баюкаем
не мерным периодом,
а странными звуками
рифмы и ритмом.
Целимся в лузы
кратного смысла,
слушаем музыку,
делимся мыслями,
слушаем лекции:
ничто не ново.
Мы – эклектики,
но сорта иного.
Не того – опасного:
стать паразитом
из старой басни,
притчей во языцех.
Мы похищаем

сокровища других.
В нас восхищает
ловкость руки,
весёлое пиратство,
уверенный грабёж.
Вымысла радость
стала работой.
Властною магией
белой бумаги
чужое золото
перечеканим
то в пламень слова, то
в лунный камень.
Им украсим
седую фразу.
У нас украли
все шансы сразу.
Глядим из клеток
прошлых поэм.
Но был эклектиком
и сам Рафаэль.

Пролётом в Риме

Время по капле сочится из крана
вечности, и горяча простыня.
Мы здесь - пролётом. Меж нами – стена.
Как это странно!

Как это странно – чужая страна.
Контурсы “*завтра*”, размытые крайне.
Мы нереальны с тобою, как на
киноэкране.

Через минуту погаснет экран.
Наше “*сегодня*”, конечно же, канет –
каплей в неплотно завёрнутом кране
в чёрный, базальтом налитый стакан.

Мрамор капелл, терракотовый грим,
виллы и пинии старого Рима –
всё – мимолётно и всё – несравнимо
с телом твоим.

Хватит Москвою кормить на убой
в этой чужой золочёной квартире!
Если и есть что-то вечное в мире,
Это не Рим, а мгновенья с тобой...

Из венка сонетов “Монетка на дне”

Сонет 7

В Италию не только за красу
античных городов влюбиться можно.
Флёр древности, трепещущий, тревожный
прекрасен, как девичий лик в грозу;

как пинии в предутреннем лесу,
в толпе простолюдинов придорожных
шагающие строем осторожно,
боясь стряхнуть с кустарников росу;

гор и холмов, увитых виноградом,
взгляд уводящих в золотую даль,
где полуобнажённые наяды
грусть шалостью скрывают и печаль.

И музыка, что в воздухе звучит,
счастливое бессмертие сулит.

Сонет 19

Бросаю суеверную монету
в бассейн фонтана. Там уже лежит
монеток уйма. Здравый смысл велит
всерьёз не брать наивную примету.

Слежу я взглядом, как она летит,
преломлена в игре неверной света,

в песок ложится меж других, блестит
и шлёт наверх подобие привета.

Мной выполнен забавный ритуал.
Небесную вкушу я снова манну!
Я верю: возвращусь сюда, к фонтану.
Пусть сбудется то, что я пожелал!

Желания опасны: ведь они
порою сокращают наши дни.

Сонет 110

Монетка, что в фонтане De Trevi
лежит на дне, спокойна и недвижна,
в воде поблескивая, точно вишня,
но – с важной молчаливостью сивилл,

среди этого сословия не лишней, –
пока монеты зов не прогремит,
и импульсов мистических магнит
в клубок совьётся и всесильной Мышью

собраться в путь мне тайно повелит, –
я буду мирно жить и крепко спать,
писать мои картины, сочинять, –

пока монеты зов не поманит
меня в дорогу и, непостижим,
передо мной предстанет старый Рим.

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон», «Золотое руно» и др. В 2012 году вышла книга стихов и прозы «На костре своих строчек...». В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...». Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014 г., Лауреат премии «Герой нашего времени» 2015; Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г. Медаль журнала «Крещатик» 2015 г.

Сосед мой недавно
Ангажировал мне Марь Ванну,

Чтобы жизнь не казалась ковидом изгаженной –
Пару косячков в день и – быт налаженный.

Плюс собака, прогулки туда-сюда,
Глядишь, все срастется. Да вот беда –

Я не курю уже лет шестнадцать.
И раз сто бросал до того, готов поклясться.

Поскольку курение вредно для моего тела.
Накатить – это совершенно другое дело.

Он нес картонку с горячим кофе, едва светало
Все как обычно, и Динка бурно его встречала.

Крутила хвостом, об ноги терлась
Потом лежала, пока мы терли.

Мы разошлись,
друг о друге подумавши: «Вот мудило!»
И нашего английского нам хватило.

ДОН РЫЦАРЬ

Быть мужчиной стало неприятно –
Слово грязное как «ниггер» или «жид».
Если белым, то тем более запятнан,
Лучше даже не родиться и не жить.

Мне не вымарать графу, суть напряженья –
Небом predetermined отца.
Я безумно обожаю женщин,
Но не как бесполого лица.

Это повод – у барьера, ставши в стойку,
Разобраться в этом месте и сейчас.
Если женщине к лицу быть амазонкой,
Ей мужчина – верный рыцарь в самый раз.

И плантации из роз, и гул сражений,
Города, стихи, привязанность по гроб.
Все придумано мужчинами для женщин –
И шалаш и самый-самый небоскреб.

Гонор рыцарский – не майка чемпиона.
Жизнь очертит круг возможностей сполна,
Чтобы даже под удавкой, убежденно
Прохрипеть, что все же вертится она.

Быть мужчиной – это надо потрудиться.
Не с железом по утрам и вечерам.
Рыцарь – он и в Африке Дон Рыцарь,
Будь он Дон Кихот иль Дональд Трамп.

Есть еще безхозные места
Без компьютера, без электричества.

Мне бы подгадать в такой гектар,
Затаиться, как в коробке спичечной.

Наколоть, сложить в поленницу дрова –
Звонкие, душистые, сосновые,
Завалиться с книгой на диван,
Отрешившись от всего хренового.

А потом заснуть мертвецким сном,
Безмятежным, как бывало в детстве.
Пусть бушует вьюга за окном
И спешит с подарками Сильвестр.

И тебе найдется место здесь –
С пальцами, с семилинейной лампой.
Сладко пахнет дрожжевой замес,
И собака чешет ухо лапой.

Красный угол с чистым полотном –
Рядом с Библией здесь Пастернак и Ницше.
Надо б выбрать что-нибудь одно.
(Попытался – ничего не вышло).

Двор обветренный на стыке двух эпох.
Я не пьяный, я немного выпимши.
Год как год, он был не так уж плох.
Только в череде других как будто лишний.

Ты – чародейка из касты волшебной.
Сколько посулов, надежд, обещаний.
Голуби, кролики в шляпке модельной.
Скажет: «Там пусто!» – свидетель случайный.

Тихо, касаткой скользнет на поверхность
«Шерше ля фам» – катехизис божественный.
Даже седая (ну кто там – о перхоти?)
Вся ты – одна безграничная женственность.

Даже твоя нарочитая слабость –
Плащ для факира, в нем жало булата.
Слезы и кровь геральдически рядом
В тонком хрустальном флаконе пузатом.

Мне этот мир – любить и не любить,
соткав ковер судьбы за нитью нить.
Есть сто причин его возненавидеть.
И лишь одна, где «быть или не быть»
без колебаний «если да кабы»,
Склонится к «быть» хотя бы в трезвом виде.

С пустой котомкой на привоз
осенних луж, весенних гроз –
Улисс, сошедший с корабля Арго на сушу.
Коснется струн – на это спрос –
копна растрепанных волос
И ворох свежих, солнечных веснушек.

На дальний берег занесло
Не силой ветра, не веслом –
Маяк всех страждущих – где глубже и где лучше.
Где океанское тепло,
И где тогда белым бело,
Когда в цветеньи яблони и груши.

Где б вмиг от слякоти промок
Отчизны хромовый сапог.
Где шепоток одно с другим сцепляет звенья.
Где все сойдется, дайте срок,
И где б и дня прожить не смог
Без жара рук и дрожи со-прикосновенья.

Я еще живее всех живых.
Но, бывает, прилетит дурная весть.
Я не верю, Господи – прости!,
Это ведь не окрик твой, не месть.

Невесомый – день за днем – приплод.
Как бы высоко я ни взлетал,
Я все тот же, Господи, все тот –
К деду Меиру – “Хоть корочку!” – пристал,

Подтирая вечно мокрый нос,
Швабру превративши в скакуна.
(Я, конечно, в высоту подрос,
Чтобы дальше твердь была видна).

Но мне снится каждый раз одно:
Будто я над пропастью повис.
Птица-ворон за моим окном.
Он – взлетит, а мне – сорваться вниз.

Я еще живее всех живых,
Свежий воздух наполняет грудь.
Боже, как я к этому привык!
Дело дрянь, когда – не продохнуть.

Подзабыл, как зацемяют шланг –
Равно – на земле и в небесах.
Я дышу, не замечая – как,
Пропускаю общие места.

ВЕЧЕР В МИХАЙЛОВСКОМ

Есть в хаосе округ своя печаль и строгость,
И образующий размер – зачаток новых форм.
Коленопреклонись – как их пробилось много.
Подправишь тут и там, и все, готов узор.

С гнездом осиным над входною дверью,
С нагроможденьем серых облаков,
С пройдохой старостой, в которого поверил,
С разбитой колеей и с нищими в Покров.

Как будто до тебя здесь кто-то развернулся,
Неясных образов клочки в ладонь собрал

И бросил под ноги, а ты о них споткнулся
И обраненное пособирал, поднял.

Пытаясь разгадать намеренья пасьянса,
Не зря, совсем не зря попавшего к тебе.
Часы пробили семь. Еще немного глянца –
И вечер отойдет без видимых потерь.

Прусак прошелестел, вот и сверчок запечный
Надолго затянул супружескую трель.
Несносный говорун, ему не дают плечи
Ни карточный должок, ни бабья канитель.

Еще на посошок шампанского, и точка.
От свечки на столе подрагивает тень.
Малашка подойдет, с ней скоротаем ночку.
А завтра поутру к соседям на весь день.

Мой самый добрый, самый нежный друг,
Одна печаль меня среди ночи будит:
От огорчений тягостных и мук
Тебе не убежать, когда меня не будет.

Куриный хрящ – твой рацион дневной.
Ты ярый хищник – как тут сомневаться.
Природа надругалась над тобой,
Одев тебя в смирительное платье.

Но тем дороже твой добрейший взгляд,
Что тяготишься ты своей звериной силой.
Так в ножнах прячется стремительный булат –
Отточенный, сверкающий, красивый.

ВИТА ШТИВЕЛЬМАН

Торонто, Канада

Поэтесса, эссеист, декламатор, основатель и руководитель EtCetera - клуба физиков и лириков. Вита - автор двух книг, многочисленных публикаций и поэтических спектаклей, обладатель диплома им. Шолом Алейхема, лауреат и член жюри международных литературных конкурсов, основатель и ведущая популярных радиопрограмм «Разговор о стихах», «Закон звезды

и формула цветка».

Проекты EtCetera включают международный ежегодный фестиваль еврейской культуры, Canadian Cultural Mosaic, а также благотворительные и образовательные программы.

Соавторство в фильмах: «Дом Рембрандта», «Штетл».

...но никуда от счастья нам не деться,
серебряный поток не прекратится.

Гадаешь на восходе и закате -
то кажется: родился ты в сорочке,
то кажется: обижен ты судьбой.

Судьба - она прикинется индейкой
или другой какую-нибудь птицей.
Роняет перья, как меняет платья.
И помни, что судьба не ставит точку,
а ставит только точку с запятой.

Афродита

Когда-то очень давно, когда-то, -
не помню я точной даты -
у берега Кипра волны бились сердито,
зеленела вода.

И тогда
из пены морской родилась Афродита.
Она встала, раскрыла зелёные глаза и сказала:
- Эй вы! те и эти!

Вы, конечно, жизнь в безвкусные краски красите.
Но, все равно – будете шагать по жизни,
как пьяница от одного питейного заведения
к другому, –
от страсти к страсти!
Мир вашему дому!
Будете остервенело хотеть сбыться,
жуя солому быта.
Будете биться в истерике время от времени,
приюта искать у чужого племени.
Богач рассыплется деньгами,
сластолюбец откроет для себя моногамию,
а поэт, как туберкулезник кровью,
исхаркается стихами!
Все это назовут любовью.
Будут перелистывать мысленно жесты
и реплики дальних и ближних встреч.
Сосчитают, что шестью шесть
тридцать семь.
Кто-то прорвётся сквозь оковы слова,
а кто-то выберет могильный склеп.
И это –
мой хлеб.

Сто лет войны – баллада

Аркебузы, мечи, походная грязь – тяжела доля солдат.
Ни покоя ни крова, и смерть по пятам, сто лет длится война.
Вся-то радость у нас: вечерний костёр да похлёбка погорячей,
да вечерняя песня или рассказ, чтобы стало чуть веселей.

И однажды, когда разгорелся костёр, а на небе горел закат,
незнакомец какой-то к нам подошёл – колченогий смешной горбун.
Он присел у костра, попросил поесть, и мы накормили его.
А потом спросили, кто он такой и куда же он держит путь.

И ответил уродец : "Я был шутом у герцога при дворе.
Я диковинок дивных много видал, но чудеснее всех одна:
молодая инфанта, герцога дочь, улыбалась мне одному
и смеялась, а прочих гнала прочь. Ах, любовь у меня была..."

Будто гром прогремел вокруг костра – это мы хохотали над ним,
до того уж потешен он был, когда прижимал к сердцу ладонь.
Мы держались от смеха за животы, ну а он опустил глаза
и сказал тихонько: "А всё же была, а всё же была любовь".

Мы не стали гнать его от себя, а позволили с нами идти.
По дорогам он ковыляя шел и старался всегда помочь.
Он забавен был, небылицы плёл, ну а если подтрунивал кто –
как, мол, та милашка, что так мила – говорил, что любовь была.

Аркебузы, мечи, походная грязь – тяжела доля солдат.
Заболел наш бедный горбун и слёг, мы лечили его как могли.
У него был жар, он в бреду шептал, повторял опять и опять
про инфанту – ту, что как день светла, про любовь, что всё же была.

Мы его схоронили в лесу под холмом – по пятам смерть, по пятам.
Постояли и дальше пошли вперёд: сто лет длится война.
Отошли мы, наверное, сто шагов и вдруг обернулись назад.
Обернулись все, будто кто-то велел, велел обернуться нам.

Над холмом, где мы схоронили его, разливался свет золотой,
и сияли два облака, как два огромных белых крыла.
И запела птица вдаль, и нет прекраснее песни той.
Потому что была у него любовь, потому что любовь была.

Джекил и Хайд

Доктор Джекил, что нового в мире научных открытий?
Мистер Хайд, почему вы не спали сегодняшней ночью?
Кто любезно кивнёт – или зубы ощерит по-волчьи?
Кто займётся вопросом – как быть, или вовсе не быть ли?

Чья поломана трость, кто виновен в ужасном убийстве?
Чей стеклянный флакон, чьи тетради, чей шкаф с порошками?
Как заслуженный доктор становится злобною крысой?
Как пример благородства навек обращается в камень?

Не гадайте, не надо: ведь он двоеликий, как Янус.
Он исчадие ада, но также исчадие рая.

Это я виновата – с нечистой силою знаюсь.

Это я виновата – ведь я это всё позволяю.

"Я вас люблю", - он молча говорит.

"Мне надо хоть кого-нибудь любить.

А вас любить легко и безопасно:

вы в меру недоступны и неясны,

и разной быть умеете, к тому же

вы матримониальной жажде чужды.

А я, - он молча говорит, - я скоро,

презрев воздвигнутые веком горы,

рвану, или взорвусь я, может быть,

но в общем, что-то вверх, а там, тогда...

Я смехом, искоркой, в глазах растаю,

как, может быть, смеется, пролетая,

не узнанный землёй метеорит."

Август

Цикады поют

их звон заполняет всё

наши уши

высокую - в висок - траву

кусты малины и тени от них

Мы идём по тропинке

неважно сколько нам лет

семь или семьдесят

важно что так будет всегда

полдень

жаркая тень

кислинка малины на языке

цикорий в траве

где всегда будут

петь цикады

Поэтка

Я рифмую слова "кровь" и "любовь"

и читаю на ночь стихи, чаще всего Ли Бо.

И, засыпая, шлю воздушный поцелуй этому даосу, хулигану отпетому.
В общем, получается, что я - поэтка
поэтому.

А небо отражается в реке.
И твердь одна, прозрачна и бездонна,
на твердь другую смотрит благосклонно.
Река лукавит. Блики вдалеке.

А звезды отражаются в цветах.
Цветы вбирают всеми лепестками
вечерних звезд безмолвное мерцанье
и отвечают трепетом листа.

Вот так же, расточительно нежны,
мои глаза в твоих отражены.

вода и песок, розоватые камни и чайки
волна набегают, пророча всему растворенье
не верит пророчеству, спорит, не верит, смеётся
моё наречённое имя, витальное имя
велит возвращаться всегда и на новом витке
велит удержаться ракушкой на мокром песке
велит пробиваться травой через серые камни
и чайка взлетает, и стряхивает с крыльев капли
прозрачные капли, которые блестят на солнце

МИХАИЛ ЯРОВОЙ

В Австралии с 1998 г. Родился в Москве, образование – высшее медицинское. Как автор и исполнитель песен неоднократно выступал в России и в Австралии. Автор публикаций в ряде русскоязычных изданий, включая журналы "Австралийская мозаика" и "Интеллект", литературных сборниках "Уроки русского", "Встречи", "Под небом Австралии", "Со мною вот что происходит", альманахе "Витражи", российском альманахе "Поэт года 2011" и др. Лауреат и дипломант различных литературных и бардовских конкурсов, среди которых Грушинский международный интернет-конкурс (2014 г.).

Поговори, пожалуйста, со мною
Не языком Секретаря Вселенной,
Не голосом Земного Адвоката,
Но голосом дождя и мокрой птицы.

Перекрой мои шальные крылья,
Перетяни пространство между нами
Так, чтобы места в нем осталось ровно
Для двух ударов двоящего сердца.

Когда меня ничто уже не держит,
И выдержать ничто меня не может,
Одно твое лишь слово остается.
Всего одно. Скажи его, родная.

THE ANSWER

Солнце ты удивись но я все понял
Утром когда от письма твоего проснулся
Видел отчетливо нас на Его ладони
Как Он кивнул прищурился усмехнулся
Вот как бывает идешь ты себе и носом
Целишься в землю привычкой живешь земной ведь
Ищешь ответы к каким-то своим вопросам
Ладишь отмычки к воротам пытаешься вспомнить

Было ли раньше в тебе хоть немного света
Было да толку теперь вспоминать о давнем
И вдруг огневая дуга взрезает планету
Плавит пространство Господи и куда мне
Пробуешь двигаться между вчера и завтра
Не получается ноги привыкли прямо
Ноги бунтуют а посреди ландшафта
Где ты застрял уже вырастает яма
Не улетишь проглотит сам понимаешь
Крылья бы хоть какие из тряпки на клей момент
А звезды неона вспыхивают и читаешь
Welcome to the next level of ENTERTAINMENT

SURFING

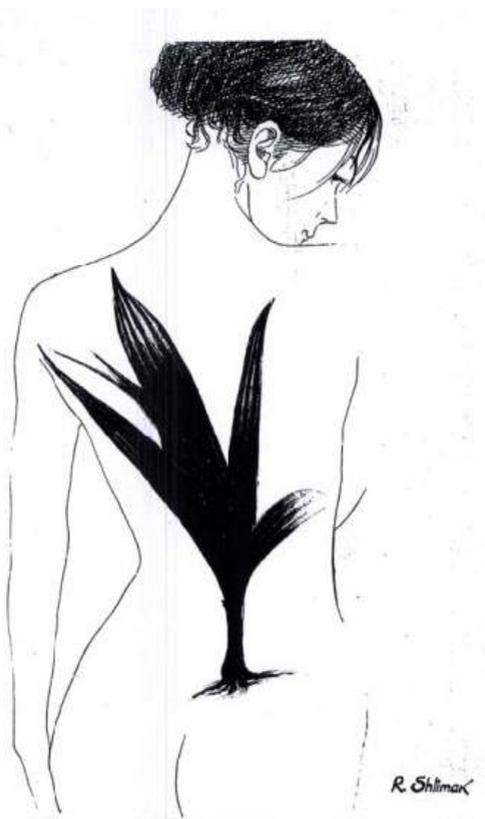
Он глядит на меня чудовищем,
Родственником тараканища,
И — по Корнею Иванычу —
Солнце на ужин глотает.
Океан, океан, океанище.
Чего тебе не хватает?
Что ты такой взъерошенный,
Прям хоть пиши завещание?
Я ведь не набиваюсь
В гости или приятели.
Очень оно мне надо —
Мокро в тебе и холодно.

И все же надо, надо —
Будто сбежав из плена,
Пузом к доске прижавшись,
От берега оттолкнуться,
От твердого оторваться,
И через груды пены,
Дыры в душе замазывая
Бликами изумрудными,
Словно зелёной ссадины,
Каждым гребком ладони
Весело отсекая
Лишнее и пустое,

Нагло с тобой обняться
И по плечу похлопать.
И получить с размаху
Краем хрустальным гребня!
Ну что ж, дорогой мой монстр,
Видать, не такой ты злобный –
Вроде бы и угрюмый,
А лезешь вон целоваться.
Гляди, ты уже спокойнее
Дышишь, меня покачивая.
Может, и в самом деле
Радуетесь, что проведаль?

Может, недоставало тебе
Глупой моей влюблённости?
Веры моей чудаческой,
Что не сожрёшь, наивного,
Выплюнешь на песочек-то.
Помнишь, как в детстве выплонул –
Мамке вернул ребёночка
С просоленными глазёнками,
В коих застрял пожизненно
Блик изумрудно-радужный?
А ничего прекраснее
В жизни с тех пор и не видел я.

ПЕРЕВОДЫ – PEREVODY

Редактор Наталья Крофтс

Константинос Кавафис (1863 – 1933)

– греческий поэт, считающийся одним из самых великих новогреческих авторов. При жизни опубликовал 154 стихотворения; большинство его стихов было написано, когда Кавафису было уже за сорок. Мировая известность к Кавафису пришла, когда его стихи перевели Э.М. Фостер и Т.С. Элиот. На русский язык несколько стихотворений Кавафиса перевёл Г. Г. Шмаков; Бродский считал эти переводы непревзойдёнными, уловившими дух греческого поэта:

Ты твердишь: “Я уеду в другую страну, за другие моря.

После этой дыры что угодно покажется раем.

Как ни бьюсь, здесь я вечно судьбой обираем.

Похоронено сердце мое в этом месте пустом”.

Сколько можно глушить свой рассудок, откладывая жизнь на потом!

А сегодня мы публикуем несколько стихотворений Константиноса Кавафиса в переводе Антонины Калининой.

Антонина Калинина

– поэт, переводчик, филолог-античник. Окончила отделение классической филологии филологического факультета МГУ. Переводит с новогреческого, немецкого, итальянского, английского языков. Сейчас живёт в Оксфорде, Англия.

ХВАТИТ ЛИ СИЛ?

Да, невозможно жить лишь так, как хочешь –

Но ты, по крайней мере, попытайся –

Насколько хватит сил: не тратя жизнь

На светские поверхностные связи,

На суету, на встречи, разговоры...

Не трать её на частые поездки,

Не выставляй её перед другими
В бессмысленной поденщине общенья,
Пока ещё не сделалась постылой
тебе, словно чужая, жизнь твоя.

ЖИТЕЛИ ТРОИ

Как наши замыслы и предприятия
Похожи на последнюю борьбу
Троянцев! Удается лишь отчасти
Задуманное – и настолько же
В своих глазах мы тотчас вырастаем,
исполнившись отваги и надежды.

И всякий раз препятствует нам нечто:
Ахилл является под крепостные стены
И с громким кличем сокрушает нас.

Подобны замыслам троянцев наши
Усилия любые... Вот отвагой
Пытаемся мы подкупить удачу,
Теперь уже за стенами сражаясь...

Но наступает перелом – и вдруг
Нас оставляют дерзость и решимость,
Охватывают слабость и тревога.

Мы разбегаемся от стен, в надежде
Спасение найти вдали от них.
А поражение так явно, и рыданья
О нас уже звучат на стенах Трои.
Там плачут о былом блаженстве нашем.
И горек плач Приама и Гекубы.

ГОЛОСА

Преображенных голосов родных
Звучание: одних мы схоронили...
Как мертвых, мы утратили иных.
Порой во сне они к нам обратятся;

Порой – мы размышляем – и в мозгу
Они вдруг раздаются, возвращая
Поэзию младенчества на миг –
Ряд звуков, что как музыка в ночи:
угасшая, поющая вполсилы.

*Перевод с новогреческого Антонины Калининой. Опубликовано на сайте
Евгения Витковского «Век перевода».*

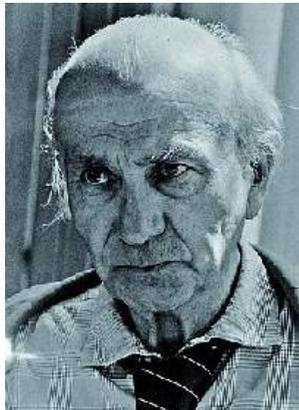
В этом номере хотелось бы вспомнить нашего замечательного поэта,
Юрия Давыдовича Левитанского. В сборнике «Когда-нибудь после
меня», первой посмертной книге Левитанского, есть раздел «Близкие
ритмы». Это – переводы с португальского, немецкого, чешского и
многих других языков. Юрий Давыдович немало переводил, работая с
подстрочника: переводы были нужны, поскольку собственной поэзией
прокормиться было трудно:

*И вот певец недоедает.
Не ест жиры и углеводы.
Потом ему надоедает,
и он уходит в переводы.*

Но вот что поразительно: работая с подстрочниками, с незнакомыми
языками, отработывая «подёнку», Юрий Давыдович делал удивительные
переводы. И спустя годы мы с удовольствием читаем строки, некогда
венгерские, а теперь – Левитанские:

*Ах, поросёнок бедный мой,
тебя мы слопали зимой...*

Дьюла Ийеш (1902 – 1983)

– венгерский поэт, писатель и переводчик. Несколько лет жил в Вене, Лихтенштейне, Берлине и Париже. Потом вернулся в Венгрию; после войны стал членом парламента. В конце 40-х ушёл из общественной жизни, в 1949 году был лишён звания академика Венгерской академии наук, куда был незадолго до этого принят (восстановлен посмертно). Первое стихотворение было опубликовано в 1920 году. Впоследствии Дьюла Ийеш стал лауреатом нескольких престижных венгерских литературных наград.

Юрий Левитанский (1922 – 1996).

Родился в городе Козелец (Черниговская область). Первые годы жизни прошли в Киеве, потом семья переехала в Сталино (Донецк). В 1938-м Левитанский отправляется в Москву и поступает в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), но с началом войны уходит добровольцем на фронт. Левитанский прошёл путь от рядового до лейтенанта, был неоднократно награждён. В 1947-м в Иркутске Левитанский демобилизуется – и уже в следующем году выходит его первый поэтический сборник «Солдатская дорога». Позже Юрий Давыдович публикует ещё несколько сборников, и, наконец, вышедшая в 1963 году книга «Земное небо» приносит автору известность – и Левитанский переезжает в Москву. В 1995 году Юрий Давыдович был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

РАНЕНЬЕ

Когда грустя о чем-то и скорбя,
вздыхала ты – я становился весел
настолько, чтоб мой смех уравновесил
тревогу, охватившую тебя.

А позже, в той осенней тишине,
когда я загрустил и нос повесил,
смеялась ты, чтоб смех твой перевесил
тоску и грусть, пришедшие ко мне.

Мы были как песочные часы.
Два сердца, словно точные весы,
стремились к равновесью непременно.
Я так спасал тебя, а ты меня.
Два раненых солдата, из огня
друг друга мы несли попеременно.

СНЕЖНОЕ ВОСПОМИНАНЬЕ

Ах, поросёнок бедный мой,
тебя мы слопали зимой.

И те, кого ты обожал,
к кому навстречу ты бежал,

визжал, подпрыгивая, – всё ж
тебе всадили в шею нож:

что делать – кончились корма,
а на дворе уже зима,

и тщетно пробовала мать
тебя за ухо поднимать.

И вот теперь она сама,
тебе носившая корма,

тебя чесавшая, любя, –
держала за ногу тебя.

Я под периною лежал,
и я слышал, как ты визжал.

Прижавшись к брату, я дрожал,
я уши в ужасе зажал

и думал – бедный, как орёт,
и, верно, скоро наш черёд!..

А после весело глядел,
как под тобой огонь гудел,

и больше не переживал,
когда я хвостик твой жевал, –

а хвостик твой дымком пропах,
и он хрустел в моих зубах.

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Усаживаюсь молча на кровать.

На стол вещей вытряхиваю груды –
часы, бумагу, нож... Я горевать,
ложась в постель, теперь уже не буду,
что в дымке этих лет
твой затерялся след,
и никакой надежды больше нет.

Старею, видно? Вижу мрак ночной,
что растворит в себе мои печали.

Потом – твои глаза передо мной,
глаза, что раньше мне обозначали
и дня неспешный ход,
и к ночи переход –
закат обозначали и восход.

Как тѐмен мир! Отвыкнув от тебя,
себя к забвенью, что ли, приучаю?
Вздыхаю громко. Спешки не любя,
в себе вдруг суетливость примечаю,
и задышаться стал,
как будто уже стар,
как будто в гору шѐл, и вот устал.

Была ты полем? Воздухом? Постой –
а может, просто ветром в чистом поле?
Цветенья запах, терпкий и густой,
настигнет вдруг – и вскрикну, как от боли.
И страх в моей груди:
скорее проходи –
опасна эта пропасть позади!

А полночь дышит, как уснувший чиж.
На камне звук шагов моих стихает.
И тропки в темноте не различишь –
она скользит и под гору стекает.
И я скольжу едва,
как явь, как синева
над той землей, где ты ещё жива.

Большое спасибо дочери Юрия Левитанского за разрешение на публикацию его переводов, и Александру Петрову за помощь в организации этой публикации. Официальный сайт Юрия Левитанского: www.Levitansky.ru

ΠΡΟΖΑ
ΑΖΟΡΠ

R. Shlimak

КОНСТАНТИН БОЯНДИН

Родился 22 апреля 1967 года в Семипалатинске. Первые книги (фэнтези) вышли в свет в 1998 году; с тех пор перешёл преимущественно на электронный формат публикаций. В настоящий момент пишу в жанрах НФ, городского фэнтези, хоррора и других. Перевожу прозаические и стихотворные тексты с английского и на английский; в качестве хобби - перевожу поэзию Пауля Целана с немецкого. Участвовал в работе конкурсов московского КЛФ, в литературном семинаре Геннадия Прашкевича, в возрождении литературного

конвента "Белое пятно" в Новосибирске и т.д.

Чашка кофе

© 2020 Константин Юрьевич Бояндин

1.

Если очень нужно проснуться – ставь будильник подальше. Сергей и поставил – у дальнего угла столика у кровати. Уселся, протянул руку – выключить, заглушить этот отвратительный звук – и смахнул вещичку на пол. Спросонья чего только не сделаешь.

Был будильник – и нет будильника. Уже по звуку падения ясно, что чинить там нечего – сразу в мусор.

– Понедельник, – заключил Сергей, протирая глаза. Жалко будильник, почти пять лет проработал. Сегодня нужно купить новый: лучше уж ронять на пол часы, чем мобильник. Едва Сергей вспомнил про мобильник, как тот мелодично напомнил о себе из-под подушки.

Сообщение пришло.

Сергей открыл его, усмехнулся и окончательно проснулся. Точно, понедельник. Только по понедельникам заказчики пишут подобные письма – отказываются от заказа. Сергей совершил обязательные утренние ритуалы очищения, и уселся за компьютер уже почти человеком. Ну да, есть электронное письмо. Вот с самого начала чувствовал: что-то не так с этим клиентом. И фамилия неприятная: Подвальный. Сергей прочитал письмо – всё верно, отказывается от заказа, возвращения аванса не требует. Ещё бы он требовал: модераторы площадки не позволяют обижать добросовестных исполнителей. А уж Сергей работал всегда на совесть. Простыми словами – никогда никого не обманывал.

...Некоторые ушлые заказчики так делают: увидят тестовую версию сайта – тихонько скопируют, и всё: заказ не нужен, спасибо. Подолгу на площадке таких не держат: если заказчик считает себя умнее всех и пробует таким мелочным способом экономить средства – очень скоро обнаружит, что его заблокировали. Но раз за разом появляются новые. Сергей полистал журнал посещений того самого демонстрационного сайта. Ну, так и есть: после того, как господин Подвальный посмотрел на страницы (и сразу же пообещал завтра расплатиться), с того же самого адреса, через полчаса, кто-то очень поспешно скопировал все до единой страницы сайта. Зачем платить, когда можно взять просто так? Одного не учёл господин Подвальный: он не первый такой хитрец. Скачать-то он скачал, вот только все картинки в его копии, скажем так, низкого качества, и на каждой водяной знак: «Эта работа не была оплачена». Ну и прочие мелкие, но очень неприятные огрехи. Ладно, все рано или поздно сталкиваются с такими чудаками на букву «м». Выпить кофе, забыть, и найти нового заказчика. Если честно, иной раз тоскуешь по тому времени, когда «работал на дядю». Но настолько мало платили, что...

2.

Слушая басовитое ворчание кофе-машины, Сергей обдумывал перспективы. Жизнь фрилансера полна непостоянства. То в заказах можно рыться, а то их неделями нет. Пробовали сманить, после одобренного заказа, на постоянное место работы – но Сергей там уже бывал, не понравилось. Ладно, на примете есть и другие заказы, вот прямо сейчас ими и займёмся.

Стоп. Что-то не так. Отчего вдруг замолчала кофе-машина? Сергей оглянулся – и точно: мигает всеми, самыми неприятными сочетаниями индикаторов. В переводе на человечески язык: всё погребло, всё пропало. Сергей не поленился свериться с инструкцией: так и есть, вышла из строя – везите в ремонт. Что характерно, вышла из строя на третьей неделе с момента истечения гарантийного срока.

– Понедельник, – повторил Сергей, и заглянул в приёмный отсек для кофе – зёрен там едва ли чайная ложка. Вот как. А что в пакете, из которого досыпал? Перерыл все шкафчики (давно пора навести порядок на кухне), но увы – кофе в зёрнах нет, вручную не сварить.

Сергей усмехнулся и направился в спальню, она же кабинет. Нет кофе – закажем, для чего ещё нам дан Интернет? И кофе, и новую кофе-машину. Едва только он уселся перед монитором и занёс пальцы над клавиатурой,

как погасла настольная лампа, а источник бесперебойного питания издал жалобный, пронзительный писк. Отключили электроэнергию.

– Да что ты будешь делать! – удивился Сергей, пробежался к окну кухни, из которого виден вход в подъезд – ну точно, стоит грузовик «аварийки». Нашли же время для ремонта!

Сергей выключил компьютер – на это есть ровно пять минут, потом ни бесперебойник, ни нервы уже не выдержат – и направился в прихожую. Раз такое дело – прогуляемся до магазина ногами, как в добрые старые времена. Может, к тому моменту и свет дадут.

Сергей не поленился проверить, что не у него одного диск счётчика электроэнергии замер и не шевелится. Судя по характерным возгласам из-за дверей соседних квартир, там тоже не рады «концу света».

– Когда починим, тогда починим, – хмуро прокомментировал ситуацию небритый и похмельный пролетарий, вынимающий оборудование из кузова «аварийки». Сергей пожал плечами и направился в магазин.

3.

Приличный кофе был, но последнюю пачку его забрала первой подбежавшая к стеллажу женщина. Сергей усмехнулся и взял пачку другого сорта. Пожиже, во всех смыслах, но на раз хватит. Без кофе вообще никак: с утра ощущаешь себя не вовремя восставшим мертвецом.

– Не работает, – коротко пояснила кассирша, когда Сергей добыл из бумажника банковскую карточку. Вот же наваждение! Отвык уже пользоваться наличными, провалиться этим современным технологиям. Кассирша указала на прицепленный лист бумаги, на котором значилось «безнал не работает», и равнодушно отложила в сторонку несостоявшуюся покупку. Ладно, будем по-старинке: вон банкомат стоит, сейчас разберёмся.

Банкомат долго мигал огоньками, его железное нутро гудело и жужжало, и сообщил наконец: нет наличных. А сказать сразу, прежде чем спрашивать «сколько нужно»? Вот кто программирует подобное? Самито потом таким пользуются?

– Понедельник, – вздохнул Сергей, нажав на сенсор «Вернуть карту».

Нажать-то нажал, а толку? Банкомат пожужжал для вида, и... предложил начать сеанс работы заново. Словно и не должен был вернуть карту.

– Что за... – Сергей сдержался – кругом полно народа. Достал мобильник, сделал фотографию – чтобы туда попал серийный номер аппарата – и, покинув магазин, набрал номер технической поддержки банка.

Минут через пять ответил человеческий, живой, оператор. Равнодушно принял сообщение, запросил кодовую фразу (вот тоже придумали – нет

чтобы набирать на клавиатуре: кругом полно людей, которые всё слышат), и велел ждать звонка.

Сергей вздохнул. Ладно. Отделение банка – того самого, кстати – недалеко, можно снять наличные там.

Хвост очереди выглядывал из дверей банковского отделения. Что, у всех с утра потерялись карты? Ладно, раз пошла такая пьянка, прокатимся в другое отделение. Вот поленился вчера доехать до стоянки, оставить там машину, а сейчас и пригодились, что возле дома стоит.

4.

В каждом дворе, где сейчас ставят свои авто жильцы (то есть вообще в каждом) всегда есть хотя бы один чудак, развлекающий всех добрых людей. Во дворе дома, в котором живёт Сергей, таких чудаков минимум трое. И один из них поставил своего железного коня аккурат перед носом машины Сергея. Всегда так делает, если мест нет – можно потом хоть застучаться по его колесу: владелец может и напиться в хлам, и попросту уйти куда-то – вопли сигналки не помогут.

Правда, на этот раз награда нашла своего владельца: недобрый человек прорезал два левых колеса. Кроме того, кто-то щедро насыпал семечек на крышу и капот. Во дворе всегда полно голубей – итог понятен: и капот, и лобовое щедро украшены белыми кляксами.

Владельца машины, бритоголового здоровяка с бандитскими замашками, Сергей услышал шагов за сто – такой громкости позавидовал бы любой мегафон. Смотри-ка, уже участкового вызвал – последний, старательно скрывая удовлетворение, разбирался в ситуации. Всё ясно, тут можно и час ждать, и два – пока ещё подгонят эвакуатор. Да и эвакуировать будет непросто: подобные пострадавшему чудаки успели поставить свои автомобили самым затейливым образом. Плюс лёд, плюс сугробы – в общем, это надолго.

– Понедельник, – кивнул своим мыслям Сергей и поднялся в квартиру.

Света всё ещё нет, но можно вызвать такси – не сидеть же без денег, когда ещё карту восстановят. Пошарил по всем мыслимым заначкам – нигде нет наличных. Ну почти: сорок девять рублей с копейками. На такси не хватит. Сергей не поленился позвонить пяти людям, которых можно было, с натяжкой, считать друзьями, но никто не сможет помочь прямо сейчас.

А родители живут в другом районе. Пешком туда часа три топать, а ехать не на ком. Даже у соседа по лестничной площадке не занять – нет никого дома. Ладно, придётся выстаивать ту самую очередь.

К моменту, когда Сергей пришёл туда, очередь успела подрасти. Похоже, в отделении работает всего один оператор (из трёх возможных). И разумеется, едва только Сергей стал «крайним», подъехала машина инкассаторов – и пара дюжих ребят с автоматами наперевес выпроводила посетителей на улицу.

Ненадолго, успокоила их операционист. Минут на пятнадцать.

5.

Где пятнадцать, там и тридцать. К моменту, как их впустили в отделение, выяснилось, что

– из трёх компьютеров работает только один, так что остальные операторы так и будут скучать у принтера

– банкомат работает только на приём денег

– у пяти из восьми человек, стоящих перед Сергеем, сложные вопросы, которые в пять минут не решить

Понедельник, как он есть. Скучая в очереди, Сергей сумел удалённо войти на один из своих серверов – с мобильного телефона – и оттуда убедиться, что электроэнергию в квартире так и не дали. Успел позвонить в аварийную службу, где ему не слишком вежливо пояснили, что сколько потребуется времени на ремонт, столько потребуется – аварийка тут при чём? Развели у себя в подвале крыс и прочую пакость, так не жалуйтесь потом.

Прямо перед Сергеем точно так же изнывала от ожидания девушка – лет двадцати на вид, на лице её читалась обречённость. Похоже, я тут до вечера, подумал Сергей и порылся в кармашках сумки. Точно, есть «аварийный паёк» – батончики и небольшая бутылка с водой. Так ведь и не позавтракал!

Есть батончик, не шурша его обёрткой и не привлекая внимания, оказалось непросто. Судя по завистливым взглядам, не все позаботились о подобном пайке.

Сергей стоял и стоял, поглядывая то на часы, то на стены, украшенные разнообразными рекламными плакатами. И почему на всех этих рекламных лицах одна и та же идиотская гримаса радости? Вот стал бы я так наслаждаться полученным только что кредитом? Его ж отдавать придётся. Впрочем, на лицах сотрудников банка была ровно такая же гримаса неземного наслаждения. Видимо, по поводу удачно выданного очередному лопуху кредита.

Что-то заискрилось и щёлкнуло в углу, где камера видеонаблюдения. Мигнуло освещение, ахнула сотрудница, сидящая перед единственным рабочим компьютером. Сергей чуть не выругался... но, похоже,

обошлось. Все непроизвольно вздохнули – с облегчением, надо полагать. Какие-то молодые люди вошли в отделение, явно намереваясь подойти без очереди... но так же неожиданно ушли. А потом охранник пошептался о чём-то с одной из сотрудниц и выскользнул тихонько в дальнюю дверь. Вот как. Вроде бы в отделении всегда должен быть хотя бы один охранник, нет?

Да и шут с ним. Сергей вновь достал мобильник, запустил программу-головоломку и погрузился в разгадывание.

– Это ограбление! Сумки сюда, живо!

Сергей пришёл в себя и понял, что дверь на улицу закрыта, что в помещении на два человека больше – оба в балаклавах, у каждого в руке чёрный массивный пистолет. А ещё понял, что камера выключена, охранника нет, приходиться на помощь некому.

6.

Всего в отделении ждало разрешения своих финансовых вопросов десять человек. Один из грабителей залез в сумку ближайшей женщины, нашарил там кошелёк и бросил подельнику. Так же отобрал кошельки у второй, у третьей. Сергей смотрел на всё это, не веря глазам и прочим органам чувств, а внутри разогревалось, набирая давление, раздражение – быстро сменившееся злостью, а затем яростью. Но руки и ноги словно оцепенели, хотя вроде ни минуты не боялся. Наверное, потому, что вчера посмотрел в который раз «Криминальное чтиво», и творящийся сейчас абсурд слишком уж походил на события фильма.

Ближайший грабитель сделал шаг к Сергею и схватил его сумку за ремень. Сергей и не подумал отдавать её. Грабитель тут же ткнул Сергея в лоб дулом пистолета и крикнул:

– Отдал, живо! Башку разнесу!

И тут исчезло оцепенение, и на долю секунды обострились донельзя все органы чувств. На обоняние обрушилась лавина запахов – смрад потного тела (грабителью стоило мыться хотя бы раз в неделю); приторная смесь парфюма – некоторые посетительницы явно им злоупотребляют; едва слышный грозовой привкус озона – это от принтера. Зрение во всех подробностях доложило о пистолете...

Сергей сам от себя не ожидал. Левой рукой ударил снизу по пистолету; правой, отпустив сумку, толкнул грабителя от себя. Второй грабитель, который прятал в пластиковый пакет очередной кошелёк, только-только заметил, что дела идут не лучшим образом и начал поднимать свой пистолет в сторону Сергея, когда тот метнул в него единственный

оставшийся тяжёлый предмет – мобильник, который так и держал в левой руке.

Первый грабитель полетел кубарем, по пути сильно ударившись локтем о стойку; пистолет выпал из его руки и звонко отлетел в сторону.

Второй, увернувшись от мобильника, поскользнулся и упал, с размаху ударившись затылком о входную дверь.

Удивительно, но первый грабитель, едва пришёл в себя – вырубился на несколько секунд – заверещал пронзительным фальцетом:

– Убива-а-а-ают!

И примерно в этот момент дальняя дверь распахнулась, и оттуда в помещение выбежал давешний охранник.

Первый грабитель так и лежал, вереща; второй сидел нелепой тряпичной куклой у двери на улице.

Картина маслом.

7.

– Ну и зачем героя из себя строил? – спросил Сергея полицейский.

Сергея слегка замутило – после того, как отпустила ярость, а охранник начал, наконец, выполнять свои прямые обязанности, руки и ноги стали ватными, комок встал в горле. Правда, всё относительно быстро прошло, и к приезду полиции Сергей уже чувствовал себя человеком. Голодным, безденежным, злым – но человеком.

– У него на стволе пистолета была надпись, «Сделано в Китае». «Made in China», – пояснил Сергей. Странно, но наличие этой надписи он осознал уже много позже. Выходит, понял, что оружие – муляж, и действовал инстинктивно?

Полицейский усмехнулся и покачал головой.

– А если бы у второго был не муляж?

– Но ведь тоже был муляж, верно? Они как, оба живы?

– Живы, – кивнул полицейский. – И даже без серьёзных травм. Считай, тебе крупно повезло.

– Да уж, я прямо счастлив, – проворчал Сергей. Хотя полицейский прав – оборона обороной, а по закону нужно вначале дать себя застрелить, а потом уже обороняться. Иначе могут тебя же и посадить. – Долго нас тут ещё продержат?

– Сколько потребуется, столько и продержат, – заметил полицейский равнодушно и указал Сергею – отойди вон туда и там подожди. Сергей безропотно прошёл к скамье – там всё ещё сидели трое из посетителей того самого отделения. Все смотрели в пол, не замечая присутствия остальных. Ну да, не каждый день тебя грабят, немудрено.

Сергея, естественно, обыскали – ничего такого не нашли и вернули сумку. И это очень кстати: там должно быть ещё как минимум два батончика.

8.

Два с половиной часа и один батончик спустя Сергей стоял у подъезда собственного дома и с некоторым унынием смотрел на собственный автомобиль: эвакуатор так и не приехал, и «сдутая» красная машина по-прежнему блокирует выезд. Вид несчастной машины, густо разукрашенной гуано, особого морального удовлетворения не принёс. Так же, как и вид распахнутой двери в подвал и ведущих внутрь кабелей. Можно не ходить к гадалке, света нет.

Чёрт! Вот же бестолочь! Ну просто сказать таксисту – подъеду к банкомату, сниму деньги и потом заплачу. Вот что стоило раньше догадаться? Ну не совсем к банкомату, к отделению банка – ну подождёт полчаса, чёрт с ним, не сидеть же без кофе до вечера, или когда там починят электропроводку.

Легче сказать, чем сделать. Трое таксистов (что характерно, все в возрасте), машины которых стояли на стоянке у магазина, отказались от такой схемы оплаты. Четвёртый, молодой на вид парень, согласился сразу же.

– Я вас уже возил, – пояснил он. – Садитесь. Всё равно смена кончается, могу и подождать немного.

Ну хоть какое-то везение, для разнообразия! Сергей уселся на заднем сидении, и чуть не уснул – сказалось нервное напряжение. Да ещё в полицию могут заново пригласить – в зависимости от того, как будут то дело разбирать. Никаким героем Сергей себя не ощущал, ощущал немного идиотом. Пусть даже в сумке не было ничего действительно ценного – а паспорт потом восстанавливать? Вот где был бы подлинный геморрой. В общем, проехали, обошлось и ладно.

– Заправимся? – спросил таксист, указывая на ближайший поворот.

Сергей кивнул – один чёрт день насмарку. После того, как накормили автомобиль, таксист отъехал в сторонку и указал на киоск с покосившейся табличкой «Шаурма»:

– Не возражаете?

Сергей вновь кивнул и сглотнул – есть хочется уже по-настоящему, а сладкий батончик вызовет только отвращение. Но покупать всё равно не на что. Водитель вернулся через минуту с двумя пакетами. Один протянул Сергею.

– Видел, как вы смотрите. Поди, не обедали?

Сергей кивнул в который уже раз и осознал, насколько он голоден. Огромных усилий стоило на сорвать оболочку с шаурмы, а начать неторопливо её разворачивать.

– Я здесь часто её покушаю... – водитель замер, выронил шаурму, и откинувшись на спинку сидения, захрипел.

– Чёрт! – Сергея словно кипятком окатили. Выбежал из машины, оглянулся – никого поблизости нет, а окошко киоска закрыто. Вот гад! Сергей обежал машину, распахнул дверцу – лицо водителя посинело, на губах пузырилась пена. Пищевое отравление?! Настолько быстро? Следующую пару минут Сергей предпочёл бы не вспоминать. Ладно хоть сам умудрился не испачкаться. Вызвал «скорую» и, дожидаясь её приезда, смотрел на слабо стонущего водителя. Вот уж у кого понедельник по полной... А в киоске и впрямь никого не оказалось. Удрал, зараза. Свою, нетронутую, шаурму, Сергей брезгливо отправил в урну. Вроде не успел к ней прикоснуться. Чтобы ещё раз что-нибудь купил в киоске...

Прежде, чем водителя – ему явно полегчало после укола – увезли в «кажете», Сергей закрыл его автомобиль и положил брелок в карман его куртки. Дальше пусть уже сами разбираются.

А когда «Скорая» скрылась из глаз, оказалось, что вокруг на несколько километров голая степь да лес, и попутчика ждать можно до второго пришествия.

Вдобавок, села батарея у мобильного, а резерва – переносного аккумулятора – в сумке не оказалось. Куда делся, почему – уже не понять. Вроде бы утром проверял, что на месте. Но мог и ошибиться.

9.

Сергей шёл – теперь в сумке не осталось батончиков, оставшихся денег хватило только на бутылку воды. Идти не слишком далеко: три километра до границы района, потом ещё по улице полкилометра, и будет отделение банка. И вроде бы даже оно работает.

А дорога-то скользкая! И сугробов уборщики навалили – обочины почти не осталось. Хорошо хоть мороза особого нет. Машины ехали редко, но их ощутимо заносило на обледеневшей дороге – Сергей практически вжимался в сугроб всякий раз. Куртку в хлам испачкаю, мелькнула мысль. Понедельник, как он есть.

Выдался интервал почти в три минуты, когда машин не было – и Сергей успел обогнуть особо опасный участок: обочины нет, сугроб нависает так, что вот-вот часть его упадёт на голову – и не дорога, а сплошной каток. Хоть бы песком посыпали, что ли.

Звук клаксона позади. Сергей оглянулся – вроде бы идёт по обочине, никому не мешает – и заметил, что водитель машет ему рукой в приоткрытое окно. А затем машину занесло, крутануло на отполированном льду дороги, и Сергей увидел, что эта медленно вращающаяся махина летит прямо на него.

Выбора особого не было – Сергей оттолкнулся что было сил и нырнул в сугроб.

Выбираться из сугроба было тем ещё удовольствием: нырни он глубже, мог бы и задохнуться. Минуты через три Сергей освободился, отплёвываясь, и увидел, что злополучная машина чудом избежала серьёзных неприятностей – всего лишь слегка зарылась в тот же самый сугроб, буквально в метре от того места, где выкопался Сергей. Подушка безопасности не сработала, водитель явно жив, ничто не побилось – обошлось лёгким испугом.

Ноги ещё не очень слушались, но Сергей сумел обойти машину и открыть водительскую дверцу.

– Вы живы?

Там оказалась та самая девушка, стоявшая в очереди к оператору прямо перед ним. Неплохое совпадение! Ладно хоть машину не побила, уже хорошо. Сергей помог ей выбраться наружу – легко отделалась, на лице не осталось синяков, хотя, похоже, приложилась о руль.

– Я вас не задела? – спросила она первым делом. – Извините, пожалуйста! Я так...

Сергей заметил, как огромный силуэт вырастает за её спиной – большой автомобиль, и тоже не очень управляемый, несётся в их сторону. Сергей схватил новую знакомую за руки и повлёл за собой; едва успели обогнуть капот и вжаться – отпрыгнуть – в сугроб.

Многотонная смерть промчалась совсем рядом, грохоча металлическими сочленениями, исторгая едкий отвратительный выхлоп, истошно скрипя шинами.

Следующие несколько секунд прошли в благословенной тишине – то ли со слухом что случилось, то ли это от потрясения. И Сергей, и девушка смотрели, как фургон-длинномер, каким-то чудом погасив часть скорости, прижимается к сугробу и останавливается, опершись на снежную стену. Не было бы сугроба – точно бы упал.

– Ч-ч-что это было?! – ошеломлённо поинтересовалась девушка, почти сразу же перестав заикаться. – Спасибо! – Она обняла Сергея с такой силой, что пару секунд было трудно дышать. – Господи, ну и денёк!

На левом борту её железного коня теперь красовалась свежая глубокая царапина, и не было теперь левого зеркала. Легко отделалась – других повреждений не видно.

– Вас подвезти? – спросила девушка. – Мне... – и назвала то самое отделение банка, в которое шёл Сергей.

– Мне туда же, – кивнул Сергей. – Но вначале нужно вашу машину из сугроба достать.

И тут к ним подбежал перепуганный водитель длинномера.

10.

В отделении банка, на удивление, не оказалось никого – в смысле, не было посетителей. Сергей пропустил девушку – так и так торопиться уже некуда – и сумел, когда настала его очередь, получить временную карту, пока перевыпускают основную. А дойдя до банкомата, уже через пару минут услышал многообещающий хруст банкнот.

– Слушайте, я есть хочу, – сообщил он девушке. – Если у вас найдётся ещё пара минут – не довезёте до какого-нибудь кафе?

– Я тоже есть хочу, – кивнула она. – И уже никуда не тороплюсь. Ужас какой, до сих пор забыть не могу! Идёмте, это недалеко.

...– Вы в полиции забыли, – девушка, её звали Мариной, протянула ему тот самый внешний аккумулятор, «банк энергии». – На пол свалился, когда вы сумку проверяли.

– Спасибо! – Сергей тут же поставил мобильник на зарядку. А едва тот набрался сил, чтобы выйти в эфир, как пришло сообщение – господин Подвальный не только полностью расплатился, но и добавил сверху.

Одумался, значит. Сергей усмехнулся, и отправил сообщение с подтверждением – до компьютера доберётся ещё не скоро, придётся подождать, форс-мажор.

– Что-то случилось? – Марина посмотрела с сочувствием. Только теперь он рассмотрел её лицо – овальное, короткие волосы, зелёные глаза.

Никогда ещё не видел женщину с зелёными глазами!

– Нет, для разнообразия хорошие новости. – И тут же новое сообщение – сработал монитор. Дали электричество, в квартире включился роутер, заработали все камеры слежения. Сергей не удержался, пробежался по ним – всё штатно, даже холодильник не успел потечь.

– Ещё немного приятных новостей, – добавил Сергей и отложил мобильник. Еда стынет, да и неприлично при собеседнице сидеть, уткнувшись в экран. – Извините. Денёк сегодня – просто слов нет. Трудный клиент, – добавил он, возвращаясь к трапезе.

Минут пять они ели молча.

– А кем вы работаете? – поинтересовалась Марина, и почти сразу же смутилась. Ненадолго. И Сергей рассказал. Не бог весть что – рисовать он с детства любил, вот и вывела кривая на стезю дизайнера.

– Слушайте, так вы же нам сайт делали! – удивилась Марина, достала собственный мобильник и через минуту повернула его экраном к Сергею. Точно, был такой заказ. Один из немногих, где заказчик чётко знал, что нужно, не менял техзадание каждые три минуты и не задавал идиотских вопросов. Побольше бы таких заказчиков.

– Мир тесен! – улыбнулась Марина. Они рассчитались, поднялись из-за стола, и Сергей понял, что вот-вот упадёт. Организм, которому и так пришлось изрядно потрудиться, решил бросить все силы на обработку обеда.

– Слушайте, вы с ног валитесь! – поддержала его под руку Марина. – И у вас рукав у куртки порвался. Я здесь недалеко живу – посидите, придёте в себя.

– А это уместно?

– Мы там с братом живём, – улыбнулась Марина. Очаровательно улыбается, смотрел бы и смотрел. – Чуть что – он вас с лестницы спустит.

– Годится, – одобрил Сергей, и сумел без посторонней помощи дойти до её автомобиля и сесть на заднее сиденье. И вновь чуть не уснул. – Стойте! – спохватился он, вспомнив о кофе. – Есть тут какой-нибудь супермаркет поблизости? Мне буквально на минуту.

11.

Кофе-машины у Марины дома не оказалось; Сергей сварил кофе в турке – помолот тот кофе в зёрнах, что только что купил – помогло прогнать сонливость буквально за пару минут.

– Чудесно! – оценила Марина. – Я вот не умею варить кофе, всё получается какая-то несъедобная пакость. Боря так и вовсе пьёт растворимый.

– Боря – ваш брат?

Марина кивнула.

– В командировку уехал – как обычно, без предупреждения. Давайте я вам рукав у куртки зашью?

– Её, похоже, менять придётся. – Сергей критически оценил то, что стало с верхней одеждой – утром была ещё как новая, а сейчас вся испачкана в самой разной грязи, местами обшаркана, да ещё и рукав порван. Могло быть и хуже – главное, что сам уцелел. – Может, я могу чем-то помочь?

– Вы мне жизнь спасли, – улыбнулась Марина. – Да ладно, ведь правда. И там, в банке – не думала, что вы такой храбрый!

– Так получилось, – согласился Сергей. – Был бы настоящий пистолет – я бы, если честно, не стал дёргаться. Да и шут с ними. Мне теперь вот кажется, что всё это не утром началось, а неделю назад.

– Это точно, – подтвердила Марина, заканчивая зашивать рукав. – Вот, по крайней мере не будет ползти дальше. Там возле банка, ну, где мы утром были, есть ателье, я знаю. Там смогут зашить как следует.

– Спасибо! – вполне искренне поблагодарил Сергей. – Скажите, я ведь с вами тогда общался, по поводу сайта?

– Со мной, – покивала Марина. – Я много лет уже этим занимаюсь. Всё могу, но вот дизайн – это выше моего понимания. Я почему спрашивала – у нас компания ищет штатного дизайнера. Клиентов много, сайтов много делаем, а с дизайнерами беда – не на кого положиться. Кроме вас, – добавила она поспешно. – Не хотите к нам?

– Только если буду работать непосредственно с вами, – ответил Сергей полусмешливо.

– Со мной, с кем же ещё? Это единственное условие?

– Ну, если честно, хотелось бы знать, сколько компания готова платить. Марина покивала и поманила Сергея за собой. А у неё тоже совмещена спальня и кабинет, подумал Сергей, останавливаясь на пороге. Сейчас главное – чтобы брат внезапно не вернулся из командировки. Марина открыла браузер и через пару минут поманила Сергея ближе к экрану.

– Однако! – заметил Сергей с уважением. «Сильно я себя недооценивал», подумал он. Если откажусь, надо раза в два поднять свои ставки. Клиентов на наш век хватит. – Это в месяц?

– Это за сайт, – уточнила Марина. – Остальное будет зависеть от вас.

– Знаете... – Сергей смотрел на экран, и понял, что счастье, действительно, не в деньгах и не в их количестве. – Я согласен. Марина захлопала в ладоши, и почти сразу же смутилась, перестала.

– Сможете завтра к нам подъехать? А то наймут опять кого-нибудь не того. А мне потом расхлёбывать.

– С удовольствием, – согласился Сергей. – Чёрт, я опять засыпаю. Не подскажете адрес? – Он взял мобильник и открыл приложение для заказа такси.

– Вы уверены? – Марина посмотрела ему в глаза. – Оставайтесь. Не буду приставать, честное слово! А завтра с утра вместе поедem к нам в контору.

– Это было бы слишком хорошо, – возразил Сергей; естественно, хотелось остаться, но как-то всё слишком хорошо и быстро происходит!

– Лучше я домой. А завтра вы за мной заедете. Так пойдёт?

Марина кивнула и взяла из его рук мобильник – на котором уже указан пункт назначения.

– Я сейчас вызову, – пообещала она, и удалилась в прихожую.

Сергей плюхнулся на диван, из последних сил стараясь держать глаза открытыми. Не было никаких сил подняться на ноги, даже мысль об этом не желала приходить. Он погружался в жаркую приятную пучину, сопротивляться было бесполезно.

Ему успело показаться, что его укрыли одеялом, а в комнате погасили свет. Но возможно, это всего лишь показалось.

НАУМ ВИНАРСКИЙ

Родился в 1942 году. Кандидат технических наук

В 1999 г. вышла первая книга рассказов «Азбука жизни». В 2004 г.- «А будет ли «Нарру энд»?», В 2005 г. автор опубликовал сборник басен и афоризмов «С иронией по жизни» и сборник стихов «Давай поговорим». Второй сборник стихов «Продолжим разговор» опубликован в 2006 г. В последующие годы автор выпустил сборники рассказов «Знай наших!» (2007 г.) и «Беспокойная душа» (2009 г.).

Проживает в столице Южного штата Австралии г. Аделаида.

В 2018 г. опубликовал сказку в стихах для детей и взрослых на украинском языке «Гава», а в 2019 г. сборник стихов и репродукций своих картин «Благодаря судьбе».

Книжная лавка

Я познакомился с Матвеем Борисовичем после того, как согласился несколько дней присмотреть за ним. Передо мной сидел грузный, пропахший никотином старик. На нем была грязная нижняя рубашка, усыпанная, как и брюки, пеплом от вонючего десятикопеечного «Памира». Он курил одну сигарету за другой, наполняя дешевым дымом полупустую квартиру.

Время от времени Матвей Борисович засыпал, потом, так же неожиданно, просыпался. Видно, в его голове шла непрерывная работа. Просыпаясь, он продолжал начатую историю, причем, от третьего лица, глядя на происходившее с ним, как бы со стороны.

Когда Матвей Борисович заканчивал свой рассказ, он смотрел на меня, пытаюсь рассмеяться, но с его мокрых губ слетало лишь короткое «ге-ге». Так произошло и на этот раз. Тяжело вздохнув, мой подопечный открыл глаза и сразу же начал говорить:

«Эта новость облетела нэпмановскую Москву быстро.

– Вы слышали, Гольдштейн стал бароном?

– Не может быть! Так запросто какому-то торговцу титул никогда не жаловали.

– Как вам нравится Матвей Гольдштейн? Он не побоялся плюнуть новой власти прямо в морду.

– Да, это жест. Надо же, какой-то еврей не побоялся открыть такую тайну, – судачили между собой люди, приходившие к Матвею в лавку после ее ремонта.

Книги здесь продавались великолепные. Чувствовалось, что хозяин знает толк в литературе. Любили заглянуть к нему и сами литераторы.

Книжная лавка стала своеобразным клубом любителей прозы и поэзии.

За чашкой чая или кофе, в никотиновом дыму они часами просиживали за разговорами. Матвей любил присаживаться к посетителям и

включаться в горячие споры. С его мнением считались, и то, что нравилось Гольдштейну, моментально раскупалось.

Изредка сюда заходили Владимир Маяковский и Сергей Есенин.

Книголюбы и начинающие писатели это знали, поэтому старались появляться тут почаще в надежде повстречаться с ними.

Со временем Матвей стал приглашать знаменитостей к себе в гости, благо его квартира располагалась рядом, в соседнем доме. Чтобы не закрывать в таких случаях магазин, Гольдштейн нанял помощника.

Если Матвей был крупной комплекции, с большой круглой головой, толстыми губами и выпуклыми, как у рака, глазами, то Иосиф, так звали помощника, был небольшого роста и щупленьким. Его вытянутое, с тонкими чертами лицо наполовину пряталось за огромными очками из толстого стекла. Иосиф долгие годы прожил в маленьком местечке, но, тем не менее, проявлял недюжинные познания в литературе, что позволило ему быстро сдружиться с Гольдштейном.

Дела в книжной лавке шли хорошо. Матвею удалось выкупить две соседние квартиры и расшириться. Ремонт затронул не только внутреннюю часть помещения, но коснулся и фасада. Теперь вход магазина короновала новая вывеска, на которой большими буквами значилось: «Барон Гольдштейн».

Вот тогда и поползли по столичному городу пересуды.

– Дорогой, откройся мне, я никому не скажу. Как ты стал бароном? И куда смотрят большевики? Ты что их и вправду не боишься? – доставали его многочисленные друзья и приятели.

Бизнес у Гольдштейна пошел еще круче. Вряд ли в Москве нашелся бы хоть один книголюб, не побывавший в его лавке.

Однажды, изрядно выпив с Есениным, он не сдержался. И когда тот задал ему вопрос: «Мотя, ну мне можешь сказать, как ты стал бароном?», он не выдержал и признался.

– Коммерция есть коммерция, и требует находчивости. Иосю, моего помощника, знаешь?

– Знаю.

– Так его фамилия – Барон...»

История с демографией

Второй час шло заседание Ученого совета института демографических исследований.

Молодой подтянутый профессор Усачев Виктор Николаевич из отдела математического моделирования стоял за трибуной и давал весьма пессимистическую оценку рассматриваемому вопросу.

– Статистика никакой корреляции между доходом семьи и рождаемостью не находит.

Председательствующий заерзал и, не выдержав, ехидно заметил:

– Установить этот факт можно и без обработки статистических данных.

Виктор Николаевич не стушевался.

– Вы правы, но забежали несколько вперед. Как я полагаю, здесь налицо влияние цивилизации и несоблюдение религиозных заветов. Поэтому мы и пошли путем искусственного исправления демографического состояния. Соответствующие рекомендации были переданы нами в отдел клонирования, о чем, надеюсь, доложит профессор Пятаков Григорий Ефимович.

Григорий Ефимович мало походил на профессора. Красно-серый свитер ручной работы, синяя футболка, джинсы, и черный халат поверх всего этого делали его похожим, скорее, на грузчика.

– Успехи в клонировании, – немного заикаясь, говорил профессор, – известны давно. За время, прошедшее от клонирования овечки Долли до сегодняшнего дня отработаны прекрасные методики и создана современная аппаратура.

– Вы не совсем откровенны, – перебил докладчика председательствующий, – а срывы в репродуцировании тканей отдельных органов, в частности печени, вы забыли?

– Да, положительный результат пришел к нам не сразу, – и, обернувшись к председательствующему, добавил, – но и в этом был наш приоритет, подтвержденный патентом на изобретение.

Слушатели в зале заскучали, хотелось услышать о чем-то новом, сенсационном.

Уловив настроение зала, Ефим Григорьевич обратился к сослуживцам.

– Но вы же знаете, какое сопротивление оказывает Ватикан клонированию человека. Опыты приходится проводить нелегально, принимая все меры предосторожности. Возможно, даже похлеще, чем при создании атомной бомбы.

В зале настала тишина. Прекратились разговоры, стих шелест газет и журналов. Взгляды устремились на Пятакова.

– А результат таков, что Папа Римский оказался прав, – и, вытирая шею платком, продолжил, – мы получили клонированного человека. Биологически он ничем не отличается от простых смертных. Он ест, пьет, дышит, но еще ни разу не усмехнулся и не обиделся, не проявил какого-либо интереса к пейзажу за окном или телевизионной программе. Другими словами, оказался без души. Повторяю, не бездушным в нашем понимании, а просто без души. Поэтому назвать его человеком нельзя.

Председатель Совета одобрительно кивнул и подытожил:

– Тема актуальная, и есть надежда получить на следующий год бюджетные деньги.

Григорий Ефимович вернулся на свое место разбитым и надломленным. Признаваться в поражении не так уж легко, особенно перед коллегами.

«Душа не материальна, она эфемерна и дается Богом. Если ее можно клонировать, то чью душу брать для этого? У живого человека ее не заберешь. Купить у Дьявола? Но не так уж много людей, которые продали ее. Брать души мертвых людей? Это тоже не выход, можно нарваться на злобную. Где вы слышали на поминках, что у покойника была плохая душа? Значит, родственники, соседи или сослуживцы просто врут. Из-за этого можно создать клон Пушкина с душой Дантеса или клон Моцарта с душой Сальери», – объяснялся с невидимым собеседником профессор.

От грустных мыслей Григория Ефимовича отвлек шум в зале. Шли прения. По всей видимости, Гвоздиков Андрей Михайлович из отдела психоанализа уже заканчивал выступление:

– Могу предположить, что Кондраков из экономического отдела мог бы вам помочь.

– Почему, голубчик, вы так решили? – не выдержал Пятаков.

– Да потому что, когда нужны деньги на покупку оборудования или премию, он вынимает из вас всю душу. Она, я думаю, вам пригодилась бы.

За Гвоздиковым к трибуне подошел небольшого роста с сизым носом заведующий физической лабораторией.

– Я могу согласиться с Андреем Михайловичем в том плане, что душа не эфемерна, а вполне материальна. Но забирать ее нужно не всю, – завлаб посмотрел на раздувавшего щеки Кондракова, – а, как у доноров крови, совсем понемногу, чтобы она со временем полностью восстановилась.

– Ну, и откуда вы ее собираетесь забирать? – заикаясь, спросил Пятаков.

– Из пятки. Да, да, уважаемый Григорий Ефимович. Наши предки не ошибались, когда говорили, что душа от страха уходит в пятки.

– И чем же вы собираетесь пугать ваших доноров? – не успокаивался Пятаков.

– Кого как. Пенсионеров – сокращением штатов, молодых – призывом в армию, иных – инфляцией или экономическим кризисом. В дальнейшем предполагаем производить коррекцию души. Изменять метагены таким образом, чтобы человек никогда не подвергся бы алкоголизму, наркотической зависимости, злобе, предательству или коррупции.

Пятакову стало грустно. Что говорили остальные он уже не слушал.

«К чему приводит планирование я знаю не понаслышке. Одни уже лепили образ советского человека», – бормотал профессор по дороге домой.

Когда наступила ночь и за стеной послышалось посапывание Ванюшки, Григорий Ефимович подумал: «Мне же всего тридцать семь, не проще ли исправлять демографию старым дедовским способом»

– Ну, что, мать, не пора ли нам к сыну добавить дочь? – прошептал Пятаков и нежно поцеловал жену.

Синагога

– Вы знаете Илью Миликовского?

– Нет.

– Ну, может, что-то слышали о нем?

– Тоже нет.

– Вы когда-нибудь заходили в синагогу? Опять нет?

– Почему вы об этом заговорили?

– Вы интересуетесь, зачем спрашиваю, знаете ли вы Илью Григорьевича? А как, по-вашему, с чего должен начаться рассказ о синагоге? Поверьте мне, что лучше всего со знакомства с Миликовским.

– Он что, главный раввин города или хранитель Торы?

– Не мучьтесь, отвечаю. Он исполнительный директор по региону, а по совместительству – «массовик-затейник».

– Он еще где-то подрабатывает?

– Нет. Он просто в синагоге проводит культурно-массовую работу. «Синагога» в переводе с греческого языка означает «собрание». Вот он и собирает слушателей, так сказать, приобщает, если не к Богу, то хотя бы к культуре.

– С чего вдруг вы решили рассказать о синагоге?

– Вспомнил свое первое там выступление. Происходило это в подвале под основным залом. Помещение, к моему удивлению, называлось столовой. Стулья выстроились рядами, как в театре, а вот столы отсутствовали. Правда, один стол стоял, и за ним сидели Илья Григорьевич и раввин Леви. Вы его, конечно, тоже не знаете?– Нет, не знаком. Так куда делись столы?– Вы спрашиваете, где остальные столы? На это я думаю так. У евреев принято гостей приглашать к столу. Нет столов – нет угощения, а для принятия духовной пищи столов не нужно.

– Чем вы кормили своих слушателей?

– Читал свои рассказы и главы из книги воспоминаний.

– И это можно слушать?

– Вы меня заставляете быть нескромным. Лучше об этом спросите раввина Леви, который от смеха катался по тому единственному столу, за которым сидел. Он смеялся в тех же местах, где и все, но делал это так выразительно и зажигательно, что зал продолжал смеяться уже над его реакцией.

«Какой молодец! С таким чувством юмора можно работать клоуном», – подумал я тогда и не ошибся. Когда все тот же Илья Григорьевич дал мне два пригласительных билета, пойти с женой на празднование Пурима, которое проходило в цирке, то, как вы думаете, кто выехал верхом на коне в казацких шароварах? Правильно, вы угадали, то был Леви. Он очень смахивал на Богдана Хмельницкого, взирающего на площадь. Кстати, вы знаете, почему он стоит с поднятой вверх булавой?

– Пока нет.

– Рассказывают, что когда он въехал в Киев и, подняв булаву, прокричал: «Здоровеньки булы, братья-казаки!», толпа, картавя, ему ответила: «Здгасти!». Услышав такое приветствие, он тут же окаменел.

– Я очень прошу, не начните мне рассказывать старые анекдоты.

– Согласен. Возвращаюсь к столовой. Синагога есть синагога, и находится в ней нужно с кипой на голове. Если вы забыли взять с собой кипу, как случилось со мной, то все тот же Илья Григорьевич выручит вас. Я положил ее на свою прическу, но кипе там что-то не понравилось. Она все время пыталась улизнуть. Я без конца ловил кипу и водворял на место. Первым не выдержал раввин Леви. Он снял со своей головы шикарную черную шляпу с большими полями и дал мне.

«Уважаемый рэб Леви, вы добрый и умный человек, – думал я, – но моя голова больше вашей». Шляпа, как и кипа, слетала с моей головы. Приходилось левой рукой придерживать шляпу, а правой держать книгу. Намучился тогда здорово, но опыт приобрел. В следующий раз я булавкой-невидимкой приколол кипу к голове. Она не слетала, но родился вопрос: «А что делать тем, у кого лысая голова?».

На этой второй встрече присутствовал и рэб Леви. Было преддверие праздника Ханука. Он решил сказать пару слов. Его короткий скетч продолжался полчаса, сократив на треть мое выступление.

Должен вам признаться, что прихожу в синагогу не только на свои выступления. Слушал здесь Ирину Чемеровскую, редактора и ведущую телевизионной передачи «Мишпуха», Нинель Либероль, музыковеда и литератора, поэта-барда Владимира Васильева.

– Вас послушать, так получается не синагога, а клуб какой-то.

– Для меня – да. К сожалению, я воспитан атеистом, хотя дедушка был кантором. Не умею я разговаривать ни на идиш, ни тем паче на иврите. Нужно было развалиться Союзу, чтобы моя внучка, наполовину еврейка, наполовину украинка, пошла в первый класс еврейской школы. Закончить ее не удалось. Родители увезли внучку на другую сторону земного шара. Там она продолжила учебу в австралийской школе. Когда же семья переехала в более престижный район города Аделаида, внучка перешла в школу при синагоге. Воистину, знание иврита лишним не бывает!

Но самым интересным оказалось то, что раввин синагоги далекой Аделаиды Иосиф Энгел оказался знаком с главным раввином нашей синагоги Моше Московичем, с которым они в Америке заканчивали одну и ту же йешиву.

– Такие совпадения! Боже мой, какой малый мир!

– К этому добавлю, что супруга Моше Московича Мэриам – уроженка Австралии.

Неудивительно, что, когда дочка с внучкой приехали в Харьков и привезли теплый привет от Ангела, мы были приглашены на празднование Песаха в дом главного раввина.

– Что вы там интересного увидели?

– Практически ничего, кроме огромного роя детишек раввина, зажигавших пасхальные свечи. Они высыпали в коридор, как мелочь из кошелька.

Обидно, у меня в тот день разыгрался радикулит, поэтому, извинившись, тут же уехал к себе домой.

– Могли бы потерпеть. Не на каждый Песах выпадает такой случай.

– Что поделаешь, но дома меня уже ждал хороший ужин с мацою во главе. Открою секрет, я прихожу в синагогу еще и для того, чтобы купить мацу. Обожаю ее грызть.

Вспоминаю, как в детстве мои родители посылали меня в дом-развалюху, затерянный под горой улицы Шевченко. В центре комнаты с разбитыми окнами стояла русская печь, и какие-то мужики бомжеватого вида пекли мацу. Они раскатывали тесто на большие круги и прокатывали колесиком от будильника. Маца прожаривалась неравномерно, местами со вздутиями. Уложив ее в белоснежную наволочку, я нес эту хрупкую ношу домой, оглядываясь по сторонам.

Теперь я покупаю несколько упаковок мацы, угощаю ею своих знакомых, причем, в основном православных, чтобы потом, несколькими днями позже, вместе с ними испробовать пасхальный кулич.

Каждый раз, посещая синагогу, мне приятно видеть там людей, спрашивающих у Мошиаха счастье, может, немножко и для меня.

Вновь отреставрированная и реставрированная синагога выглядит светлой, уютной и по-домашнему гостеприимной. Выполненный из красного дерева и отделанный золотом огромный арон кодэш (святой шкаф) придает торжественность и таинственность. В нем хранятся святыне свитки Торы. Их от руки пишет сойфер на протяжении пяти-шести лет. Нельзя допустить ни единой ошибки, иначе весь труд пойдет насмарку. Для придания большей значимости проделанной работе, сойфер в конце свитка оставляет в словах пропуски, которые дописывают уважаемые люди общины. Есть в этих свитках и буква, вписанная Ильей Григорьевичем.

– Я вам очень признателен за этот рассказ.

– Приходите в синагогу, увидите все своими глазами и обязательно познакомьтесь с Миликовским. Я не зря вас спрашивал, знаете ли вы этого милейшего человека...

Вдруг послышался голос жены, доносившийся из другой комнаты: «С кем ты там разговариваешь? Бубнишь и бубнишь!».

– Будешь удивлена, но мне в голову пришел сюжет для нового рассказа. Напишу, дам почитать,– ответил я, отвлекаясь от своих мыслей.

ИОСИФ ГАЛЬПЕРИН

Машинка для точки лезвий

Как зубец на осцилограмме: волна времени бежит вперед, оставляя за собой прошедшее, накатывая на будущее, только острие имеет отношение к настоящему. Именно оно, как лезвие, сдирает корку, обнажая реальность, но тут же бежит дальше. Успел увидеть, осознать, перед тем, как волна унесла реальность в прошлое, - увиденное с тобой. Помогает понимать, готовиться к будущему.

Или как кардиограмма.

У деда было много бритв. Даже опасная, и к ней - точильный ремень на деревянной держалке, напоминающей валёк для отбивания белья, экономивший мыло. Мне кажется, из дедовых сокровищ (для меня - ценных, хранившихся под двухметровой столешницей в разных коробочках) эта бритва, как и ефрейторский суконный погон, имела отношение и к отцу, к его военному прошлому. А может, заблуждаюсь, смешивая воспоминания о действе отца со взбитой “Негой” (мыльный порошок) в железной чашечке, облезлым помазком, сбритой пеной с черными крапинками щетины - и представления о символе бритья, главного мужского отличия, опасной бритве...

Бабушка брила деду голову. Я тихонько думал: как же так, уж сколько раз они ругались из-за того, что дед не помогает по хозяйству, точнее, ругалась она, а он только бешенно зыркал и покрикивал на незнакомом языке, как же так - он не боится подпускать ее с такой опасной бритвой в руке к своей голове. Видно, чего-то не понимаю.

Из-за бритой головы дед не мог обходиться без шляпы - на оренбургской-то жаре тем более. Смешно - жили в крохотной комнатухе, а он ходил в соломенной шляпе и с красивой палкой.

Зачем? Он же быстро бегал, зачем ему опираться?

Остальные бритвы были безопасные, я рассматривал, как и марки с приходящих деду бандеролей, десятки этих лезвий, в основном - “Нева” и “Ленинград”, но попадались и “Матадор” и “Золинген” (иностранными буквами). Такие же буквы были и на опасной бритве, наверное, поэтому я относил ее к отцовскому миру, чувствовал трофей. Ну вот зачем дед хранил эти маленькие картонные пачечки с завернутыми в полупрозрачную вощёную бумагу давно использованными лезвиями? Из бухгалтерской своей аккуратности? От ощущения бедного человека, что вещи нельзя выбрасывать, могут пригодиться? И не только для моих мальчишеских занятий.

Дед точил безопасные бритвы не на ремне, разумеется, а специальной очень забавной зеленой, помнится, машинкой. Дёргаешь за шнурок - и абразивные плоскости скребут лезвие, закрытое внутри. Аналоги, думаю, теперь исчезли, как и многие другие изобретённые для бедного человечества механизмы. Я не видел, чтобы дед брился обновленными темными или светлыми (в зависимости от марки) стальными листочками, у него на каждый день хватало и новых. Да не был он скупым: кроме шляп и палок любил другие красивые вещи, например, менял станки (старые не выбрасывал) для лезвий. А лезвия - точил!

Снимал очки, рассматривал, оценивал скрытую от глаз работу абразива внутри машинки. Улучшал действительность? Играл со временем, испытывал его? Так, возможно, и человеческое сознание, непонятно под что заточенное, с неведомыми ему самому целями испытывает мир. Скользит лезвием взгляда (разной остроты) по доступному настоящему. После его смерти остались десятки пачечек с переточенными лезвиями. Он же должен был понимать, что они останутся, что на его жизнь хватит и меньшего количества, а никто другой ими пользоваться не будет. Разве что я мог бы обточить кусочек коры под кораблик для лужи, но когда дед умер, мне было уже шестнадцать и жил я в другом городе.

Покупаю сейчас картриджи для “Шика”, одного лезвия мне хватает на много месяцев. И каждый раз усмехаюсь: на сколько лет рассчитана эта пачка?

Берег святого Дионисия

Устал. Так, как и хотел: лишнего не оставил, только чтобы выползти на берег, снять тяжеленные цельнолитые ласты и растянуться на толстой перине песка. А уже потом дойти до домика и выпить вина. Холодного, домашнего, в таверне взяли. Сразу сил добавляет.

Их за два два часа взглядывания сквозь укрупняющий аквамарин, цельный на многие километры кристалл ионической воды, потрачено немало: надо же было в маске с трубкой не просто висеть над рыбами и между ними (крупные - парами, мелкие - компаниями, пусть и разной породы), а и двигаться их путями между камней, опускаться на дно. Ты же тоже “рыба”, тебя же тянет к любой луже, не то что в такие пустынные от людей глубокие места!

Видел даже морскую черепаху, похожую сверху на резиновую четырехвесельную лодку снизу. Сейчас в сентябре они редкость у этих берегов, только те единицы, кто в Ионическом море постоянно курсирует, а в конце весны со всех просторов Средиземного моря

черепахи сплываются к нашему берегу Закинфа, здесь у них в чистых глубоких водах простор для свиданий, а рядом сразу и роддом. Жаль, не увидел въявь это зрелище, когда они сотнями выползают на берег и мощными лапами роют в песке метровые ямы, чтобы отложить в них яйца. Хочется прилететь сюда в мае, посмотреть.

Классное место у маленькой гавани за берегущим ее от штормов островком, по прошлому разу запомнил. Надо еще не терять ориентации: в какой стороне оставленный берег, как сказали бы спортсмены-парусники - не рыскать по курсу. Ну вот и выплываю, кажется, к знакомому дощатому маленькому пирсу...

Две одетые девицы, одна даже в очках. Не пускают на берег! Говорят на всех европейских языках сразу и показывают на палку с табличкой, вкопанную в песок, на ней черепашонок растопырил лапки. Видел я таких, бежали они, отряхнув прах скорлупы, от материнских кладок, бежали в сторону большого материнского моря. Так вот, оказывается, с семи часов вечера волонтеры со всей Европы не допускают никого на пляж. Чтобы никто не вздумал помочь черепашонку добраться до волны, ее урез - пограничная полоса этого патруля.

Вон в 50 метрах домик, где меня ждет жена с вином! - показываю (каракацицам? Нет!) Карацупам. Они с непреклонностью Джульбарса (это мифическая пограничная овчарка, впрочем, у Карацупы, бывшего в моем детстве всеобщим героем, пса звали Индусом) показывают мне на волну. Да не трону я ваших неуклюж, пусть по лужам мимо бегут, смешно и мультяшно переваливаясь, хотя сразу хочется подсобить. Чего допустить нельзя, тогда черепашонок не будет знать дорогу к малой родине и через много лет не приползет на этот берег, чтобы тоже заложить кладку.

Тут девицы пугают штрафными санкциями, говоря, что мое декларируемое намерение не мешать природному ходу событий - вещь зыбкая, а запрет - абсолютный. Заодно обращаются к святому - к моему экологическому сознанию. Для меня это безотказный пароль. Нет, я лучше, как нормальный герой, пойду в обход. В обход - это куда? По всему пляжу такие же патрули, значит, надо туда, где можно выйти не на пляж.

Вправо пойдешь - очень симпатичные скалы, плоские и длинные, но от них дороги к нашему бунгалю нет, надо все равно через пляж. Несколько дней назад на границе скалы и песка стояла пару часов Люба. Я далеко заплыл, а вернуться вплавь мешали усталость и приборой на скользких камнях, выбрался на них повыше и прыгал, вглядываясь в далекую

фигуру, кутавшуюся в кимоно. Люба меня не видела, ждала из моря, я не мог понять, почему она стоит на ветру, не присядет на песок. Подошел, сказала: “Я тут как Пенелопа... Среди наглых женихов”. На песке расположились недвусмысленные нудисты, о которых мы утром не подозревали, когда я ее оставил, уплыв. Даже какая-то сладкая мужская парочка.

Насчет Одиссея - неслучайная ассоциация. В десяти километрах от нашего Закинфа, через пролив, если приглядеться - слегка приподнятая темная размытость, остров Итака. Вотчина царя Одиссея, который и Закинфом владел, и его с Пенелопой потомки владели - лет шестьсот наш ионический остров входил в их островную империю. На Итаке и вправду когда-то стояла Пенелопа на берегу. Ну не пару часов, а дольше, хотя не все подряд...

Нет, берег моей Пенелопы не подходит. Придется влево плыть, туда, откуда только вернулся, к гавани, к асфальтовой дороге, которая с тылу может привести к нашему туристическому шалашу. Черт! Опять натягивать ласты. Натерли, все-таки, пальцы даже сквозь носки. А вот маску с затылка сдвигать не буду, пусть лицо отдохнет, да и плыть поверху быстрее. Думаю, за полчаса доберусь до места, где кончается этот гадский черепаховый пляж-роддом.

Скользишь над камнями и рыбами, которых только недавно рассматривал, теперь без маски их не увидишь, даже опустив голову. Правда, свет был прямой, пока я тут крутился, а сейчас солнце подсело, бликует по волнам, уже и они поспели к вечернему бризу. Успеть бы до темноты вернуться! Интересно, как там в пляжном тылу идет дорога. Мы когда ходили мимо тысячелетних оливок, коренастых и рукастых, останавливались на каждом перекрестке. В харчевнях обычно пусто, больше знакомых хозяина, делящих с ним кувшинчик, чем туристов. А какие огромные красные оливки! Или маслины?

Один раз пустились в большое путешествие, ездили по здешним горам. На самом крутом обрыве, метров двести над морем, стояла тоже пустая таверна. Вкусное мясо, а вино в низине более терпкое. Кому что нравится... Сзади таверны сидели над обрывом две хохлушки и чистили картошку. Видно было, что прижились они у грека, что он ими доволен взаимно. Отправляют денежки домой, детям на учебу, а здесь у них как бы новая семья. Греческая, но шведская.

Потом от обрыва завернули в центр острова, на главную его гору. Небольшой городок, рынок с самоделками - керамика и шерсть, скатерть купили. А в центре - маленький монастырь Панагии Анафонитрии. Здесь

жил Дионисий, главный святой острова, островитян так и прозвали в его честь: нёнъесы, по его сокращенному имени. Впрочем, они его не присваивают ревниво, его лик и на общегреческих драмах чеканили. Монах этот жил в конце 16-го века за этими вот толстыми стенами и тоже занимался вином и оливками: вон его пресс для масла, вон давилня для винограда. Так в чем же святость? - спрашиваем... Пока нудно плывешь, чего только не вспомнишь. Поскорей бы на сушу, хотя бы во-он туда, где в витрине горит, я ее внутренним зрением вижу, красная, как свекла, надпись “Борщ”. Ух, съел бы кого-нибудь! От этой таверны я знаю дорогу к нашему бунгалу. Но к ней не подгрёбешь - выскочат какие-нибудь черепашки “низзя!”

...Нам тогда спокойно объяснили, почему Дионисий святой - и мы согласились. Нет, дело не в том, что молодой венецианец из хорошей греческой семьи принял православие, быстро стал в церкви заметной фигурой, к 29 годам - епископом, а потом променял все должности на бесплатное служение землякам. За такое святителем и чудотворцем не объявляют. А в том дело, что он проявил чудеса самоотречения, когда в эти вот ворота ночью постучался беглец и объяснил, что за ним гонятся кровники.

Это были времена венецианского владычества на Закинфе, более короткого, чем Одиссеевой державы, но тоже не одно столетие. Что не удивительно, если учесть расположение Ионических островов - между Пелопоннесом и итальянским сапогом. Тамошние нравы не противоречили одиссеевской еще жестокости, кровная месть и в начале Нового времени не утратила актуальности.

Беглец рассказал, что он убил мужчину из враждебного клана Сигуросов, Константина, теперь клан охотится за ним. Дионисий отломил хлеба, налил в блюдце масла, поставил оливки. Уложил спать. А утром сказал, что Константин был его родным братом. Что он скорбит по убитому - и о заблудшей душе убийцы. Дал ему еды в дорогу и проводил на корабль, отправлявшийся в сторону Пелопоннеса. Кровник из клана Мондиносос был потрясен, что понятно, раскаялся, что бывает, и стал добродетельным человеком, что бывает гораздо реже...

Ну все, здесь можно приземлиться, выйти из воды - асфальтовый причал, а не охраняемый песчаный роддом. Волонтеров и волонтерш не видать. Конечно, в том, чтобы приехать из своей Скандинавии на другой край света и охранять кладки морских черепах, тоже есть какое-то самопожертвование, какая-то милость сердца. Но Дионисий пожертвовал частью своего сердца, любовью к брату, в пользу которого он когда-то

отказался от наследства, кровными узами. А девицы, напротив, просто следовали велениям усвоенной добродетели, может быть, ничем внутри себя не поступаясь.

Только вот что-то асфальт меня ведет совсем в другую сторону, это ж какой крюк придется делать, чтобы вернуться в темноте, дрожа от голода. Я не заначил денег на таверны в плавки, а на святых, способных накормить меня хлебом и маслом, рассчитывать не приходится. Закинф, конечно, небольшой остров, всего 35 километров в диаметре, но обходить его босым (я же тапочки в ласты не подкладывал, только носки) и усталым - дня не хватит...

В монастыре нам с гордостью показали витринку, в которой на стене висели Переходящие Красные Тапочки. Эх, мне бы сейчас пусть не резиновые шлёпки, то хоть такие, бархатные. Но я же не староста какого-нибудь прихода, кто мне их выдаст, ими награждают победителей православного соревнования закинфских приходов. Мощи святого Дионисия покоятся в главном островном соборе, в городе, который также называется Закинф, на набережной. С мощами многое чего происходило, начиная с 18-го века, а теперь раку торжественно вскрывают в день святого - и меняют тапочки.

Легенда такая: Дионисий целый год по ночам обходит свой любимый остров (думаю, волонтеры не мешают), вот и стаптывает обувь. Когда раку вскрывают, по тапочкам видно - тщательно он охранял от бед свой Закинф. Ему кладут новые ненадеванные тапочки, а старые вручают, как вымпел победителю в соцсоревновании, самым благочестивым прихожанам. Да пусть верят в эти простодушные чудеса, лишь бы помнили о жертвенном милосердии!..

Все, дальше не пойду по асфальту, а то совсем ноги собью. А не махнуть ли через забор? Ну и что, что колючка поверху, главное, снаряжение перебросить и осторожненько себя в плавках перенести. Здесь прямо лес какой-то! Если я правильно азимут чувствую, то наше пристанище - на востоке, туда и двину, отталкиваясь от солнца.

По сухим иголкам идти конечно колко, зато ноги пружинят, а не давят на ступни. Совсем скоро начнет темнеть, не побежать ли? О! Так вы еще и подгонять, стрелять вдогонку? Господи, как же я забыл, что сейчас на острове охотничий сезон, бьют перелетных птиц, лупят по большим стаям мелких пташек, не промахнешься. Слава богу, что по мне не целят, но попасть-то могут! От таких чудаков, как я, и проволоку накрутили вокруг заказника, куда съезжаются солидные господа с дорогами ружьями со всей Европы. В зоне милосердия на берегу - волонтеры, в

зоне убийств в глубине - охотники, каждому свое, такой вот цивилизованный европейский биоценоз.

Быстрее, быстрее, пока видны ветки, хорошо, что в темноте прекращают стрелять! Ну вот и колючая проволока, через нее - на волю! А здесь опять асфальт, знакомый перекресток, таверна, за столиками на веранде сидят у красных стеклянных пузырей со свечками пожилые усатые мужики, перед каждым - свой кувшинчик, тоже красный изнутри. Скоро и я выпью похожего вина с земляничным привкусом. И сяду, наконец! Думаю, моя Пенелопа уже с ума сходит, крутит на пальце серебряное колечко, которое мы купили в ювелирном переулочке за собором в островной столице, там своеобразные самоделки, впитавшие итальянские и греческие мотивы. Какой мотив, интересно, у нее сейчас в голове? Дай бог, чтобы терпение, а не паника. И я, однодневный Одиссей, возвращаюсь не нудистских женихов стрелять, а просто рассказывать, что сегодня видел.

Пусть не обошел весь остров по периметру, по сыпучим и вязким пескам и скользким камням, но представил, каково это Дионисию. Не легче каждую ночь, чем Одиссею - год за годом. Трудно найти дорогу обратно сквозь войны, чудовищ и колдуний, вернуть свое царство и свою семью. Еще труднее биться не за себя, вообще - не биться с оружием в руках, а слабым телом своим (ну не бестелесный же дух стаптывает тапочки!) оберегать век за веком своих неразумных и страстных прихожан, учить их началам милосердия и понимать, что без начал не будет ничего более глубокого и серьезного.

...Мы вышли из-под тростниковой крыши, подошли к краю лежащих на песке циновок, отделяющих пространство вокруг домика от пляжа. Глядели на лунную дорожку, лениво перебирающую белые гребешки у берега. И дождались: в другом ритме, торопливом и упорном, замелькали маленькие черные тени, как ноты на линиях волн, заплясали маленькие черные человечки. Спины черные, а лапки - хочется сказать, поднятые ручки - даже полупрозрачные в свете луны. Черепашки детеныши уходили в море, быстро и неуклюже. Чтобы взрослыми и огромными вернуться через много лет, медленно, но непреклонно.

ЕФИМ ГАММЕР

Поэт, прозаик, художник. Закончил отделение журналистики ЛГУ в Риге, автор 20 книг стихов, прозы, очерков, эссе, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Латвии, Дании, Финляндии, Украины: «Литературный

Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Кольцо А», «Белый ворон», «Новый журнал», «Слово\Word», «Русская мысль», «Литературная газета», «Российский писатель», «LiteraruS – Литературное слово», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Урал», «Сибирские огни», «Север», «Настоящее время», «Новый берег», «Эмигрантская лира», «Дальний Восток», «Белый ворон», «Русское литературное эхо», «Новый свет», «Кругозор» и т.д. «Золотое перо Руси» 2005, 2010.

Живет в Иерусалиме.

ТРЕМП НА ПАРУ С ПАМЯТНИКОМ ЛЕНИНА (окончание)

8

Тетка Матрена, растрепанная от волнения, помятая в автобусной давке, испачканная уличной копотью, но со следами былой красоты на лице, побитом в младенчестве оспой, ворвалась в Органы, представилась на проходной – «Это я, Фиалка!» – и рванула от дежурного милиционера по ковровой дорожке к лестнице, а по ней – наверх.

Главный, стоящий над Органами, был маленький, в размер «беременного» живота, человек с большим зубом. Его держал на всех подряд, правда, предпочтение отдавал ближнему. До дальнего, понятно, не дотянуться, а ближнего не сожрать – себе дорожке выйдет.

Узрев гостью, он широко распахнул рот – но не за тем, чтобы слопать женщину со следами былой красоты. На уме у Главного была тройка бутербродов с икрой, которые еще минуту назад уютно чувствовали себя на тарелочке – подле рюмашки с коньяком и чашечки бразильского кофе,

а сейчас перемалывались в жерновах наглой охотницы до всего съестного.

Хоть и ходили о нем толки, что оборотень в погонах, но вампиром отнюдь не считался: вместо крови предпочитал высасывать из людей деньги. А тут обезналиченная старуха, да к тому же бессовестная похитительница чужого добра.

– Фиалка, – представилась малоаппетитная особа, смахивая с подбородка деликатесную каплю и крошки хлеба. – Собственной персоной.

– У меня закуски было на три персоны! – возмутился Главный.

– Предоплата!

– Что?

– Гонорар! Чего не понять? Награда нашла героя!

– Да по тебе не награда, по тебе психиатричка плачет!

– Всех Фиалок в сумасшедший дом не упечешь!

– Я тебя с корнем вырву!

– Руки коротки! У нас демократия.

– Поговорили и будя, – устал препираться Главный. – С чем пришла?

– С донесением.

– Донесения в анонимном виде не принимаем.

– Раздеться, что ли, Серый?

– Дура! Никакой я тебе не Серый. Сергей Иванович, дура! Новая власть!

Устным донесениям – вход закрыт, не соображаешь?

– Власть новая, а глаза да уши старые. И не смей затыкать мне уши! Не закрывай мне глаза – я еще не померла. Я еще хорошо слышу, Серый, что власти нужно! И хорошо вижу, Сергей Иванович!

– Что же ты увидела на сей раз?

– Фиалка! – напомнила кодовое обозначение своей личности тетка Матрена.

– Фиалка... Хоть бы брови подвела, губы подмазала.

– На вкус и цвет – товарищей нет. А по ароматам, на лужайке в лесу, Фиалка – правофланговая!

Сергей Иванович поморщился.

– Мы не на той лужайке и не в том лесу. Докладывай, как положено в кабинете!

– Играй боевую тревогу, начальник! Памятник, говорю, заживо в гроб кладут. Цену на соль еще не до конца взвинтили, спички еще не похерили окончательно с прилавка, а они уже памятник – в гроб!

Понимаешь?

– Кто – «они»?

– «Кто-кто?!» – бушевала бабка. – Еще с прежних времен писала – «кто»!
Мой мужик Антип! Да еще какой-то хмырь – родом на три нации разом.
– Интернационалист?
– Сам ты интернационалист, Серый! А он, Сергей Иванович, татар-еврей-русский! С теми триста лет бабки его пузатились, с этими двести лет дедки его якшались, а на морду чист – наших кровей, и русским по паспорту значится. Выпусти такого в жизнь – на большую дорогу, не завернет ли он прежде церкви сначала в мечеть, потом в синагогу, а? И кем его числить в Божьей канцелярии, когда преставится? Вот и свистит, чисто Соловей-разбойник, мол, он от Сталина, мол, он от Ленина, а сам учителя и вождя в гроб запихнул.
– Памятник?
– Памятник!
– А памятник ценный?
– Ленин? Это же наше бесценное сокровище! Ты что? Рехнулся!
– Ну и вредное ты растение, Фиалка! Я не про Ленина, я про памятник. Из какого металла будет? Цветного?
– Чай, из бронзы. Когда за воротник заливал, я обратила внимание: рот у него зеленым маревом покрылся.
– Зелень проступает на старинной бронзе, – рассудительно вставил Сергей Иванович. – А старинная бронза охраняется государством – памятник старины!
– Он и есть памятник! Самый настоящий – живее всех живых! Играй боевую тревогу, Серый! Едем, Сергей Иванович! А то они там все выпьют, сволочи! И нам на помин души не оставят!

9

Ночлежка деда Антипа пропахла ладаном, который замывал запах выдержанной стариковской мочи.

Под люстрой виражировали странные, должно быть, инопланетные существа с крылышками, привлеченные энергетическими сгустками разума. Их излучал памятник Ленину. Под гробовой пирамидой. От сдерживаемого желания последовать примеру старика и тоже намочить в штаны.

Демонята с вилами наперевес кидались на ангелят, отбивали, судя по активности с обеих сторон, душу усопшего. Но чью? Памятник – это он по себе чувствовал – ни в коем разе не усоп. Васька, разливающий у подоконника лечебную настойку, по всему виду, и в мыслях не держал досрочно свалить на тот свет с разгулянки. Дед? И впрямь, дед Антип,

приткнув себя вполужелку к батарее центрального отопления, у ног виночерпия, выглядел кисленько: если и огурчик, то из замшелой бочки. – И не плеснет никто! – закрадывалась в деда шальная мысль и, не найдя никого, с горя спивалась на месте – благо спиртовая закваска мозгов способствовала этому неутешительному медицинскому эксперименту. Дед Антип, удрученный клинической смертью, смотрел стеклянными глазами на свое, ныне очень низкое небо, размещенное на закопченном керогазками потолке. Проклинал этих скотов, потусторонних хулиганов, которых не мог призвать к ответу, чтобы заодно и налили. Проклял за опоздание и психарей из сумасшедшего дома, способных одним только своим явлением мертвого поднять из могилы.

– Всего бы граммульку живой водицы! – страдальчески думал он в душе, разрываемой над его головой. – Я показал бы этим засланцам космических далей, почем на торгах мой кулачишко.

Но дедовый кулачишко им, видимо, и даром был не нужен. Они сражались за его душу, не думая, разумеется, об Антиповой жизни, которую можно было еще спасти, поднеси хоть с наперсток целительной жидкости Васькиного патента, из банки с клеевой краской. И деду приходилось думать о спасении жизни самостоятельно. Пусть и бессознательно, но зато привычно и напористо. Первым делом он подумал о «закусе», коим пренебрегал, что удалось вспомнить со второй попытки. Тут, со второй воспоминательной попытки, ему и подвезло. Из-под люстры сверзился вниз стрекозенек, внешности неприглядной – не иначе, как приплод от чертовой бабушки.

Откушав у потолка сокровенную часть человечьей души, пропитанную первачом, крылатый охламон потерял чудесный дар полета и забился в приступе белой горячки на дедовой груди, как только столкнулся – глаза в глаза – с небритой рожей раба Божия Антипа. «Будем мочить!» – воспрял духом дедуля и шарахнул приبلудка кулачишком. А мокрое место, что осталось от посланца космических сфер, приподняв рубашку на животе, облизал языком, дабы спиртовой напиток небесного алкоголика восстановить силы земные. И восстановил. Не по полной, но все-таки, грамм на сто. Теперь он и сам, почти без посторонней помощи, готов был вырваться из клинической смерти, встать на ноги. Однако все же чего-то не хватало, чего-то махонького-махонького, с наперсток, чтобы таки поднять к высотам жизни.

Явление делегации психарей во главе с профессором Вирусовым и послужило тем недостающим глотком живой воды, позволяющим поднять старика из могилы. А почему? Ответ и без всякого

поползновения в дебри психоанализа известен. Очень уж хотелось деду Антипу задать профессору Вирусову давно мучающий его вопрос: «Ты меня уважаешь?» А такой вопрос, согласитесь, из потустороннего мира никак не задашь живому человеку – свихнется! Вот и пришлось старику, преодолевая немощь, взбираться на колени, затем вытягиваться в полный рост, чтобы добиться своего: шагнуть к образованным в сумасшедшем доме визитерам с широко раскрытыми объятиями. Но Васька Брыкин опередил его, тихохода пристеночного. Бросился к профессору Вирусову, затеребил его за плечи, похлопывает по спине, руку спутникам его подает.

– Заждались! Заждались!

– Время – деньги, – согласился профессор.

– И покойник того же мнения!

Добровольный покойник, которому Васька, укладывая в гроб, дал на пол-литра, но при условии, чтобы тот не напился и серьезно отнесся к выполнению своих обязанностей, относился к их выполнению куда как серьезно – почти не дышал с перепоя. Но мозг его никак не мог примириться с такой участью. «Вокруг столько выпивки, и никому никакого дела до судьбы товарища. А ведь сдохну от жажды. Хоть бы подлецы эти, что из дурдома пришли поглазеть на учителя и вождя, догадались, поднесли бы на посошок».

Но подлецы из дурдома не догадывались, поспешно разбирая стаканы, рюмки, мензурки – все личное имущество деда Антипа, имеющее стеклянный блеск, как и его глаза. Впрочем, оно и понятно: у каждого был свой шкурный интерес, отличный от интересов покойника, хотя и схожий по существу: скорей бы выпить и закусить.

С выпивкой было просторно, с закуской тесновато. И дед Антип, со свойственной ему широтой русской души, порывался скормить психарям даровую калорию – маринованных в водке небесных обормотов, залетевших на огонек во имя спасения его души. Однако с какой бы настойчивостью он ни предлагал закусить тем, что Бог послал – ангелочком-стрекозенком, гости предпочитали тыкать вилкой в банку килек пряного посола или в бачок с кислыми огурцами. Небесных созданий они и на дух не переносили, материалисты-модернисты!

– Не у-ва-жа-е-те! – вывел дед по складам. – Они меня уважили, прилетели! – тыкнул пальцем в небо. – А вы ими брезгаете, не кушаете. Закуска на халяву. С того света. Когда еще опробуете?

Профессор Вирусов взял его за кисть руки, проверил щупкий пульс:

– В норме. А что мерещится...

- Ему всегда мерещится, – успокоил доктора Васька Брыкин.
- Фантазер он у нас, батенька! – подал голос из гроба памятник Ленину.
- А это кто? – удивился профессор Вирусов.
- А это и есть наш виновник торжества, Абдуливан Петрович! – нашелся Васька, заталкивая деда Антипа под стол, чтобы не мешал. – Покойник, сами понимаете, свеженький, вот и нетерпение показывает.
- Категорически отказывается – в землю, без доброго напутственного слова.
- Не успели медицинские работники очухаться от таких вразумительных заявлений, как их сгруппировали вокруг пирамидального сооружения, такого деревянного мавзолея эпохи позднего русского зодчества, с высунутой из гробового окошка рукой покойника.
- Куда это он тянется? – спросил профессор Вирусов.
- Секретов не держим! К вашему клиенту, опальному члену Политбюро, из шестой палаты, – многозначительно заметил Васька Брыкин.
- Это что? В метафорическом смысле?
- Во всех смыслах, если метафорически. И в самом прямом, жизненном, так сказать. Не этот ли ваш член заведовал партийной кассой?
- Заведовал, заведовал, пока его нам не сдали на прием.
- Он проворовался, скотина, а людям зарплаты не платят!
- Нет-нет, не проворовался, – усмехнулся специалист-душевед из столичной лечебницы. – Он, Пигмалион этот пристукнутый!.. Он!.. Даже в моем сумасшедшем доме подобных историй не случилось! Он деньги, для сохранности, в Золотую бабу перевел.
- Из живородного золота? – выправлял Васька профессора на искомый путь.
- Живородного, живородного. Перевел деньги в золото. А из золота бабу сковал...
- Живородную?
- Живородную, живородную. По мысли его... Левши этого трахнутого... чтобы деньги делать из нее...
- Живородной?
- Живородной... По живородной мысли Пигмалиона этого, Золотая баба станет от него в охотку беременеть и раз за разом рожать.
- Младенцев?
- Младенцев, младенцев. Кого же еще?
- Дети – всегда золото.
- Думаешь, Золотой бабе слабо до такого додуматься?
- Живородная! Поди, и мозги – не фунт изюма!

- То-то и оно, живородная да мозговитая!
 - А ей в мужа неизлечимого придурка из вашей клиники?
 - Как положено по чину. Чтобы на потребу партийной кассе каждые девять месяцев выкладывала на подол самородки. Опальному члену и удовольствия, и средства для выплаты зарплаты.
 - Сбегла?
 - Сбегла!
 - А не подскажите адресок? Любопытно, знаете, куда это бегут такие замечательные бабы, по которым ломбард скучает, от наших мужиков? Не заховалась ли где-то тут, подле Кремля? Ближе положишь, быстрее найдешь...
 - Подле Кремля не спрячешь! Олигархи за кордон сманят. На виллу. На яхту. Какой-нибудь личный Акрополь украшать! – перебил психиатр. – По его версии...
 - Опального члена?
 - Опального, опального... Сиганула в Сибирь. «Где породили, там и умру!» – сказала и давай куда-то поближе к Ленским приискам, в район таежный, где в девятьсот восьмом ухнул Тунгусский метеорит.
 - Моя малая родина! Там и деревни – Невинная, Зазеркальная, Ясное дышло.
 - Точно! Вот голова – два уха! Ясное дышло!
 - Куда повернешь, туда и вышло! – раздалось из гроба.
 - Чего это он? – растерялся профессор Вирусов.
 - Путь указывает, – пояснил Васька.
 - Так он ведь совсем не жилец.
 - На это – путь указывать – его еще хватает.
 - Тогда выпьем!
 - А тост? – слышалось из гроба.
- Профессор Вирусов пылливо посмотрел в гробовое окошко. И отпрянул в недоумении.
- Ба! Да какой же это уважаемый Абдуливан Петрович?
 - Из соседнего сумасшедшего дома, – подсказал Васька.
 - Это же!.. Или врут мои глаза?
 - Врут! Врут! – убеждал доктора от науки психиатрии Васька Брыкин.
 - Это не Ленин? Это не памятник?
 - В данный момент Ленин. В данный момент памятник. Однако здесь, у вас. А у нас в «Шарашке» – отсюда не видать, но это по соседству, в закрытой зоне, – он Абдуливан Петрович, директор психиатрической

лечебницы. А что? У нас и свой сумасшедший дом имеется, не только театр, где все – актеры.

– И он? – совсем уже было потерял дар речи профессор Вирусов.

– И он. Актер-любитель, прошу жаловать.

– Подождите с жалованьем. Может, правильное для вас неотложку вызвать?

Памятник Ленину отвернул рукав бронзового пальто, посмотрел на бронзовые стрелки фирменных часов «Заря», довоенного выпуска, и сокрушенно помотал головой.

– «Советую назначать своих начальников и расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты», как сказано в томе пятидесятом полного собрания сочинений. Иначе с вашими скоростями, с пробками на дорогах амбуланс часа через три приползет, когда будет поздно.

– А что вам так некогда?

– Увольнительная моя кончается, ровно в двенадцать ночи, под бой курантов, – пояснил из гроба памятник Ленину, и постучал ногтем по стеклу бронзового циферблата.

– Ну и что?

– А то, что в меня вживлен предохранительный чип-самовзрыватель. Не оторвусь до срока домой, в «Шарашку», и – привет родителям на тот свет. Шаг – влево, шаг вправо – считается за побег. Бах-бах! – и ваших нет.

Тут и шархнуло, нет, не бомбой. Дверью о косяк. Это тетка Матрена, опередив на две лестничные ступеньки Сергея Ивановича и приставленный к ней наряд милиции, буйно ворвалась в родную ночлежку, где любимый по молодости дед Антип кимарил на полу, под столом, заложив за щеку попискивающего со страху чертенка.

– Кончилось ваше время! – набегая из коридора, воскликнула боевитая женщина.

– Как так кончилось? – приподнялся из гроба, скинув пирамидальную крышку, памятник Ленину. – У меня увольнительная до двенадцати.

– А так! – выдавился вперед Главный над всеми органами полковник Сергей Иванович, с пистолетом и «красной книжкой», выставленной напоказ: – Вы арестованы по подозрению в краже пальто из охраняемого законом металла. И до сдачи в утиль, на анализы, свободы вам не видать!

– Но постойте! Постойте, батенька! – заволновался памятник. – Простите меня, но я, грешным делом, ничем не могу быть вам полезным. Мне пора

домой. Иначе опоздаю на построение. Задержите тут, сами на себя пенять будете на том свете. В меня же бомба вмонтирована, начальник! А с ней шутки шутить – себе дороже. Настроена, подобно музыкальному инструменту высшей пробы, на резонанс от боя курантов. Рванет – не ошибется! – ровно в полночь. А сейчас... сейчас... уже без пяти одиннадцать.

– Ха-ха, не смешите органы! – деланно рассмеялся полковник Сергей Иванович. – Пугаете технологическими новшествами. Заграница, мать вашу! А сами от нашего времени отстаете. Не подскажете ли в этом случае, гражданин иностранец, по какому отсталому времени поставлены ваши часы? По американскому?

– Почему «отсталому»? Почему по американскому? По Московскому! Как заведены в тридцать седьмом, так и живут себе, по Московскому времени...

– А мы теперь живем по летнему времени! Пора знать, агентура ты заморская! Ох, ты, Господи!

Сергей Иванович схватился за пистолет, но выстрелить не успел. Ахнуло!

Васька взрыва не дождался. Услышав, по какому времени живет сегодня Москва, он за секунду до боя курантов реактивно вымахнул в окно – встреч крылатым ангелятам, завернувшим к деду Антипу на огонек, из которого так некстати возгорелось пламя.

ЕКАТЕРИНА ДАНОВА

Журналист с полувековым стажем работы в России. Четверть века работала главным редактором на телевидении. Живет в Австралии с 1996 года. Публикуется в различных печатных изданиях. Регулярно выступает в русской программе радио SBS. Проводит самые содержательные экскурсии по Мельбурну. За годы жизни в Австралии выпустила 10 книг о городе Мельбурне и стране Австралии.

РАЙ В ШАЛАСЕ

Каждая страна, похоже, имеет своего Робинзона Крузо. Причем, вовсе не все становились им по несчастью или случаю. Некоторые отрекались от цивилизации добровольно, выбирая отшельничество в дикой природе. Как японец Масафуми Нагасаки, россиянин Кирилл Померанцев, проживший в пещере на севере Индии 15 лет, или таежница Агафья Лыкова.

Здесь, в Австралии — это «дикий белый мужчина», чье имя породило даже известную поговорку «Бакли-шанс», когда расчет может быть только на удачу: или-или...Связана она с именем молодого двухметрового гиганта из английского Чешира, служившего в королевском полку и храбро сражавшегося против Наполеона в Нидерландах Вильяма Бакли. (William Buckley).

Но пьянки в отпуске довели его до скупки краденного и осуждения на 14 лет каторги в Австралии.

Немногие, быть может, знают, что в 1803 году по заданию первого Губернатора первой австралийской колонии Артура Филлипа лейтенант-полковник Дэвид Коллинс на двух кораблях «Океан» и «Калькутта» отправился на юго-западное побережье, чтобы открыть там новую колонию. И 25 октября на месте нынешнего Сорренто поднял британский флаг. Но заселение этих мест случилось только спустя 30 лет и на реке Ярра, где легче было зайти в залив, больше было древесины для построек, а главное - было больше пресной воды для скота. И оттого уже 30 января 1804 года Коллинс покинул эти места ради Тасмании, где и заложил Хобарт.

Но и за очень короткое пребывание на полуострове свободолюбивый Бакли решил сбежать, несмотря на то, что все побеги, судя по записям капеллана, заканчивались возвращением с просьбой о еде и ...поркой. В канун Рождества, пока охранники спали, Бакли и с ним еще пятеро покинули лагерь. Через две недели один вернулся, сообщив, что остальные потерялись или погибли в лесу, что было одно и то же. На том все и успокоились.

Беглецы же, пока было немного прихваченного с собою хлеба, и не потерялся котелок для воды, пытались найти обратную дорогу в Сидней. А потом все, кроме Бакли, решились вернуться в родную тюрьму, но увидели снявшиеся с якоря уходящие корабли, вывешивали на деревьях свою одежду, чтобы привлечь внимание, но, как оказалось, было поздно. А для Вильяма Бакли началось долгое и жуткое превращение в «дикого белого мужчину». Он ел моллюсков, побеги растений, пил эвкалиптовый сок, испытывая ужас перед черными людьми с копьями, одетыми в шкуры поссумов.

Со временем он научился жить с ними, охотиться на кенгуру, даже однажды женился на молоденькой аборигенке. Но когда она сбежала с другим и их убили, Бакли ушел из этого племени.

Спустя 33 года (!), забывший родной язык и собственное имя, Бакли повстречал однажды группу аборигенов с английским флагом, который те стащили с судна, вошедшего в реку Ярра. И Вильям попытался добраться до палаток – с копьем и в звериной шкуре. А когда увидел там хлеб, сумел за другими повторить его название по-английски.

Прибывшие входили в группу скотовода Джона Бэтмана, выменявшего, как известно, у трех абортгенских племен за товары на сумму 200 фунтов стерлингов всю землю, на которой вырос Мельбурн. И им очень пригодился переводчик К слову, именно Бэтман за это добился амнистии беглому каторжнику. А позже Правительство стало выплачивать ему и пенсию.

В 1837 году на корабле «Ярра-Ярра» Бакли отбыл в Хобарт, где его показывали и где он скончался в возрасте 76 лет, оставив после себя ту самую поговорку о шансе. Воистину: или-или!

Но австралийская история, больше похожая на приключенческий роман, знает и хранит имя еще одного «Робинзона» - российского отшельника, которого называют «Русским Тарзаном»! За то, что более 60 лет тот прожил в диких тропических лесах на северо-востоке Квинсланда. И хотя по времени он наш современник (мой, в частности) его жизненные коллизии тоже поражают воображение. Так, нелегко представить себе,

как удалось дожить до тридцатых годов в советской Грузии его матери — грузинской принцессе Елизаветте Мачабелли, а в его биографии написано, что родился он в 1930 году в богатой княжеской семье! Еще труднее вообразить себе их побег во время всеобщего голода в конце тридцатых по поддельным удостоверениям через всю страну во Владивосток, переправив вещи и драгоценности контрабандой по транссибирской магистрали, зашив их внутри игрушечной собачки пятилетней дочери Инессы. (Мише, ставшему Майклом, было два года). С помощью китайских бандитов семья перебралась в Маньчжурию, и через несколько лет жизни в Китае переехала в Японию – неподалеку от города Кобе. И? наконец, достигла вожделенной Австралии!

Но подросший сын, поначалу пошедший по стопам отца – казака Даниила Фоменко, мастера спорта по легкой атлетике (его, талантливого десятиборца, выдвигали на участие в Олимпиаде в 1956 году в Мельбурне), решил круто изменить жизнь. «Я отрекся от того, что называется цивилизацией. Я хочу условий, в которых я живу, иначе я буду только наполовину жив», писал он в 1960-м, описывая свой дом на природе, как «мой рай»! Называя раем место, кишашее комарами, где тяжело дышать из-за высокой влажности и где воздух пропитан затхлым запахом влажной грязи. Нередко постелью ему служили ветви деревьев, с помощью мачете он охотился на крокодилов и кабанов, а однажды, преодолев опасные 600 км из Куктауна по Торресову проливу на самодельном каноэ добрался до берегов Новой Гвинеи.

Случалось, что его находили умирающим от голода с ранами от кабаньих укусов.

Его сестра понимала его: »Я никогда не знала, где он, черт возьми. Но у него была прекрасная жизнь, он жил в раю».

Зато мать-княжна не сумела примириться с мыслью, что сын загубил свою жизнь, скитаясь в одиночестве в зарослях к югу от Кернса и добилась в конце концов, чтобы в начале 1960-х конная полиция выследила его,»дикого человека» на мысе Йорк. Он был объявлен сумасшедшим, став заключенным в психиатрических больницах, где подвергался электрошоковой терапии.

Хотя сестра убеждала мать, что Майкл вовсе не болен, просто он другой, и все это, так называемое лечение, лишь делало его более напуганным, еще более отшельником.

Так и случилось, когда он все-таки вернулся в 1969 году в джунгли Кейп-Йорка, продолжая испытывать себя в самых суровых условиях в мире, больше чем диких зверей опасаясь всяческих чиновников.

В 2012 году поползли слухи о его смерти, но в сентябре стало известно, что «русский Тарзан» доживает свои дни в Центре ухода за престарелыми в трех часах езды к северу от Брисбена, куда был помещен, заболев во время «прогулки» в Сидней, якобы, с целью навестить семью. Он забыл, что их давно уже нет в живых, продолжая существовать в собственном воображаемом мире.

Скончался Майкл (Михаил) Фоменко в Квинсланде 17 августа 2018 года в возрасте 88 лет. Из которых, как уже говорилось, почти 60 прожив в тропических лесах Австралии. Человеком, которого здесь будут помнить как невероятно мужественного, бесконечно влюбленного в австралийскую природу. Оставаясь в памяти других как чудо – нечто поразительное, удивляющее своей сверхестественной увлеченностью и необычной жизнью.

А австралийская история, бесспорно, по-прежнему будет хранить все сведения о своих «Робинзонах», какими бы путями и откуда они не прибыли на наш пятый континент!

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Дела давно минувших дней

В профкоме было всего две путевки, и я забрала обе. Двадцать четыре дня отдыха в пансионате пригорода Сухуми, и всего за двадцать четыре рубля.

Подарок судьбы, да и только!

Через несколько дней я собиралась в дорогу.

Мне было двадцать четыре, жизнь играла красками, верилось в собственное светлое будущее, словом, обычный романтический бред, никак не желающей взрослеть, девушки с ребенком.

– Будь очень осторожна, – предупреждали меня коллеги, – это Сухуми, не Мариуполь.

Если бы я к тому времени уже побывала в Израиле, то, наверное, просто рассмеялась, услышав такое предупреждение.

Ну, чего стоят десяток абхазцев или грузин против натиска одного израильтянина, с его наглой самодовольной ухмылкой:

– Тебе стоит меня попробовать!

или

– Я предлагаю только один раз!

Но Израиль оставался в далеком, необозримом будущем, а лететь предстояло уже через несколько дней.

Поскольку, прилетала я поздно ночью, то из аэропорта мне предстояло преодолеть дорогу к дому отдыха на такси.

А пока, я внимательно выслушивала советы старших товарищей.

– Не садись в такси одна, дождись пока подтянутся еще пассажиры.

– Садись только на заднее сидение.

– Если вдруг останешься с водителем один на один, обязательно сделай ему комплемент

Поскольку, водителем мог оказаться либо грузин, либо абхазец, комплемент должен был учитывать этот нюанс. В остальном же, текст не менялся. Первыми словами должны были быть:

– Я рада, мне повезло, что Вы...», и далее, в зависимости от национальности водителя.

О том, что я вряд ли смогу отличить абхазца от грузина, в тот момент, почему-то, никто не подумал.

Что сказать? После подобных наставлений моя эйфория немного

улеглась, но отпуск был оформлен, и путевки оплачены.

И вот, через несколько дней, дрожь от страха, спускалась я по трапу самолета в аэропорту города Сухуми.

Горячий воздух усиливал мои опасения, и, на подгибающихся ногах я подошла к стоянке такси.

Небольшого роста рыжеватый немолодой мужчина пригласил в кабину меня, и еще одну пару.

Ехали молча. Моя остановка была последней на маршруте, и, когда мы с водителем остались одни, он, безо всякого подтекста, просто для того, чтобы поддержать разговор спросил:

– Ну, чего молчишь?

Я подумала, вот оно, началось, и неуверенно ответила:

– Я радуюсь!

– Чему? – вполне резонно удивился водитель.

И тогда я ляпнула, как учили, и попала пальцем в небо:

– Тому, что вы не абхазец.

Ну, что сказать – ляп, так уж ляп!

– Я что, на собаку похож? – расстроился водитель, после чего уже спокойнее добавил, – ну, и кто тебя так напугал?

Пансионат «Мимозовая роща», находился на вершине заросшего мимозой склона горы и, по сравнению со страхом попасть в лапы пожилого водителя, страх оказаться один на один с маньяком, который вполне мог притаиться в зарослях, казался пустяком.

Как всегда, у меня все было написано на лице, и таксист, тяжело вздохнув, забрал у меня из рук чемодан, и, взглянув мне в лицо, только головой покачал:

– Идем.

Он довел меня до ворот, и, помахав рукой на прощание исчез навсегда в зарослях мимозы.

В комнате, кроме меня, оказалось еще три женщины. Галина – типичный представитель Питерской интеллигенции, спокойная, уравновешенная, Рая двадцатисемилетняя и дремучая, как таежные леса Тынды, девушка, с длинной косой, которую она, в последствии, отстригла, в надежде заполучить внимание местного участкового, толстого красавца Рубена, с недельной щетиной, женой, и кучей малолетних детишек. Отсутствие макияжа и таежная походка придавали Раисе особый шарм.

Третьей была веселая украинка Таня из Харькова – бабушка троих внуков, но еще хоть куда. Помню, как мы не пускали ее на

свидание с пожилым отставным полковником, заперев на ключ в комнате, а она, при этом ругалась, и причитала «Та ото таке!», а наутро, краснея от стыда, благодарила нас за бдительность.

Поутру, в первый же день, я собралась на пляж. Как всегда, надев спортивные бриджи, направилась я в указанном направлении.

Путь лежал вдоль отвесной скалы, по обочине извилистой дороги. По другую сторону дороги был отвесный овраг. Машин не было, и я бодро шагала, пока, меня не догнала «Волга». Водитель притормозил, и из окна высунулась, чья-то, волосатая рука. Больно, шлепнув меня по мягкому месту, машина покатила дальше.

Наверное, я скорее удивилась, чем испугалась, потому, не придумав ничего лучшего, инстинктивно, покрутила вдогонку нахалу пальцем у виска.

Развернуться было негде, поэтому, водитель «Волги» сдал назад.

Машина остановилась поодаль, и из нее вылез огромного роста детина. У меня перед глазами моментально возникла сцена из «Кавказкой пленницы», когда ее, рвущуюся из рук, связанную грузят в машину.

– Вы чем-то недовольны? – спросил издалика детина, медленно приближаясь ко мне.

Моментально сработал инстинкт самосохранения, и я, не раздумывая брякнула:

– Вы бы с приезжими развлекались, но своих трогать, позор!

Вся эта тирада была произнесена мною с драматизмом, присущим великим артистам. Странно, но это сработало.

Детина сразу стал, как-то, меньше ростом, и, уже с испугом, спросил:

– Ты, что, местная, сестра?

В обращении «сестра» было все – и мольба о прощении, и страх перед неизбежным наказанием.

Я хотела только одного, чтобы он убрался, поэтому быстро и уже спокойно пояснила:

– Муж работает в санатории, – не уточняя в каком именно, вдруг он проверит?

Ему на самом деле было плохо, и он сделал еще одну попытку загладить происшествие.

– Сестра, прими бутылочку шампанского, в знак прощения!

Но я гордо отказалась, и он, махнув безнадежно рукой, молча направился к своей «Волге».

Надо ли говорить, что на пляж я уже не пошла.

Отдых проходил спокойно до той поры, пока я не познакомилась с нашим с участковым – огромным, толстым и небритым армянином Рубеном, предметом тайных вздыханий дремучей Раисы.

Автобусом для поездки в Сухуми я воспользовалась только один раз. Пассажиров было много, люди висели на подножках. Кондуктор, получив за проезд, не утруждал себя выдачей билетов. Здесь к этому давно привыкли, и воспринимали, как должное. Вдруг, одна женщина, видимо приезжая, с возмущением стала требовать свой билет.

Кондуктор, что-то сказал водителю, и, когда автобус остановился, он с большим трудом протиснувшись сквозь толпу, подошел к женщине вплотную, и намотал ей на шею метра два билетных талонов, приговаривая:

– Тебе хватит, или еще отмотать? – а, затем, как ни в чем не бывало, вернулся на свое место.

Кормили нас на завтрак манной кашей на воде, в обед котлетами из, видимо оставшейся от завтрака манной каши, на ужин давали кисель, по-моему, все из той же манной каши. На наше возмущение повар сетовал:

– Мне на каждого отдыхающего выдают рубль в день, а сам я бедный, в этом году неурожай мандарин, всего, каких-нибудь восемнадцать тонн, что это, а?

Попытка покупать продукты в магазине, тоже, не увенчалась успехом.

Когда я положила пачку печенья и конфеты на прилавок, продавец, глядя сквозь меня, равнодушно бросил:

– Рубль!

Я убрала конфеты на место, и снова подошла к нему с печеньем.

– Рубль! – не меняя интонации, повторил продавец.

Когда Рубен узнал о моих армянских корнях, а это было нетрудно, он заговорил со мной на родном языке. Мне было очень приятно, что меня принимают за свою, но не поняла я ни слова, так как, из армянской колыбели была извлечена в пятимесячном возрасте.

По-моему, он думал, что я просто притворяюсь и, вскоре, познакомил меня со своими приятелями, тоже армянами и, только благодаря братьям по крови, я смогла по достоинству оценить этот прекрасный, но похожий ни на один другой город.

Я побывала на озере Рица, гуляла по аллеям на даче Сталина, и посетила ресторан в ущелье Эшера.

Наши поездки проходили весело и беззаботно, потому что,

машина, на которой мы путешествовали, принадлежала сыну начальника ГАИ Абхазии.

С включенной мигалкой на бешеной скорости, мы летели по городу мимо остолбеневших постовых в сторону рынка, где в любое время дня и ночи к воротам нам выносили свежеспеченные лавашы, огромные, сладкие арбузы, аджику и вяленое мясо. Затем из машины, наш заводила звонил на лодочную станцию и предлагал наловить рыбы, и сварить уху, к нашему приезду.

Наверное, сегодня все это не кажется странным, но тогда, в 79, это был другой, яркий, неизвестный мне мир.

В пансионате строгий режим нарушали все, но попалась только я.

Охранники, как правило, не обращали внимание на поздние возвращения отдыхающих, и, вдруг, однажды, меня остановили, и попросили подойти к черной «Волге». За рулем сидел импозантный, немолодой мужчина.

– Вы почему опаздываете? – спросил он, с заметным грузинским акцентом.

– Автобусы не ходили, – не моргнув глазом, соврала я.

– Я видел, как Вы подъехали, в какой комнате остановились? Я буду сообщать на работу.

Я уже не помню, какую фамилию и комнату я ему тогда назвала, но, явно не свою. И он отстал.

Наутро, я, предвидя расправу, уговорила Раису поехать в Сухуми, дабы не иметь возможность встретиться с ним в столовой.

Мужчиной, как я выяснила, оказался директор Пансионата.

Интересно, прошло около сорока лет, а я до сих пор помню его имя и отчество.

Звали его Нукзар Ордошилович.

И вот, мы с Раисой заходим в ресторан под названием «Нарды», поднимаемся на второй этаж и делаем заказ. Было время обеда, но ресторан был пуст: два-три посетителя. Как вдруг, официант приносит нам бутылку вина и, указывая на отдаленно стоящий столик произносит:

– Это Вам.

Какого же было мое удивление, когда из-за стола поднялся директор нашего пансионата, и галантно разлив нам вино, извинился за то, что не может составить компанию, так как занят. Внимательно взглянув на меня, спросил:

– Вы здесь на отдыхе?

Я не смогла соврать при дневном свете, и молча кивнула головой,

а честная Раиса уточнила:

– Так мы же из Вашего пансионата.

А он, не взглянув на Раису, ответил, обращаясь ко мне:

– Я знаю, это Вы «без внимательный» человек.

А на следующий день меня ругала наша барменша.

– Вах, какая ты глупая, почему не подцепила его?

В ту пору я еще не понимала преимущества старых, потрепанных, сорящих деньгами мужчин, при виде которых испытываешь только уважение к возрасту, перед молодыми, спортивными, беспечными голодранцами. Поэтому ответ мой, прозвучал, глупее не придумаешь:

– Так он же старый!

– Старый, – согласилась она, – зато предыдущая его любовница уехала отсюда в дубленке!

Ее поднятый вверх указательный палец, вероятно, должен быть означать наивысшую степень, совершенной мною, глупости.

Помню, как-то мы, благодаря нашему сановному «сынку» заехали в Шашлычную под открытым небом. Это было, так сказать, «секретное» место, окруженное с трех сторон морем, и посадками. Единственная грунтовая дорога хорошо просматривалась, так что, в случае появления законных жен, хозяин успевал предупредить их нерадивых мужей.

Встретил нас приветливо рыжий, как Солнышко, веснушчатый грузин по имени Гога.

На днях, рассказал он, как обычно, приехали к нему на отдых именитые гости. Гога был кремьень, дорожил своими щедрыми клиентами, и, по-моему, даже под пыткой, не назвал бы их имена.

Гости приехали, естественно, с подругами. Выпили, закусили и разбрелись, кто-куда.

– И вдруг, – рассказывает Гога, – слышу, кто-то зовет на помощь.

Понятно, что такая реклама ему ни к чему. Место было, по всему видно, доходное. Публика платила не столько за шашлыки, сколько за секретность, и умение Гоги держать язык за зубами. Такой своеобразный публичный дом, под названием «Все включено».

И вдруг крики:

– Помогите!

Ну, наш грузин, как истинный джентльмен, бросился на помощь даме.

Далее цитирую:

«Я вышел и сказал,

– Кто кричал «пАмАгите» – идЫ сюда.

И вот, из-за кустов выходит девушка в расстёгнутой блузке и плачет.

– Что случилось? – говорю.

А она начинает сквозь слезы, что-то бормотать. Вот, дескать, он пристаёт ко мне, а я не такая.»

Гога, мысленно, примеряет на себя мантию судьи, и очень медленно, подкрепляя сказанное жестами, доходчиво разъясняет ей ситуацию.

– Он тебе рЭзал?

– Нет!

– Он тебе кусал?

– Нет, – отвечает она.

– Ты что думаешь, – спрашивает, рассудительно, Гога, – солидный человек привез тебя сюда, кормил, поил, просто так? Смотри, пАдруги мАлчат, люди отдыхают, а ты им мешаешь!

И, после мхатовской паузы, тоном, не допускающим возражений, говорит:

– ИдЫ.

И, знаете, самое интересное то, что после его слов, девушка повернулась, и безропотно пошла назад.

Вот, что значит все правильно объяснить.

Надо сказать, гуляли мы хорошо, но не всем везло, так, как мне, поскольку, мое армянское происхождение, вряд ли, кто-то мог оспаривать, а приставать к «своим» в ту пору было не принято.

С тех пор прошло много лет. Я много путешествовала по разным странам и городам, встречалась с разными людьми, хорошими, и не очень, но тот, первый, незабываемый отпуск в Сухуми, и людей с которыми свела меня судьба, я всегда вспоминаю с любовью и теплотой.

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Родился в г. Житомире (Украина), по образованию филолог. На родине его окрестили «человеком - оркестром». Один во многих лицах: музыкант, певец, композитор, поэт, драматург, журналист, продюсер, модератор культурных программ. Чувствует себя счастливым человеком, потому что занимается любимым делом, имеет хорошую семью. Сергей Лазо – автор 17-ти книг и шести дисков.

Член Союза писателей и Союза журналистов Украины, лауреат ряда украинских и международных премий. Концертирует, неразлучен с гитарой. Любит живопись, современную хореографию и путешествия на воздушном шаре. Большой поклонник джаза.

ПРИВЕТ ДЛЯ МИСТЕРА БЕНСОНА

Мне кажется, я всегда любил музыку Бенсона. Даже когда ещё не знал, что это Бенсон...

Наше первое заочное знакомство состоялось в далёком 1982 году в практически недоступном тогда советскому человеку городе Белграде. Мне второй раз крупно повезло¹, и туристическая фортуна закинула меня в десятидневный тур по Югославии. И если три года ранее в Риме меня ожидало полное фиаско в магазине грампластинок, где я требовал диски Джино Ваннелли², наивно полагая, что певцы с итальянской фамилией должны жить, разумеется, исключительно в Италии и там же быть в наличии, то в Белграде я точно знал, чей диск обязательно куплю. До сих пор ещё ностальгировал по распавшимся «битлам», и очень хотелось пополнить свою небогатую коллекцию сольным диском Джорджа Харрисона со скромным названием «*George Harrison*». Посему, когда я, наконец, добрался в Белграде до фирменного музыкального магазинчика с алтарём у задней стены, сплошь уставленный дисками, я стал лихорадочно искать заветное имя. Так вот же оно! Совсем рядом выглядывал серебристый конверт с крупно написанным George, остальное изображение прикрывали другие пластинки. Я ткнул пальцем и блеснул английским: «I want this long play!», имея в виду, что хочу его

¹ Впервые за границу я выехал в 1979 г. (Италия-Марокко). Об этом в романе «Концерт для одинокого голоса с неслаженным оркестром» (главы «Марокко» и «Russo Turisto»).

² Джино Ваннелли – очень популярный певец, живущий в Канаде.

посмотреть... Продавец согласно кивнул, вытащил диск и тут же стал его паковать. К ужасу своему я успел заметить, что ошибся, ибо фамилия там другая, вовсе не Харрисон, но рабский советский менталитет не позволил мне отказаться от покупки. Уже вернувшись в гостиницу, я развернул упаковку и прочитал: «*George Benson*».

Прошло более двадцати лет и в 2005-ом, наконец, свершилось: Бенсон в Киеве. Зал дворца «Украина» поразил: не было аншлага! Но публика собралась музыкальная, рафинированная – шутка ли, заявила звезда первой величины! Причём не попса, пусть и раскрученная, а действительно крутой музыкант, объединивший в себе рок, джаз, блюз и многое-многое другое. Предполагался экстаз и состояние нирваны. И, как это ни парадоксально, ни то ни другое не случилось. Во-первых, звук в зале был значительно хуже привычного винилового саунда, во-вторых, как-то холодно всё происходило, медная группа отсутствовала – её партии доигрывались на синтезаторе... Витала какая-то раздвоенность: давняя выстрадавшая мечта сбылась, но безоговорочно счастливым меня не сделала. Может, срабатывали некие психологические заморочки, типа передозировки, трудно сказать, однако живой и реально поющий Джордж Бенсон в экстаз никак не вгонял! К тому же в финале концерта на сцену вскарабкалась какая-то экзальтированная дамочка с явно захватническими намерениями, плечистые бодигарды отбили знаменитость, которая тут же ретировалась за кулисы, и ожидаемые песни на бис накрылись медным тазом. В общем, покидал зал я в смешанных чувствах, в коих толком никак не мог разобраться: с одной стороны, узрел ЖИВОГО Бенсона, с другой – не услышал того, что ожидал услышать. При этом видел восторженные лица, слышал счастливые комплименты и понимал, что моё разочарование весьма индивидуально...

Время шло, и жизнь выстраивала новые комбинации, порой весьма неожиданные. Как-то случайно (хотя ничего случайного в мире не бывает) объявился мой давний друг Ронсон, он же Лёна Лившиц, с которым мы когда-то в конце 60-х покоряли житомирскую публику диковинным тогда рок-н-роллом, и который впоследствии уехал жить в Австралию. Мы списались, и так возникла идея поездки на пятый континент. Теперь Ронсон именовался уже Леон, имел успешный бизнес и мог позволить себе пригласить старого друга в гости. Почти двое суток я был в дороге, более двадцати часов в полёте, по приезде отработал два концерта в Мельбурне и, наконец, благополучно залёт в роскошном отеле «Винзор» постройки 1883 года, куда меня любезно поселил мой

щедрый друг. Утром он появился и критически оглядел помещение. Из окон открывался шикарный вид на здание Парламента, Леон перехватил мой взгляд и одобритительно кивнул:

– Я выбрал именно этот отель, чтоб тебе недалеко было ходить на работу!

Его неиссякаемый юмор прекрасно дополнял программу наших путешествий: гольфклуб и минеральные источники, австралийское Соренто на берегу океана, театр «Её Величество», долгие прогулки улицами Мельбурна и, наконец, знакомство с Алланом За́водом.

– Старик, Аллан – потрясающий музыкант, пианист высочайшего класса! Эта эмоциональная фраза могла быть просто дружественной, но по мере общения мои глаза округлялись всё более. Иногда так случается: только познакомишься с человеком, и возникает ощущение, что знаешь его давным-давно, что вас объединяет бесконечное множество общих тем, интересов, событий, что ваши жизни живут в одном доме и под одной крышей. Такое состояние я испытал, когда Леон представил нас друг другу. А потом пошло-поехало...

– Мои родители приехали сюда из Харбина. Корни – славянские, мать родом с Украины...

–То-то у тебя такая странная фамилия, знаешь, что у нас означает слово «завод»?

– Конечно, знаю. Вообще-то настоящая наша фамилия Заводчиков, а это уже сокращённый английский вариант.

– О, тогда другое дело!

Мы шутили, хохотали, пили кофе с пивом, неожиданно Аллан прервал беседу и серьёзно сказал:

– Сегодня мой квартет играет в итальянском ресторане. Вы приглашены. Мой австралийский вояж близился к концу, и послушать хороший джазовый концерт под занавес – прекрасное завершение. По дороге в ресторан Ронсон-Леон сообщал удивительные подробности об Аллене.

– В последнее время мы видимся довольно часто. Я даже взял у него пять-шесть уроков джаза, но не для того, чтобы научиться играть, – урок, как таковой, заканчивался через пару минут. Мне просто хотелось посидеть рядом с ним часик за роялем, на одном стуле, и послушать его импровизации... Как правило, эти встречи затягивались, ему всегда хотелось продемонстрировать памятные фотографии, книги, афиши своих концертов (вот тут мы со Стингом репетируем, а это мы с Заппой, а это Робин Вильямс, а это Чик Кория)... И так, пока не раздавался звонок от жены Лилиан с вопросом: «Ты домой собираешься?»

А потом выяснилось, что Завод, будучи совсем ещё совсем молодым человеком, понравился самому Дюку Эллингтону, и тот направил его на учёбу в легендарный музыкальный колледж Беркли в Бостоне. За годы жизни в Америке он гастролировал с титанами джаза, такими как оркестры Глена Миллера, Вуди Германа и Мейнарда Фергюсона, играл с Билли Кобемом, Херби Хенкоком, Жаном Люк-Понти, отъездил мировое турне (1984) с легендарным Френком Заппой и – теперь возвращаемся к теме – музицировал и дружил с Джорджем Бенсоном. И это далеко не полный послужной список! Я попросил его рассказать что-нибудь о Бенсоне.

– С Джорджем мы давние друзья. Когда он гастролирует в Австралии, всегда останавливается у меня. Как-то перед его концертом в Мельбурне мы вышли на прогулку, и я решил подшутить над одной своей знакомой. Позвонили в её дверь, а Джордж спрятался сзади. Она открыла, и я спросил, не собирается ли она на концерт всемирно известного артиста Джорджа Бенсона, на что она ответила, что туда не пробиться, и она вероятней всего останется дома. Тогда я решил её ошарашить: «А если бы пригласил сам Бенсон?» «Какой такой Бенсон?» – не поняла она. «А вот этот!» И тут из-за моей спины появилась его улыбающаяся физиономия. Мадам чуть было не рухнула в обморок! У неё в гостинной, кстати, имелся неплохой рояльчик, и мы на нём чуток размялись...

– Представляю вашу разминку, уверен вы там надолго зависли! – подключился к разговору Леон.

– Может и надолго, но разве это важно? Ты бы видел её, как зачарованно она слушала... И смотрела на нас, как на святых Петра и Павла!

Вечером мы отправились на выступление Аллана. Концерт проходил в итальянском ресторане, весьма небольшом и уютном. До десятка столиков, публика изысканная, но без апломба. Мини-сцена, классический квартет: пианино, саксофон, контрабас, ударные. Меня знакомят с удивительным итальянцем (живёт попеременно то в Бангкоке, то в Мельбурне). Весёлый и заводной: приносит минеральную воду, разливают в стаканы, он просит официанта: мне налейте в бокал, пусть думают, что я пью дорогое вино. И тут же заказывает настоящее дорогое вино и закуски для всего стола... Музыканты играют стандарты, звучит шикарно, Аллан – красавец, что аккомпанемент, что импровизация – всё очень изысканно. Пианино хоть и электрическое, но звучит вполне натурально. Мы разогрелись вином, музыкой, публика расслабилась и покачивается в такт. И вот зазвучала темка из моей первой молодости, Sunny Afternoon, это The Kinks из далёких 60-х... Я начинаю подтягивать

припев, в памяти всплывает подпевка с хорошим септовым интервалом, и мы с солистом-саксофонистом начинаем звучать дуэтом. Он покачивает саксофоном, поёт и краем уха вдруг слышит неведомо откуда звучащий бек-вокал. Удивлённо оглядывает зал и обнаруживает откуда веет непредсказуемым саундом. Песня тянется дальше, а он жёсткими жестами зовёт меня на сцену. Я уже поймал кайф и вытанцовываю к микрофону. Публика в шоке! Никто не понимает, что происходит: или это подстроили музыканты – фокус с подсадной уткой, или это действительно экспромт?! А мы поём в два голоса и ведь звучит! А потом ещё импровизация в диалоге с саксофоном! Восторги, аплодисменты, братание с музыкантами и мой кострубатый благодарный спич про поездку в Австралию... И в зале, и уже на улице подходили люди, благодарили и говорили, что любят Украину... Ах, эта маленькая звёздность, дарующая редкие праздники! Лилиан, жена Ронсона, запечатлила сей пикантный эпизод в своём смартфоне...

По окончании концерта к нам подсел Завод. Обнялись, снова заговорили о музыке, музыкантах. И тут я вспомнил, о чём хотел сказать ещё во время нашей первой встречи:

– Аллан, у нас во Львове ежегодно проходит очень серьёзный джазовый фестиваль, который входит в лучшую мировую десятку. Приезжают очень крутые музыканты...

– Кто, например?

– В этом году, например, приедет Бенсон.

– Джордж?! Серьёзно?!

– Серьёзно.

– Тогда ты должен передать ему привет!

–?!?!

– Обязательно встретиться с ним и передай привет от Аллана Завода из Мельбурна!

– Да как я к нему подойду?!

– Не дрефь! Он очень обрадуется, вот увидишь! Просто подойди и скажи, что хочешь передать привет от меня!

– Даже не знаю...

– Пообещай, тогда я буду спокоен!

Пришлось пообещать. Утром Леон заехал за мной и в машине мудро посоветовал: «Старик, я тут подумал, что просто так подружить к Бенсону будет действительно непросто. У тебя есть его диск?» Мой раритетный диск, приобретённый в Югославии, уже давно был похищен, а новую коллекцию винила я стал собирать совсем недавно, так что

Бенсон в ней пока отсутствовал. «Не беда, – констатировал Леон, – сейчас поедem в магазин, купим какой-нибудь его альбом». Что за счастье – рыться в виниловом старье, извлекая из картонных коробок заветные сокровища своей вечной молодости! Диск нашёлся – THE BEST OF GEORGE BENSON – австралийская печатка в идеальном состоянии! Теперь я был во всеоружии и немного позже, уже созерцая в иллюминаторе самолёта Индийский океан, думал о слове, данном Аллану, почему-то вспоминая при этом давний смешной мультик про удава, который передал мартышке привет, а та требовала этот привет в каком-то материальном виде, ведь как иначе его потрогать или попробовать на вкус?

Львовский фестиваль «Альфа Джаз»³ 2015-го года был роскошным, как и все предыдущие. Среди заявленных музыкантов значились Херби Хэнкок, **Уэйн Шортер**, Билл Эванс, Майк Стерн, Пакито де Ривера, Хироми Уэхара, а замыкал список хедлайнеров, разумеется, Джордж Бенсон. Чего ждал я от его концерта на этот раз? Праздника. И, конечно, той доверительной теплоты, которая всегда наполняла его песни, и которой мне так не хватило когда-то в Киеве. Зал был полон, многие зрители видели Бенсона впервые, и было ясно, что мы ждём одного и того же – праздника слуха и духа. Ясно, что будут звучать *There Was a Boy*, *Nothing's Gonna Change My Life*, *Give Me the Night* и прочие хиты из его репертуара. И, безусловно, никак не обойтись без *This Masquerade* на бис. Всё тысячу раз слушанное и по-прежнему горячо любимое. И пусть эта музыка многократно исполнялась, пусть привычны жесты, движение в такт головы, ног и прочих частей тела – всё равно, как по Станиславскому: "Верю". Это как религия, любовь, как святая наивная уверенность, что лучшее впереди, и оно вот-вот произойдёт. А ведь так и случилось! На сцене чудодействовал МОЙ Бенсон, именно тот, кого я всегда мечтал увидеть, услышать, и кто предстал пред светлы очи во всей своей красе! Стоило слегка прикрыть глаза – тотчас

³ Титульным спонсором фестиваля до 2018 года выступал "Альфа-Банк Украина", в связи с чем фестиваль носил название Alfa Jazz Fest. В 2017 году было принято решение о переименовании фестиваля в Leopold Jazz Fest, что указывало на место его проведения (Леопольд – одно из древних названий Львова). Leopold Jazz Fest входит в число крупнейших мировых джазовых фестивалей. The Guardian добавил Alfa Jazz Fest в список лучших фестивалей Европы.

возникало ощущение, что звучит родной винил, тёплый и нежный, как поцелуй. И эти бенсоновские импровизации, когда гитара и голос – полный унисон, два инструмента, рождающие абсолютную гармонию звуков. Вероятно, и певец был в ударе, ибо зал наполнялся такой объединительной энергией, что к финалу и сцена, и публика стали одним целым, люди сорвались с мест и хлынули к подмосткам. Это был действительно праздник, «который всегда с тобой», конца которому нет и быть не может...

Покидать концерт в таком пике было нестерпимо, но я знал, что если останусь на бис, то уже не прорвусь к заветным воротам возле служебного входа за сценой – единственного места, где был шанс, пусть и небольшой, встретиться с музыкантом. Видать, магнетизм концерта был настолько мощным, что подойдя к ограждению, я оказался в одиночестве – возле меня никого, все фанаты оставались в зале! «Ещё пару песен, и народ потянется, но я-то уже на месте!» Так мне думалось, но эта «пара песен» растягивалась бесконечно, публика ревела от восторга, Джордж явно поймал кураж, одна за другой гремели самые известные хиты, которые он оставил на закуску, а до меня всё это доносилось, как звуки с футбольного матча за квартал от стадиона. Сердце досадно ныло – я ведь мог, как все нормальные люди, счастливо фонареть под сценой, а вместо этого прозябаю на задворках и жду неведомо чего... Развязка настала с последними звуками: возбуждённая толпа в мгновение ока заполонила пространство, и я оказался намертво прижат к воротам – зато в первых рядах! Джордж появился минут через сорок. За воротами стоял длинный лимузин, музыканту услужливо открыли дверцу и – о, ужас! – он уже занёс ногу, чтоб вольготно расслабиться... А как же мы?! Толпа стала требовательно скандировать «Джордж! Джордж! Джордж!», мотылять дисками, обложками, плакатами – что у кого было. Бенсон на мгновение замер, посмотрел на нас, нога в проёме задней дверцы дрогнула, решение, наконец, принято – он направляется к вопящим воротам, которые уже с трудом сдерживают охранники. Между прутьями к нему тянутся руки с заветными конвертами, и вот он берёт мой. Звёздный час настал, и пока он вырисовывал автограф, я решаюсь на спич:

– Mr. Benson, I have greetings for you!

Он удивлённо смотрит на меня и отвечает вопросом:

– From whom?!

– From Allan Zavod, Melbourne...

– Allan?! Oh, great! Thank you!

Джордж широко улыбается, пожимает мне руку и возвращает подписанную пластинку. Вырвавшись из плотного кольца окружения, я тут же отрапортовал Ронсону-Леону в далёкую Австралию: «Миссия невыполнима. Но я выполнил!» Ответ последовал моментально, даже несмотря на огромную разницу во времени: «Ну теперь-то Бенсон точно знает, что не зря побывал во Львове».

16.02.2020

Тернополь

ВАДИМ МЕСЯЦ

Поэт, прозаик, переводчик. Руководитель издательского проекта "Русский Гулливер". Творчество отмечено рядом международных премий, стихи и проза переведены на многие языки.

ОФРА ХАЗА

Папаша разорался, что у него стоит на мировую скорбь и начал приставать к еврейкам. Ходил вдоль барной стойки и нагибался у каждой девушки, чтоб заглянуть в лицо. Они реагировали снисходительно, но он точно бы схлопотал, если бы распустил руки.

В кабаке на входе сидело двое вышибал с бычьим головами, у многих девиц были бойфренды, которые стояли поодаль.

Папаша лез к женщинам со своими комплиментами. Говорил что-то про страдание, которое передаётся из поколения в поколение. По мне, все живущие в этих местах на вид одинаковы. В еврейках, как минимум, я ничего особенного не видел. Представляю, как бы отец рассвирепел, если бы я сказал ему об этом. Сегодня выяснилось, что он тоже – еврей, и жить не может без еврейских телок.

Он выпил ещё, и окончательно забыл, где мы находимся.

Он заявил, что готов платить за любовь. Если раньше мне было смешно, то сейчас стало страшно. Его моральный облик меня совершенно не волновал. Я боялся, что его отмудохают, что уже не раз случалось, и он не сможет вести машину обратно в Тель-Авив.

Я был ему благодарен за поездку и главное, за медицинское обследование, которое он мне устроил. Мне было плевать, что о нас подумают. Я, если хотите, им гордился. Глуповатые студентки, полуоблезлые матроны с усиками, чванливые ортодоксы с молочными коктейлями – и тут такой маразматик-герой. Никто даже не понимал, какой он национальности.

За время жизни папаша поменял столько стран, что и сам забыл, откуда он родом.

Говорил на испорченном английском, но говорил настолько борзо и легко, что мог бы переговорить любого кокни. Если бабы понимали его, лез целоваться, задирали юбки. Барные стулья, по его мнению, созданы для того, чтобы трахаться. Девушки отшучивались.

– Мы не встречались с вами в Сингапуре? – подсел он к рыхлой брюнетке в соломенной шляпе. – У меня хорошая память на лица. Для секса она была непригодна. Бесформенный кусок мяса в короткой юбке и ярким карнавальным макияжем. Папаша спяну занижал планку. Эта с позволения сказать дама должна была быть счастлива, что на неё польстился такой мужик, как папаша. Он хорошо выглядел. И огонёк у него в глазах горел не такой, как у прочих. И манер хватало, и находчивости.

Вместо знака внимания эта бандерша залепила ему увесистую пощёчину, видимо, отыгрываясь за всех, и отец отпрянув, ударился затылком о стоек фонаря, которыми была утыкана стойка. Бывший спортсмен – и никакой реакции. После удара толстуха трагически закрыла лицо руками.

Отец виновато отошёл в сторону и сел на пластиковый ящик от пива, осмысливая случившееся. Я подошёл к нему, чтобы напомнить о своём существовании, но в ответ услышал элегическое:

– Мы действительно встречались в Сингапуре.

– Пойдём отсюда, выпьемся, – сказал я. – У нас давно не было такого шикарного номера.

– В том-то и дело, – вновь загорелся отец. – У нас такой номер, что в него не стыдно привести саму Офру Хазу.

Я не стал спрашивать, кто это такая. Папаша закатывал глаза, словно речь идёт о королеве красоты.

– Она здесь? – спросил я, изображая интерес.

– Я жду, что она появится, – ответил он. – Назначил встречу.

– А зачем тогда лезешь к этим?

– Я люблю всех, – серьезно ответил он. – Эти женщины – прямые потомки Евы. Они созданы из моего ребра. Ну и потом, надо же кого-нибудь трахнуть. Вторую неделю болтаемся здесь без толка.

– Я не знал, что мы болтаемся здесь из-за этого.

Он отвернулся от меня, не желая продолжать беседу, но я все-таки влез с вопросом.

– А я тоже так родился? Я никогда не спрашивал, где ты познакомился с мамой.

Он зло посмотрел на меня, уверенный в том, что в этом деле давно поставлена точка.

– Я тогда был молодой, – ответил он уклончиво. – Когда ты молодой, у тебя все по-другому.

К отцу подошёл вышибала, приобнял его и что-то сказал на ухо.

– О, вот это разговор, – обрадовался папаша и отсчитал мужику несколько ассигнаций. – Еврейка или арабка?

Мы отправились к себе на этаж, папаша прихватил в баре бутылку бурбона, и гроздь бананов. Он немного воспрянул духом и даже пробормотал нечто о скорой женитьбе. На большее его не хватило. В комнате он моментально осушил стакан и, откинув голову на диван, захрапел.

Девушка появилась минуты через три. В дверь стучались настойчиво и громко, и, открывая, я ожидал увидеть сутенера. Она пришла одна.

Хорошенькая, миниатюрная, намного симпатичней дур из бара. Зайдя в номер и увидев папашу, с детским озорством расхохоталась.

– Давай ему нарисуем фломастером усы, – сказала она. – Или намажем зубной пастой.

Мы пытались растолкать папашу, поливая его минералкой. Девушка разочарованно похлопала его по щекам и собралась уходить. Она была настолько красива, что мировая скорбь еврейского народа пронзила и меня. Я умоляюще взглянул на неё.

– А куда я пойду? – улыбнулась она. – У вас отличный номер. Я никогда не была в таких. – Она плеснула себе стакан «Кентукки», и взяла меня за руку. – Пойдём в спальню.

Мы разделись до нижнего белья. Легли на огромную кровать и включили телевизор. Поначалу я лежал как бревно и смотрел американские мультики. Потом положил руку к ней на живот.

– Ты Офра Хаза,? – спросил я, вспомнив имя, которое слышал сегодня.

– Ты мой хороший, – сказала она. – Давай я тебя поглажу.

Она привычно гладила меня по голове, целовала глаза и лоб. Я хотел удовлетворить своё любопытство и довольно неуклюже лапал её в разных местах, но она не обращала на это внимания. Она пела колыбельную на своём языке так, что заслушаешься. Слова были непонятные, но нежные. Наверное, так и пела первая женщина, которую сотворил Господь. Она еще не должна была знать мировой скорби, но могла ее предчувствовать.

Я подумал, что секс в жизни у меня ещё будет, а вот материнская ласка – навряд ли. Лёг к ней на плечо и, накрутив на кулак длинную чёрную прядь её волос, сладко уснул.

СОЛДАТ

Они познакомились в хозяйственном отделе супермаркета в отделе со стиральными порошками. Джонатан наполнил тележку продуктами в согласии со списком. Пошел взять пакет молока и обнаружил, что та исчезла. Найти тележку было не трудно. Ее случайно укатила в другую часть магазина женщина лет сорока. Симпатичная, по уверенному рисунку губ похожая на бизнес-леди. В другой ситуации Джонатан к ней бы не подошел. Отошьет.

– Вы укатили мою тележку, – сказал он, встав с ней рядом, разглядывая средства для мойки посуды. – Позвольте мне ее забрать.

Он попытался положить руку на поручень, но женщина отстранила ее строгим, но деликатным жестом.

– Откуда вы это взяли? – сказала она. – Это моя тележка.

В ответ Джонатан раскопал нагромождение продуктов и вынул со дна коротковолновый радиоприемник, смотрящийся теперь как музейная редкость. Для убедительности он вытянул антенну и виновато посмотрел на женщину.

– Ничего не могу поделать, – сказал он. – Тележка моя.

Ее это уже не интересовало. Он рассматривала приемник, явно не ожидая его здесь увидеть.

– Зачем это вам? – спросила она с детской интонацией.

– Люблю слушать музыку, – сказал он.

– Без наушников?

– Мне нравится делиться своим счастьем с другими.

– А со мной можете поделиться? – спросила она с прежней живостью.

Джонатан тут же включил приемник, поставленный на ретро-волну.

Аккорды буги-буги раздалась внезапно и совершенно неуместно.

– Потанцуем? – сказал Джонатан, улыбаясь.

– Вы сумасшедший, – сказала она. – Выключите эту дрянь.

Не дожидаясь выполнения приказа, она взяла с полки стиральный порошок и быстро ушла, цокая каблучками по бетонному полу.

Встретились они на кассе. Джонатан с удивлением посмотрел на продуктовую тележку дамы. Ее покупки разительно отличались от его покупок. Половина тележки была завалена йогуртами, другая – фруктами и зеленью.

– Бьюсь об заклад, вы никогда не влюблялись по-настоящему, – сказал он первую пришедшую на ум фразу.

– Считаете, что пора? – спросила она, оценивающе взглянув на него. – У меня было это несколько раз. Хватило до конца жизни.

– Сомневаюсь, что это случилось с вами, – сказал Джонатан. – Такие вещи видишь сразу. А вы... вы боитесь рисковать.

– Вы провоцируете меня? – рассмеялась она. – Могли бы сделать это как-нибудь изысканней.

– Зачем мне это? Я говорю то, что вижу. Я женатый человек, многолетний отец. Это вы спровоцировали меня, угнав мою тележку. Она рассчиталась на кассе, и молча удалилась. На парковке он разыскал ее – она не могла найти свою машину. Стояла посередине асфальтового поля и растерянно озиралась по сторонам. Он притормозил около нее, открыл пассажирскую дверь. Из салона раздавался прежний рок-н-ролл шестидесятых.

– У вас просто не работает радио в автомобиле, – сказала она и рассмеялась. – Вы заинтриговали меня этим приемником.

Он включил радио в машине – оттуда звучала точно такая же музыка.

– Садитесь, – сказал Джонатан. – Я хочу вам кое-что показать.

Она отвернулась, ища взглядом свой автомобиль. Он выключил оба приемника и воздухе повисла зловещая тишина.

– Садитесь. Сейчас десять тридцать утра. Весь день впереди.

Она подождала еще немного, делая вид, что не заинтересована в поездке. Повернулась к нему.

– Вы все еще здесь? Вас ждут ваши многочисленные дети.

– Они будут счастливы, если буду счастлив я.

– Какие хорошие у вас дети. Покажите меня по парковке – мне надо найти мое авто.

Она села к нему в машину, подтянула юбку на колени. Качнула рукой фигурку пляшущего индейца, подвешенную на зеркало заднего вида. Джонатан выехал с парковки и вышел на шоссе.

– Куда едем? – спросил он. – На океан?

– Вы сумасшедший. Здесь нет никого океана.

– Откуда мне знать, – сказал он. – Я не местный.

Она не понимала, шутит он или говорит всерьез. Посмотрела на него, обнаружила, что едет с красавцем. Его орлиный профиль идеально смотрелся на фоне выжженной солнцем пустыни и далеких гор.

Огромный перстень с бирюзовым глазом светился на его безымянном

пальце. Она смотрела то на перстень, то на лицо мужчины, не понимая, что привлекает ее в большей степени.

– Вы убивали когда-нибудь людей? – спросила она после нескольких минут молчания.

– Точно не знаю, - ответил он. – На войне все стреляют, куда попало. Вы хотите, чтобы я пристрелил вашего мужа?

– Пока что нет. Пусть немного поживет, - сказала она печально. – Муж здесь совершенно не причем. Я хотела узнать, есть ли у вас шрам?

– Что? Какой шрам?

– Полученный в бою. От ножа, пули, осколка снаряда. Шрамы бывают разные. Я бы полюбила вас, если бы у вас был шрам.

- В каком месте вам нужен шрам?

– На груди... на бедре... где угодно...

– На заднице не пойдет?

Она резко повернулась к нему и увидела, что он смеется.

– Я бы никогда не открылась близкому человеку, – сказала она. – Незнакомому можно. Мы же больше никогда не увидимся?

– Мы еще не встретились, –опять засмеялся он.

– Еще интересно, если бы вы были священником, – добавила она, пугаясь звука собственного голоса. – Это очень эротично.

– У них обет безбрачия, – сказал он.

– Ну и что? Трудности только укрепляют чувство.

– Я подумаю на эту тему, – сказал он. – Мой дед был священником. Все, что я о нем помню это то, что он ужасно храпел.

Он затормозил около дешевого мотеля «Motor Inn». Приличные люди в такие заведения дам не возят. Клоповник. Рассадник заразы.

– За кого вы меня принимаете? – понизив голос, сказала она. – Вернее, за кого вы себя принимаете? За сердцеда? Рокового мужчину? Дон Жуана? Посмотрите на себя в зеркало. Вы – плебей. Отребье. Низший класс. Как вы посмели? Как могли подумать об этом? Я не давала повода. Я не знакомлюсь с людьми на улицах и в магазинах. – Ее возмущение нарастало, чем дольше она глядела на приземистое здание гостиницы с паутиной на москитных сетках. – Вы думаете, что все женщины такие? Что я шлюха? Женщин в моем возрасте вообще не интересует секс. Это глупость, игра для подростков. Вы – маньяк? Что у вас за акцент? Вы – русский? Я сейчас позвоню в полицию.

Джонатан не слушал ее, лишь внимательно смотрел в глаза. Когда она выговорилась, дернул за кнопочную застежку на джинсовой рубаше.

Длинный глубокий шрам, наискось пересекающий его грудь, заставил

даму замолчать. Она схватила ртом воздух для следующей реплики и тут же упала Джонатану в объятия.

– Я искала тебя всю жизнь, – бормотала она, целуя его соленое тело. – Я знала, что это ты. Я чувствовала.

Эмблема города Санта Фэ в виде танцующего индейца с флейтой раскачивалась над ними, транзистор на заднем сидении молчал как мертвый. И только мотор автомобиля работал с прежней невозмутимостью, готовый в любую секунду заставить машину сорваться с места.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

В Нью-Йорке Незвицкая рассказала мне о том, как первый раз изменила мужу. Приличная еврейская женщина изменила мужу с гоем. Мы лежали в гостиничном номере неподалеку от театрального квартала Манхэттена, пили кофе и беседовали. После утреннего секса она была смешлива и разговорчива. Со мною, по ее словам, она ожила, почувствовала себя женщиной. Мне было это лестно. Последние дни она «порхала» вокруг, заглядывала в глаза, просила поцеловать на людной улице или в лифте. Я незамедлительно следовал ее желаниям. Такие моменты надо ловить. Потом придут обыденность и пресыщение. Нора стряхивала пепел в дешевую фарфоровую чашку и говорила. Я слушал ее невнимательно, но до определенного момента. В ее истории чувствовался какой-то зловещий смысл.

У нее был интернет-приятель, живущий в пригороде. Звали его Макс. Виделись с ним они один раз. Познакомились в ресторане на его дне рождения. Обменялись несколькими репликами. На следующий день он позвонил ей и донимал звонками всю неделю. Потом исчез. Потом то исчезал, то появлялся. Рассказывал о себе часами. Макс мгновенно входил в доверие и казался ей родным человеком. Она смеялась, показывая ему новый дом. По очереди подводила детей к камере компьютера. Макс демонстрировал фокусы. Приставлял к уху бутылку с водой, и она вдруг начинала течь изо рта. Детям «дядя из компьютера» нравился. Они звали его в гости, Незвицкая присоединялась к их приглашениям.

Она уже три года сидела с детьми. Муж работал, она скучала. В глубине души считала себя художником. Вышивала скатерти и платки. Больше всего гордилась театральными куклами, изготовленными в половину человеческого роста. Арлекин и Коломбина, Санта-Клаус и его олень, Джек – Воробей и Эдвард Руки-Ножницы стояли по углам в гостиной.

Нора мечтала о вернисаже в Манхэттене. В провинции она уже несколько раз выставлялась.

– Отдайся, – говорил ей Макс. – Секс это – естественное продолжение разговора. После сближения мы переместимся на другой интеллектуальный уровень. Это легко. В древней Греции вообще не было любви, одно обольщение. И потом со мной это особый случай. С другими – предательство, а со мной невыносимая лёгкость бытия. Она смущалась его прямоте, но слушала с некоторым замиранием сердца. Ее разбирало любопытство. Чисто научный интерес, говорила она себе.

Через полгода он неожиданно появился и поселился в гостинице неподалеку. Буквально припер ее к стенке.

– Меня приглашали в гости твои дети, – сказал он. – Детей я никогда не обманываю.

Муж был в отъезде, но Максу об этом она не сообщала. Когда он заехал, она выставила на стол бутылку вина и отправилась укладывать ребятишек.

– Ешь пирожки – пей вино. Я скоро вернусь.

Незвицкая включила индусские мантры, которые казались ей эротическими. Макс помрачнел, но не сказал ни слова. Когда она вернулась в легкомысленном халатике, бутылка была пуста. Незвицкая провела парня в гостиную и подробно рассказала о каждой поделке. На кукол Макс смотрел недоверчиво. Он был далек от искусства и прочих тонких материй.

Когда в доме стало совсем тихо, они пошли в спальню. Нора скрылась в ванной, где быстро прошлестела душем. Вышла к нему нейлоновом боди с вырезом внизу. Макс сразу потянулся губами к вырезу.

Она посмотрела на Макса сверху вниз и вспомнила, что невероятно любит своего Айзика. Перед ней на коленях стоял человек, внезапно ставший незнакомым. Древний грек. Самодовольный самец. Интриган-соблазнитель. Перемещаться на другой уровень расхотелось. Они начали целоваться, потому что так положено. Аппетит приходит во время еды, вспомнила она старую поговорку. Аппетит не приходил. Незвицкая отдалась ему, но ничего не почувствовала. Она ничего не чувствовала и с мужем, но он был ей родным человеком, а лежащий рядом мужчина — чужим.

Невероятный грохот заставил их остановиться. В прихожей сорвалось с крючка зеркало. Хлопнула форточка. Ребёнок за стеной бился телом о дверь, и звал мать не своим голосом. Зарыдала дочь, захлебываясь

слезами. Каменный гость приближался к любовникам, готовый задушить обоих. И никакой легкости, никакого счастья на этом свете не было. Только гром, грохот и нечеловеческий крик. Сейчас он взломает дверь. Гигантский, страшный, безжалостный каменный сын.

Макс быстро оценил ситуацию и смыслся. Голая Незвицкая подошла к спальне мальчика, и поняла, что боится открыть дверь. Образ великана не покидал ее.

– И кто же оказался за дверью? – спросил я. – Сын?

Она поставила чашку на прикроватную тумбочку, раскинула руки по кровати, уставившись на старомодную люстру на потолке. Ей было трудно признаться в том, что произошло дальше.

– Я так и не открыла, – сказала она, наконец. – Мне было страшно. Я строго сказала ребенку, чтоб он спал и сидела до утра со своими куклами. Я решила, что в комнате прячется дух моего мужа. Ну или статуя Командора.

От нее пахло весной, рекой, свежестью. Я вспомнил про свою первую любовь, но не стал распространяться об этом. За окном отеля неспешно шуршали по асфальту машины, чирикали скворцы, кричали бездомные негры и маленькие дети.

ЮЛИЯ СТАРЦЕВА

Родилась в 1969 г. в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского госуниверситета (1994), затем Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных и электронных СМИ и издательствах.

Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа–2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни-95» (Красноярск-Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей. Лауреат двух литературных премий: Всероссийской литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева и сибирской премии «Вдохновение». Обе премии присуждены за роман «Время нереально». В 1998 г. роман выдвигался на соискание премии «Русский Букер» (вошел в длинный список).

Живет в Петербурге.

Автор трех книг: «Избранная проза» (США, 2013), «Двуликий сириин» (СПб, 2017), «Время нереально» (Красноярск, 2019). Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Звезда», «Волшебная гора», «Новый Берег», «Енисей», «Соло» и мн. др. изданиях. Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык.

СТАРЦА ГРИГОРЕЯ ЧУДЕСА ПОСМЕРТНЫЕ

«По-доброму, по-хорошему...»

Присказка Распутина

Нет, не люблю я Царское Село, даром двадцать лет меня туда не тянуло. Павловск холмистый милее и уютнее, Петергоф с водомётами, укромная Александрия отраднее Ц.С., пусть там не бродят тени великих поэтов.

В тот сентябрьский день казалось, что лето ещё будет долго-долго, пригревало спину солнце, и я сняла плащик. «Напрасно, солнце низко», предостерег мой спутник. Летели осенние паутинки, обочины дорог желтели опавшими листьями.

Как шли Екатерининским парком – любимое кольцо с розовой крупной жемчужиной у меня ещё на пальце сияло, — потом по снимкам проверяли, – но едва зашли в Александровский парк, немного погуляли, сели на скамью, спутник мой возьми да и скажи: «Сейчас на могилку к старцу пойдём». Я на руки себе невзначай взгляд бросила и ахнула: жемчужина пропала! Золотой ободок с финтифлюшками-листочками на пальце, а сердцевины, перла драгоценного, как не бывало. Вокруг некошенная трава, мухоморчик круглится красный, прикинулся опавшим яблоком, сыроежки; крупная бурая квакушка лениво ушла в кустики. Она, видно, жемчужину и унесла. Ах, вот так дань взяло с меня Царское... Поискали без толку раз и второй, пошли стернёй да суглинком.

Рядом грибники шли с корзинами, мы в шутку их называли «Искатели жемчуга». Друг шутил: коли найдут, скажут: «Нашли старинную жемчужину с отверстием, розовую, с платья Екатерины Второй!» – и родится новая легенда о царскосельском парке.

...наипаче следят, кто ищет бисера...

Расстроилась мало не до слёз. Друг рассказывал в утешение: «А вот в детстве – мне лет двенадцать было – вышел такой случай: рассматривал я дома старинную медную печатку для писем, с персидскими надписями, фамильную реликвию, и вдруг треск и темнота: по всему дому пробки выбило! Включили свет, а печатки нет нигде, уж сколько мы с родителями её искали потом, видно, джинн унёс».

«Ах, видно, быть беде: ты меня разлюбишь».

«Нет, никогда не разлюблю».

Добрели, спотыкаясь, до места, куда, как доносили рр-революционные солдаты-иуды, «бывшая Царица и княжны часто ходят плакать на воздушную батарею».

«Это была земля Вырубовой».

«То-то ножки мои еле ходят...»

Там железная свещница с песочком и иконками устроена, как у Блаженной Ксении на Смоленском кладбище. Памятный крест на месте пустой могилы. Зажгла свечки, оставленные благочестивыми паломниками, огоньки метались, но не гасли под сильным ветром, приписала на чужом листке со смешным грифом «Место для гениальных мыслей» записочку Григорию Ефимовичу, посидели мы на кривенькой лавке. Ах, окаянство наше...

«Бог есть Любовь.

Ты люби!

Бог простит!» – вспомнила вслух изречение старца Григория, «рачителя блудных жен», и почуяла некое душевное утешение, как ветерок лёгкий.

«Значит, старцу зачем-то моя жемчужина занадобилась!»

«А вот пишут, будто бы Юсупов заманил старца к себе, не токмо обещая Ирину показать, но и жемчужину фамильную – «Пеллегрину»».

(Дома убедилась, складно врут в жёлтой прессе: «Пеллегрин» – искаженное «Пилигрима», то бишь «Странница», «Паломница», а у самого Григория Ефимовича автобиографический опус называется «Житие опытного странника», есть странные властительные связи, есть.

Он говорил в «Мои мыслях и размышлениях»: *«Вот пример Божий: насколько душа человека драгоценна, разве она не жемчужина?»* – вторил евангельскому слову: *«Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашед одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее»*. Часто поминал опытный странник «бисер чтимый».

А хулители знай клеветали: *«Образ жизни Распутина утонченный и изысканный. Его меховая шуба совсем не подходит к тем рубищам и вретнищам, в которые одевались искренно-кающиеся; стол у него в Петербурге всегда – самый изысканный...*

Что он делает? Каков его труд?

Никакого или уж очень скверный. Он целыми месяцами живет в Петербурге, ходит из дома в дом и занят исключительно разговорами и щелканьем орехов...

Дома на него работают тоже поклонницы, и работают даром.

...Находились дамы, которые не брезговали доедать остатки его ухи, снимать с его бороды оставшиеся кусочки рыбы, поднимать с полу орехи, выпавшие у него изо рта, и благоговейно вкушать».

Орешки, небось, кедровые лузгал. Экой Щелкунчик!)

Ушли из Царского, не повидав ни Екатерининского дворца, ни пруда лебединого из-за китайских орд. Мимо плыли достоевские луковки церковей, ухватясь за них, народ-богоносец мог из бездны выбраться да размыкать горе луковое, но предпочёл вавилонский зиккурат по Щусеву велению, по вражьему хотенью.

Обедали в итальянском кабачке «Фортуна» на Оранжерейной улице, разговор затеялся снова: напоказ протягиваю руку с перстнем, лишённым розового перла, к другу и говорю: «Да-а, старец силён...» В тот самый миг за стойкой бармен роняет поднос с кипящим кофе, чаем,

напитками. «О, старец такое любил устраивать!» (бой посуды и зеркал) – сказал насмешливо мой друг.

«Не будем больше говорить непочтительно о Григории Ефимовиче!» – поспешно сказала я.

«Пиши рассказ!» – сказал друг.

«Выйдет пара к петербургскому рассказу о цветаевском кольце с нефритовой лягушкой», – заметила я.

Под унылое звяканье прибираемых осколков посуды отобедали, а там чудный летний день перешёл в осенний вечер с холодным дождем.

...Кстати прибавлю не токмо о потере, но и о находке странной. В детстве играли с подружкой за домом, на Талнахе, в Заполярье, вдруг под башмаком, в грубом гравии, нечто блеснуло. Тяжёлый, большой кулон серебряный с неизвестным мне тогда изображением, набоковски-остроумное предвестие нового места жительства. Отчеканена корабельная фигура девы с Ростральной колонны, да волны невские, да чайки в небе. Но что мы знаем? (Петербурга я — опосредованно-книжно – в детстве не любила.) Не постигаем рисунка нитей судьбы, простых и изящных, как паучье кружево в лесу. «Ах, Боже мой, как всё было ясно и просто устроено Тобой!» – воскликнем однажды и преобразимся. И чайки исходят кошачьими воплями на соседней крыше, и Нева плещет близко.

12-17 сентября 2019 г., 19 февраля 2020 г.

Петербург

В ЛОМБАРДЕ

Летний день на Васильевском сошёл с венецейского акварельного пейзажика: лазурь и камень. Моторы, конечно, скверность – лучше бы экипажи... В паломничество, однако, принято ходить пешком. Бедные ноги, плоскостопые ласты, – знак водной природы, метка ундины, – резало русалочьей болью. С утра плелась на Смоленское кладбище, к часовне Блаженной Ксении, затем, от последнего приюта бездомной странницы, по линиям и проспекту брела обратно, назад к строгой твердыне церкви Андрея Первозванного. Там назначено свидание с незнакомцем.

В то тягостное лето всё подумывала заложить в ломбарде мачехин подарок. Мой стакан был полуполон, а не полупуст: лишилась службы, но у меня осталась вторая; жених мой женился на другой, но у него был

давнишний соперник. А тут ещё шашни: у предков были маскарады, а у нас – интернет. Но всё равно мнилось, будто мне вредит александрит – тот, что *горит вкованный в перстне моём*. У самоцветов есть своя тайная, особенная, неспешная жизнь и свои симпатии и антипатии, уверяли алхимики.

Зловещий камень – александрит (недаром назван во имя убиенного благодарным народом Царя-Освободителя). Мрачнее его разве что радужный опал, ведь, как писал Густав Майринк, *«на всякого, кто их носит, они навлекают несчастье, ибо предназначены для одной цели – служить жертвенными дарами богине Дурге, истребительнице всякой органической жизни»*. Впрочем, это поверье относится ко всем меняющим цвет камням.

Сколько печальных историй я слышала об александрите! А вот моя история.

Ночью оно дремлет в бархатном гробике футляра: избыточно-массивное, неженственное кольцо красного золота с шестью лиловато-розовыми глазами натуральных уральских александритов. Утром они глянут слабой зеленью, шесть недобрых глаз.

Кольцо мне подарила мачеха в честь блестящего окончания универа, в обмен на «красный диплом». Своё отдала – с умыслом, как теперь понимаю: от себя отвести беду. (Много лет спустя: «А где у тебя кольцо с александритом?носишь? Не продала?»). Мачеха – сказочная женщина... Из сказок про Золушку, Белоснежку.)

Знакомая старушка всполошилась: «Вы от него избавьтесь, это – александрит! У меня было кольцо с ним, приносило сплошные несчастья!» Вчерашней студентке – всё трин-трава: а мне нравится, такой шик!

Через два месяца умер мой юный муж – от бурно развившегося лейкоза. В двадцать пять лет.

Пока носила это кольцо – жизнь штормила чередой немислимых происшествий. Сняла – жизнь потекла лесным ручейком, потихоньку... Любопытно: из всех ломбардов оно ко мне возвращалось. А уж сколько раз я пыталась от него избавиться!

Побродила вокруг Андреевской церкви. Право, в Москве веселее жилось. Корабельщик научился недоброму от Брюса-колдуна и выкатил растреклятый парадиз хрустальным шаром: ночью он светится, утром туманится, и в нем дышат мнимости. Но я уже успела привыкнуть к Городу, как привыкаешь к повторяющемуся сновидению.

А какие здесь странные приходят сны: пять раз являлся Александр Блок, *genius loci*, говорил мне несвязные речи, объяснял мне все тайны с людьми, а однажды – Марина Цветаева.

Живая, лет тридцати пяти, как на лучшей своей фотографии, золотисторусая, тихая, домашняя. Я спрашивала её о детях, и она без высокопарностей сказала так грустно: «Рыжий мальчик умер». В её доме на полу ползали возгривые младенцы, трое, две девочки и мальчик, вокруг раскардаш, грязно, пыльно, паутина, нищета. «Детей нельзя иметь, нам детей никак нельзя иметь», убеждала она.

Она снилась настойчиво и грустно, и я тогда проснулась с тяжёлой думой.

Марина, змеиная царевна, своих чад пожравшая.

Но сон был давнишний, прошлого тысячелетия, и непонятно, как его толковать. А нынче, пока добиралась на Васильевский, отчего-то вспоминала, как Цветаева в эмиграции выклячивала у знакомой серебряное кольцо с нефритовой лягушкой. Писала ей страстные льстивые письма. И выщиганила всё-таки...

Ариадна Берг – так звали владелицу «кольца, наконец, попавшего на нужную руку».

«Дело в том, что мне безумно – как редко что хотелось на свете – хочется того китайского кольца – лягушачьего – Вашего – бессмысленно и непреложно лежащего на лакированном столике...

Я бы взамен дала Вам большое, в два ряда, ожерелье из темно-голубого, даже синего, ляписа, состоящее из ряда овальных медальонов, соединенных ляписовыми бусами. Сейчас посчитала, медальонов – семь, в середине самый большой (лежащий под шейную ямку), потом – параллельно – и постепенно – меньшие... Вещь массивная, прохладная, старинная – и редкостной красоты: настолько редкостной, что я ее за десять лет Парижа надела (на один из своих вечеров) – один раз: ибо – овал требует овала, а у меня лицо скорее круглое, даже когда я очень худею. Такая явная синева требует синих или хотя бы серых глаз, а у меня зелёные, а иногда и жёлтые, такая близость к лицу (первый ряд почти подходит под горло) невольно требует красоты, а ее у меня – нет...

Вам эта вещь предначертана. Она настолько же Ваша, Вы, как то кольцо – моё и я.

А я бы Ваше кольцо – никогда бы не снимала.

(Оно – перстень)».

«... У нас с кольцами в семье – роман: моя мать, шестнадцати лет от роду, проезжая на пароходе по месту гибели Людовика Баварского и явственно услышав подводную музыку (все завтракали в каюте, она была одна на палубе, и музыка была для нее) бросила ему, т. е. в воду, свое первое, обожаемым и обожающим отцом подаренное, кольцо. Ваше, – такое же: мужское, простое, тяжелое, не objet de luxe, а – de necessite, и даже – de reine, – еще страстнее хочу его – если оно только живо... (Не предмет роскоши, а необходимости, и даже страдания (фр.))».

«... Эта Ваша лягушка охраняла меня целое лето, со мной шла в море, со мной писала повесть о Сонечке, со мной горела (горели ланды, мы были в кольце огня), и всё это были — Вы».

До назначенного свидания – полчаса, не заглянуть ли в ломбард? Лесенка вверх – и нежилая конурка, антикварная лавчонка в бывшем подсобном помещении. «Скупаем золото, картины, фарфор, столовое серебро». В витринах за стеклом стандартный набор петербургского роскошества, недограбленного в революцию, не променянного в блокаду на лишний день жизни.

Перламутровые раковины чашек Императорского фарфорового завода. Уцелевшие прихотью судеб миленькие дружочки ластились к томным пастушкам среди роз и овечек. Человек, право же, вещь более хрупкая, нежели фарфоровая чашка.

Запечатленные ангелы в литых посеребренных окладах-виноградах – вероятно, подделка, Мстёра, трещинки-морщинки на благостных ликах отдают ложной древностью.

Миниатюрный двойник Исаакия на змеиных разводах малахитовой площади, святыня лилипутских богомольцев – чернильный прибор, крышка золоченая.

Колокольчик валдайский с мужской кулак, малиновый звон, серебро высшей пробы, узорный бок смят.

И часы, часы всех видов, от мрачного орехового шкафа с курантами до ажурной серебряной канители дамского кулона, часы сумасшедшие, как Батюшков.

И особая витрина в огнях – ювелирка антикварная.

Диалог с тучной древней хозяйкой в оконце.

Голубые, честнейшие – не замути водица – шары навывкате.

– Так дёшево за грамм золота?

– Но мы же числим золото как лом. За бриллианты, – лягушачьи растянула безгубый рот в улыбке, – даём тысячу за карат.

– Да, бриллианты... А за александриты натуральные?..

В закутке, под гортанную перебранку, свист и визг, мрачные азиаты точили старинное холодное оружие. *Ножи точат булатные, хотя меня зарезати.* Опасливо метнув взглядом на страшное, вернулась к ювелирной витрине.

...В этих местах, в этих городах, умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко...

Серебряное! С квакушкой-жадиной из зеленейшего, как цветаевские глазищи, жада.

Нефрит – камень одиноких страдальцев. «Русский жад», дважды ценнее серебра.

Зелёнькая лягва, зеленее капустного кочна, – помнишь, помнишь?

Полкочна сжевал твой детёнок, отвязавшийся козлёнок, в темноте, в холоде, в собственном дерьме... Ты же спой другому безумцу – Белому – про козу и капусту французскую песенку, убаюкай гоголька колыбельной: свою ляльку не баюкала, за всю её коротенькую жизнь на колени брала всего-то десять раз...

По поверьям, в лягушке скрыта душа умершего младенца.

Зелёное наискось на светлом. Помстилось: если смотреть на эту лягву, эту лярву неотрывно, я всё пойму про свою странную жизнь, начало сомкнётся с концом с непреложностью серебряного круга, знание просияет – и умретвит меня.

Не спрашивай о цене, не спрашивай, не смотри, отворотись...

Прочь отсюда! Бежала, боясь примерить её кольцо, ведь страшно же, страшно: вдруг придётся мне впору.

А как же свидание? На часы поглядывал, по сторонам позыркивал очень высокий, стройный, приятный молодой человек. Приятный?

Новый знакомец широко ощерился, и, едва не сомлев от дурноты, я заметила в доверчивом оскале знак зверя: верхние зубы росли в два ряда.

– Простите ради Бога: обстоятельства... должна бежать... Позвоню, напишу, объясню...

И по лазурному небу тянулись легчайшие перистые облака: видно, там, наверху, у ангелов началась линька.

30 августа 2016 г.

ЭРИХ ФОН НЕФФ

Эрих фон Нефф – американский писатель из Сан-Франциско. Родился в 1939 г. Проходил военную службу в Корпусе морской пехоты США. В 1964 году окончил государственный университет Сан-Франциско со степенью бакалавр искусств затем в Шотландии получил степень магистра.

Известен во французском литературном авангардизме. Книга «Проститутки на обочине» (Prostituées au Bord de la Route) была выпущена французским издательством «Cahiers de Nuit» в 1999 г. Сборник стихов Les Putains Cocainomanes

(«Кокаиновые шлюхи») был выпущен издательством “Cahiers de Nuit” в 1998 г. Русские переводы отдельных произведений Эриха фон Неффа публиковались в журналах «Зарубежные задворки», «Эдита», «Новый берег», «Ликбез», «Дон», «Слово\Word», «Аконит», «7 искусств», а также сборниках «Строки на веере» и «ARONAXX I».

Большое тигриное приключение

Жила-была тигрица в зоопарке. Всю свою жизнь она сидела в клетке совсем одна, потому что тигров её породы совсем мало осталось в природе. Тигрице было скучно, каждый день она следила за работником зоопарка, который приносил ей еду, и ждала, что когда-нибудь он забудет запереть клетку. Тогда можно будет выбраться наружу и посмотреть, что творится вокруг.

И вот однажды так и случилось: работник зоопарка, выходя из клетки, закрыл дверь, а запереть замок – забыл. «Ну наконец-то», – подумала тигрица. Но она не стала спешить, а дождалась вечера. Стемнело, все посетители ушли, и никто не видел, как тигрица выбралась из клетки. Ворота зоопарка были закрыты, но тигрица легко перемахнула забор. Она была очень сильная и ловкая.

Мир за забором был незнакомый и очень странный. Здесь стояли большие-пребольшие дома, а по дороге мчались машины с яркими, слепящими фарами. Они были похожи на страшных зверей с горящими глазами, и тигрица спряталась на автобусной остановке. Машины, рыча, пронеслись мимо, им не было конца. Вскоре тигрица устала и легла в углу, чтобы немного подремать.

Прошло двадцать минут, а может даже полчаса. К остановке, громыхая, подъехал автобус и разбудил тигрицу. С тяжёлым вздохом открылись

двери. Из автобуса вышел очень толстый человек и, не глядя по сторонам, ушел прочь. Двери автобуса остались открыты; тигрица поднялась и мягко запрыгнула внутрь.

Водитель автобуса смотрел вперед и не видел, кто вошёл. Он лишь заметил, что вошедший пассажир не заплатил за проезд. Тогда водитель грозно крикнул:

– Эй, ты, там! А ну плати или убирайся из моего автобуса!

Тут маленькая старушка, которая сидела в начале автобуса, где места для пожилых людей и инвалидов, встала, подошла к билетной кассе и купила тигрице билет. А водителю автобуса старая леди сделала замечание:

– Вам следует с почтением относиться к животным.

– Каким животным? – удивился водитель.

Он обернулся и посмотрел назад. В самом конце автобуса, на заднем сиденье сидела тигрица. И больше никого. В автобусе были только они трое: тигрица, старушка и водитель.

– Тиграм на автобусе ездить нельзя! – сказал водитель.

– Неправда! – возразила старушка. – Это нарушение прав животных, которое запрещено законом.

– Ладно, – уступил водитель и обратился к самой тигрице: – Знаешь что, бывают такие люди, что садятся в автобус и не платят за проезд. Когда такое случится, я крикну: «Эй, вы, платите за проезд!» – а ты рычи на них, смотри грозно и показывай лапой на билетную кассу. А если я не замечу безбилетника и промолчу – всё равно делай то же самое.

«Совсем нетрудно», – подумала тигрица и согласно кивнула головой.

А старушка сказала ей:

– Пожалуйста, садись вместе со мной. Думаю, если пересчитать твой возраст на человеческие года, тебе можно здесь сидеть.

И тигрица села рядом со старой леди. Старушка ласково погладила тигрицу по голове и сказала:

– Вот и умница.

Автобус ехал в центр города; на остановках входили люди. Одни держали в руках телефоны, другие – планшеты, третьи – даже ноутбуки. А некоторые, совсем старенькие, были с тросточками. Поначалу пассажиры пугались, замечая тигрицу. Старая леди их успокаивала:

– Пожалуйста, не бойтесь. Она со мной, она совсем ручная.

На одной из остановок, расталкивая всех, в автобус влез высокий человек в дорогом костюме.

– Эй, вы, платите за проезд! – крикнул водитель.

Человек в костюме не обратил на его слова никакого внимания. Тигрица поднялась, негромко зарычала и указала лапой на билетную кассу.

Человек в костюме побледнел, послушно заплатил за проезд, потом на подгибающихся ногах тихонько пробрался в конец автобуса и забился в уголок.

Скоро в автобусе почти не осталось свободных мест. Люди перестали опасаться тигрицы, они стали думать, что она – такой же пассажир как и они, пускай и без мобильного телефона, планшета или чемоданчика с бумагами. А ещё она зорко следила за тем, чтобы все оплачивали проезд. Автобус подъезжал к центру города. Пассажиры разговаривали по телефону, или отправляли сообщения, или что-то писали в планшетах. Вдруг на очередной остановке в автобус ворвались два грабителя в чёрных масках.

– Руки вверх! – закричали они. – Доставайте ваши кошельки, украшения, телефоны, планшеты, ноутбуки и прочие ценные вещи. Сейчас мы с моим другом пройдем по автобусу, а вы всё сложите в наш мешок.

Грабители, конечно, не заплатили за проезд. Поэтому тигрица поднялась, громко зарычала и указала лапой на билетную кассу. Грабители как раз пытались оторвать кассу от стены, чтобы унести с собой, потому что там уже скопилось много денег за билеты. Тигрица подумала, что это уже чересчур. Она прыгнула на грабителей и, взмахнув передними лапами, сбила их с ног. Пассажиры принялись звонить в полицию. Вскоре послышались звуки сирен, а затем полицейские забежали в автобус с пистолетами наизготовку.

– Не стреляйте! – крикнул один из пассажиров. – Тигрица нас спасла. Это она обезвредила грабителей.

Полицейские надели на грабителей наручники и вывели из автобуса. А сержант, который был старший в патруле, указал на тигрицу и воскликнул:

– Эй, нам ведь поступило сообщение о тигрице, сбежавшей из зоопарка. Это ведь ты, не так ли?

Тигрица ничего ему не ответила.

– Нужно вернуть тебя обратно, – сказал сержант. – Я позвоню в зоопарк.

– Почему бы вам не оставить её в покое, – сказал один из пассажиров.

– Вы поступаете нечестно, – сказал другой.

– Она обезвредила грабителей, – сказал третий.

– Это правда, бог свидетель, – сказал сержант. – Но мне-то что делать? Я не могу позволить тиграм гулять по улице.

– Верните её на родину, – сказала строгая дама.

– Там орудуют браконьеры, леса почти все вырублены, и тиграм негде жить, – сказал человек в очках, как оказалось, профессор.

– Какая жалость, – огорчились все пассажиры.

– Я знаю, что нам нужно сделать, – сказала женщина в деловом костюме.

– Мы соберём средства, кто сколько может, и на эти деньги построим в зоопарке новый просторный вольер, где тигры смогут резвиться вволю.

– Я согласен, – сказал бизнесмен.

– Я тоже, – сказал банкир.

– И я, – сказал биржевый брокер.

– Не у всех у нас есть лишние деньги, но мы тоже скинемся, – сказала старушка.

– Хоть по чуть-чуть, – сказала маленькая девочка. – И мы будем навещать тигрицу в зоопарке.

– Ну что же, – сказал сержант. – Я тоже приму в этом участие.

– И мы, – согласно закивали другие полицейские.

Потом из зоопарка приехал специальный фургон для перевозки тигров. Тигрица пошла было в фургон, но передумала и вернулась к пассажирам автобуса. Села и протянула лапу, так что каждый мог подойти и попрощаться. И каждый человек подошел и попрощался с тигрицей, подержав её за лапу. Даже суровый полицейский сержант.

А затем тигрица всё же запрыгнула в фургон. Сказать по правде, ей не слишком понравилось в городе: слишком много машин, слишком много шума, слишком яркие огни. Хотя, всё же она завела много новых друзей. Особенно тигрице полюбилась милая старая леди.

Когда фургон отъезжал, тигрица напоследок выглянула в зарешечённое окошко и помахала всем лапой на прощание.

– Ещё увидимся, – крикнули в ответ её новые друзья. – Мы будем часто тебя навещать.

Перевод с английского: Олег Кустов

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

Редактор Галина Лазарева

Анастасия Строкина

Прозаик, переводчик, автор книг для детей. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов: премии на лучшее детское произведение «Книгуру», премии «Новая детская книга», премии для переводчиков им. С. Апта и др. Автор книг «Кит плывет на север», «Совиный волк», «Бусина карманного карлика», «Девятая жизнь кота Нельсона», биографий для детей П. Чайковского и Т. Мавриной и др. Член Союза писателей Москвы, Член гильдии «Мастера литературного перевода».

Стихи кота Нельсона

I

Очень это здорово – быть котом:

Можно все откладывать на потом –

На вторую, шестую, восьмую жизнь

Все дела унылые отложить.

А в первой – учиться не хныкать и не просить,

А в третьей – стать кошкой и двадцать котят родить,

В четвертой – греться зимой в подвале и ждать тепла,

В пятой – летать по двору, как пущенная стрела,

В седьмой – не давать прохода другим котам,

В девятой – узнать, наконец, а как же там,

За пределами маленького двора?

И смотреть, смотреть, смотреть на мир

И на других

Глазами – желтыми, как солнечные круги.

II

Белый кораблик

На белой волне.

Белые мысли

Гуляют во мне.

Чайка помашет:
«Приветствую, друг!»
Белые птицы
Летают вокруг.

Белые ночи
И белая грусть:
С кем-то увижусь,
А с кем-то прощусь.

Как хорошо
Побывать на земле
Мальчиком,
Девочкой,
Мухой в смоле,
Вредной соседкой,
Ученым в очках,
Солнечным зайчиком
В чьих-то руках,
Птицей небесной,
Подземным кротом,
Черным, голодным,
Дворовым котом!

Маркуша

У Малой Гнилуши
Ночует Маркуша.
Он вредный, недобрый,
Он звероподобный!
Ни мамы, ни папы,
Не руки, а лапы,
Не ногти, а когти.
И шерстка на локте.
С утра на прогулку
Выходит Маркуша.
Никто в целом мире
Маркуше не нужен.
Идет он, как туча

Осенняя, – хмурый,
Всклокоченный, резкий,
Громадофигурый.
Но только отличникам
И прочим приличникам
Маркуша не виден,
Маркуша не слышен.
Он бродит по улицам,
Городом дышит.
А я подойду к нему:
«Здравствуй, Маркуша!
Я тоже без зонтика!
Ну же – по лужам!»
Промокнем до нитки,
До волосинки,
До тонкой шерстинки
И вместе пойдем
Вдоль незримой Неглинки.
И будем мы хмурыми,
Будем угрюмыми,
Немногословами
И многодумами,
Пройдем по туннелю –
Подземными реками,
На башню поднимемся –
Над человеками.
Нам кот бесприютный
Покажет задворки:
И шаг его – рыский,
И глаз его – зоркий.
Нам дрозд черноперый
Расскажет такое,
Что мы непременно
Лишимся покоя!
Я злостный прогульщик
И троечник лютый,
Но я дорожу
Сокровенной минутой,
Когда я стою

На вершине в Крылатском,
И луч прорезается
Острый, как лацкан,
И тучи расходятся
В дальние дали,
И смотрят на северо-запад
Сандалии,
И рядом стоит
Молчаливый Маркуша.
Маркуша ночует
У Малой Гнилуши.

Сова внутри

На Краснопрудной улице
В квартире номер два
Живет одна – одна живет
Ушастая Сова.
Расправит крылья и летит
Со стула на кровать,
Попросит соли иногда
В квартире номер пять,
Ведь иногда готовит суп
Из молодых мышей,
И запах супа не унять
Все восемь этажей.
Ведь иногда все этажи
Сливаются в один –
И нет ни стен, ни потолков,
Ни шума, ни витрин.
Все потому, что иногда
Большой кирпичный дом
Идет в Сокольники гулять,
Дышать осенним днем:
Откроет дом свое окно
И впустит поздний лист,
Синицу-желтое-перо,
А с ней – синичий свист,
И запах дождевой земли,

И первый снег, и луч,
И будет в доме хвойный лес,
И будет лес дремуч,
Все потому, что иногда
Внутри живет Сова.
Внутри тебя, внутри меня,
В квартире номер два.

По Африке желтой
Слониха идет:
«Тяжел ты, тяжел ты,
Мой круглый живот.
Но скоро слоненок
Родится на свет,
Потянет спросонок
Некрепкий хребет
И розовым ухом
Взмахнет, как крылом,
Ни травам, ни мухам
Еще не знаком,
Ни снов, ни дорог нет
В его чистоте.
И кисточка дрогнет
На длинном хвосте».

Маленькая

Мир ещё не открыт, не знаком.
Камни в реку бросая, босая,
ты стоишь,
И травинка кося
Под зелёным склонилась жуком,
И плывут золотистые стаи
Над землей, на которой стоишь.
Солнце в шляпе и рядом летает
Полевая крылатая мышь.

Сестре

Я б устроила мир
так, чтобы все сидели
на верхушках
самых высоких елей
и только махали друг дружке:
утром – зелёными шляпами,
по вечерам – фонариками.
«Как ты?» – махала бы я сестре.
«Хорошо!» – отвечала б она.
И так всё время.
До конца времён.

Рождение Цикады

Прозрачнокрылая Цикада,
я рада
тебе
и песне твоей
я рада

кран-кран-кран
кран-кран-кран

так долго маялась под землёй,
тепла, как радости, ожидала.
Июнь - и сбросила покрывало,
окрепла, взрослой цикадой стала -
короткоусая, пой!
И пой как надо:
есть тридцать дней у тебя, Цикада

кран-кран-кран
кран-кран-кран

Куплеты Волколиса

I

Я сижу на горе,
На вершине лесной.
А вокруг – чья-то жизнь,
Чей-то дом за спиной,
Кто-то – тише воды –
Притаился и – хлоп!
Кто-то множит следы,
Или когтем скребет,
Или в клюв крючковатый
Личинку кладет.
А кто-то – и вовсе клоп.

Только я не боюсь чужих когтей:
У меня и свои –
Преострые
Да предлинные!

II

Подо мной на горе
Зажелтели цветы,
Под цветами в земле
Поселились кроты,
Под кротоми –
Страна темноты.
И молчит подо мной
Непроглядная тьма.
Только тьмы не боюсь –
Пусть боится сама!
Потому что у меня
Вот такое зрение!
Вот такой нюх!
И еще – скоростные лапы!

III

У подножья – река,
Неспокойная – жуть,

Я ее успокою
Хотя бы чуть-чуть,
Я скажу ей: «Река!
Ты же с рыбой живешь!
Ты же рыбу несешь
На холодных руках!
Ни к чему эта рябь,
Эта зябь, эта зыбь –
Пусть спокойно
Плывет в тебе
Разная рыба!
Посмотри, я сижу –
Хвост красивый какой!
Вот и ты не тревожься –
Будь мудрой
Рекой!»

IV

Я сижу на горе,
На вершине лесной,
Надо мной – турухтан,
Самолет надо мной.
В теле птицы
Одно только бьется –
Тук-тук,
Сто сердец в самолете,
Двести радостных рук!
Двести глаз наблюдают,
Как летит турухтан,
Как сверкает внизу
Травяной океан.
Самолет-самолет,
Я б с тобой улетел,
Только здесь, самолет,
Столько дел!
Если я улечу,
Кто же вместо меня
Будет чутко следить
За движением дня?

Кто же будет смотреть
На закатную нить,
Кто же будет тогда
Эту гору любить,
Этот солнечный лес,
Этот лиственный блеск,
Этот добрый и злой
Когтелапый народ,
И цветы на земле,
И крота под землей,
Неспокойную реку
И брод,
И большую пчелу
В перепутьях травы,
И будущий
Горький
Мед –
Потому что
Кто же мы без любви?
Что же мы без любви? –
Камень на чьем-то пути.
Так что лети, самолет,
Лети, самолет,
Лети.

АЛЕНА БАБАНСКАЯ

Родилась в г. Кашире Московской области. Окончила филологический факультет МГПУ им. Ленина. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Волга» и др. Лауреат международного интернет-конкурса «Согласование времен»-2011, лауреат международного конкурса «Эмигрантская Лира»-2018, финалист международного конкурса «Бежин луг»-2019, спецприз «Антоновка 40+» 2020, финалист Кубка издательства «СТУХИ» 2020 г. и др. Автор книг стихотворений «Письма из Лукоморья», (М. Водолей, 2013), «Акустика», (М. Арт Хаус Медиа, 2019), «Звуки все наперечет» (М., издательство «СТУХИ», 2020 г.). Живёт в Москве. Член Союза российских писателей с 2020 г.

Океан

Океан - настолько много,
Не увидишь, где же край.
Ты его рукой потрогай,
На песочке поиграй.
Он клешней помашет крабьей,
И не мучает тоска:
У него внутри кораблик,
И креветки, и треска.
Он откусывает скалы,
Поглощает города.
Я вчера его ласкала,
Как бездомного кота.

Морской конек

Однажды к нам на огонек
Приплыл один морской конек,
Возник – как будто бы из пены.
Конька мы угостили сеном.

А он лишь куцей гривой тряс,
И не в восторге был от нас.
С едой, увы, тяжелый выбор,
Когда ты конь, но все же рыба.

Попутчик

У рыжей собаки - большая душа.
Она поднимается в небо, как шар.
Короткий не держит её поводок.
Ей нужен попутчик - воздушный ходок.
Чтоб в тучах бродить, над землёй нависать,
Чтоб рыжую спину и ухо чесать.
Чтоб вместе спешить через холод и мрак
К созвездию Псов и бродячих собак.

Гигиеническое

Мойте руки перед котом,
А не потом!
Кот ведь недавно вылизал шерсть
Раз пять или шесть.
Шубу не пачкайте пышную зря
Прихоти для!

Королева

Какое распрекрасное животное!
Пушистое, когтистое, зевотное!
Широкое, как море разлитое -
Ленивое, счастливое, диванное,
Желанное для глажки и для тисканья,
Короче, королева между кисками!

Туча

Заходит туча тучная
В калошах и пальто
Она такая скучная,

Как будто съела что.
Вся вымазана сажею,
Не мылась целый год.
И мы боимся с Сашею,
Но мы: помойся! – скажем ей.
И сразу дождь пойдет.

В садик

То берёзка, то рябина,
Стрекотание дождя.
Стала мама нелюбимой,
В садик за руку вода
Потому что шапка жала,
Да и в садике тоска.
Так ору я – маму жалко –
Бьётся жилка у виска.

Дарья Герасимова

Кандидат искусствоведения, также пишет взрослые и детские стихи и сказки. За одну из своих первых книг – сборник детских стихов «Крокодиловая роща» получила премию «Алые паруса», а с одной из последних, книгой «Азбука. Игра в слова», стала лауреатом Всероссийского конкурса книжной иллюстрации «Образ книги» в

номинации «Авторская книга».

Живет в Подмоскowie, выращивает детей, котов, собак и маленькую черепашку.

Лисья прогулка

В шапке с лисьими ушами
Я по городу иду,
Мимо сада с малышами,
Мимо уток на пруду.
Слышу ветер,
Слышу листья,
Звон и смех издалека,
И моя походка лисья
Осторожна и легка.

Под огромною луною
Город выцвел и раскис,
И шагает вслед за мною
Мой весёлый папа-лис.

В рыжей куртке он, конечно,
С чем-то нужным в рюкзаке;
Мы шагаем вдаль беспечно,
Отражаемся в реке,
Между сонными домами,
Там, где синие кусты,

И плывут во тьме за нами
Невесомые хвосты!

Воллемия

Воллемия плавно качала ветвями
Над лесом зелёным,
Над белыми пнями.

Вокруг динозавры бродили, рычали,
Парил птеродактиль вдали
Без печали.

Лениво дышали большие вулканы,
менялись долины, моря, океаны,
И двигались горы, и лава текла -
Воллемия тихо, спокойно росла.

Ведь должен хоть кто-то
В кипении дней
Расти, поднимаясь
От старых корней!

Мама крокодила

Я кормила
Крокодила
Возле яблони в саду,
А потом
Из лейки мыла,

А теперь
Домой веду.

Мимо клумбы и ведра.
Спать ему давно пора!

Крокодил
Сопит уныло,

Ничего,
Поспит чуть-чуть,
Мне,
Как маме крокодила,
Тоже нужно
Отдохнуть!

Человек везёт акулу

Человек везёт акулу,
Крепко сжав ее рукой.
К ней в метро,
Под скрип вагонов,
Прижимается щекой.

И в автобусе вечернем
Обнимает у окна,
Шепчет:
– Ты теперь, акула,
В этом мире не одна!

Гладит медленно и нежно
Он акулий серый бок.

И как будто нету в мире –
Ни печалей,
Ни тревог!

Облако внутри

Я леплю снеговиков
Из упавших облаков,
Приземлившись вчера
В центре нашего двора.

Снеговик один
С метёлкой,
Снеговик другой –
За ёлкой,

С волосами-ветками
Темными и редкими.
Третий – толстый, в колпаке,
Держит варежку в руке.

Вот они стоят, смотри,
В каждом – облако внутри!

Я везу на санках пса

Я везу на санках пса
Через тёмные леса,
Мимо лавок,
Фонарей,
Всех подъездов и дверей.
Мимо самых белых гор,
Через весь огромный двор!

Пёс со мной играл в снегу,
Звонко лаял на бегу,
Но замёрз,
Устал гулять,
Хвост его устал вилять,
И приходится самой
Пса теперь везти домой!

Новогоднее

Скачет кот,
Тыгдык-тыгдык,
Мимо стульев,
Мимо книг,
Вдоль дивана,
По ковру,
Хвост пушится
На ветру,
Вдоль цветов на полке –
К новогодней ёлке!

Мчится кот
Тыгдык-тыгдык,
И на ёлку с пола –
Прыг!

Что-то кусь,
Чем-то хрусть,
Уходи из дома
Грусть!

По еловым веткам кот
Переходит
В новый год!

Елена Липатова

Автор одиннадцати книг стихов и прозы для детей и подростков, лауреат Премии Маршака-2015 (номинация «Поэзия для детей»), победитель конкурса имени Михалкова-2018 (повесть «Миллион за теорему»), лонг-лист конкурса «Книгуру-2019». Автор книги пересказов малоизвестных в России детских стихов американских и английских поэтов (издательство «Октопус»). Книга стихов для подростков «Дождь своими словами. Стихи-подростки» стала финалистом первого конкурса Корнея Чуковского-2000. По сценарию, в основу которого легла эта книга, поставлен спектакль в Театре юного зрителя (г. Алдан, Республика Саха (Якутия). В настоящее время Елена проживает в США, штат Массачусетс.

Желание

У соседа есть дома собака!
Вот такая
 большая собака!
Мы вчера с ней играли полдня!..

Раз нельзя подарить МНЕ собаку,
Подарите собаке МЕНЯ.

Дождёнок

«Ну что за ребёнок!
Одно наказание!..
Сказали тебе:
Пойдёшь над Казанью!» –

Ворчала Дождиха,
Вращая глазами. –
«В Казани дожди –
Подожди до Казани!»

Прогулка

Под зонтиком Шляпа гуляла,
Под дождиком Зонтик гулял.

– Я – Шляпа! –

Шляпа сказала.

– Я – Зонтик! –

Зонтик сказал.

– Я где-то Вас раньше встречала...

– И я Вас где-то встречал...

– Я рада, –

Шляпа сказала.

– Я тоже... –

Зонтик сказал.

Под зонтиком Шляпа гуляла,
Под дождиком Зонтик гулял...

– Мы с Вами знакомы так мало!.. –

Застенчиво Зонтик сказал.

– Мы с Вами знакомы так мало,

Но, кажется, дружим сто лет!

– Спасибо, –

Шляпа сказала. –

Вам очень к лицу Ваш цвет.

Вы так хорошо говорите!

Но, кажется, дождь перестал

И Вы, наверно, спешите?..

– Ах, что Вы!.. –

Зонтик сказал.

Под зонтиком Шляпа гуляла,

Под дождиком Зонтик вздыхал...

– До встречи, –

Шляпа сказала.

– До дождика, – Зонтик сказал.

Песенка про длинные усы

Жил да был один усатый –
У с а ч е н н ы й человек,
Он усами так гордился,
Что не брился целый век!

По усам, как по канату,
Он взбирался на чердак,
На усах сушил рубашки,
А случалось – и пиджак!

Он усами укрывался,
Если в доме был сквозняк.
Он усами отбивался
От гусей и от собак!

На усах, как на качелях,
Он любил качать детей.
Он ловил усами рыбу,
Если не было сетей!

А в хорошую погоду
Выходил он на бульвар,
Привязав к усам собаку
И БОЛЬШОЙ воздушный шар!

Зонтичная дама

Хлопнула калитка,
Распахнулась рама –
К нам в окно влетела
Зонтичная Дама.
Северные ветры
Вслед за ней влетели!..

Потолки и стены
Разом отсырели.

Холодом пахнуло,
Стонет дверь скрипуче...
Потолок и лампу
Затянули тучи.
Облако периной
Развалилось в ванной!

Дама улыбнулась
Сыро и туманно.

Мокрую одежду
Всю свалила в кучу,
Зонтиком от люстры
Отцепила тучу,
Руки протянула
К тёплой батарее:
– Мне бы чашку чая...
Только поскорее!

– С мёдом и лимоном? –
Прошептала мама.
– Ах, не успеваю!.. –
Простонала дама.

На часы взглянула,
Вскрикнула:
– О боже!..

(Из дырявой тучи
Хлынул дождь в прихожей).

На глазах у дамы
Показались слёзы:
– В Аргентине – ливни,
На Кавказе – грозы...
А ещё – Гаити!
Чили!.. Сан-Франциско!..
Ураган в Гвинее!..
Впрочем, это близко.

...Ноги торопливо
Сунула в галоши,
Зонтиком махнула,
Хлопнула в ладоши,
В спешке натянула
Мокрую панаму...

Ветры подхватили
Зонтичную Даму!

Следом потянулись
Тучи и туманы,
Облако лениво
Выползло из ванны.
Сквозняки калитку
Распахнули шустро!

Из-за туч несмело
Выглянула люстра.

Через час газеты
Хором сообщили:

**УРАГАН В ГВИНЕЕ!
НАВОДНЕНИЕ В ЧИЛИ!!!**

Мы переглянулись,
Вытирая лужи:
Миленькая гостя!..

**А МОГЛО БЫТЬ
ХУЖЕ!**

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
(ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ)

R. Shlimak

Серебряный век продолжается...

О Евгении Витковском (1950 - 2020):

*Фото: Светлана Иванова / архив
Л. Латынина*

3-го февраля 2020 года ушёл из жизни Евгений Витковский – писатель-фантаст, литературовед, поэт и переводчик. Всего месяцы не дожил Евгений Владимирович до своего 70-летия... Предлагаем вниманию читателей эссе поэта, писателя Леонида Латынина из его книги воспоминаний о Евгении Витковском «Вечность, до встречи», которую сейчас готовит к публикации поэт и переводчик Ольга Кольцова.

Вильгельм Шерер

Нашим своеобразным паролем взаимного допущения и попадания во внутренние духовные жилища с Евгением Витковским (далее – ЕВ), как это ни странно, стал именно Вильгельм Шерер. Да, да, тот самый немецкий историк литературы, последователь Конта, Милля и Бокля, пытавшийся создать систему «национальной этики». У меня в библиотеке в годы моих букинистических «мечтаний» оказались два издания его работы по истории литературы. Там были мной для себя открыты имена, которые не попали ни в программу филфака, ни в прочие актуальные читальники. От Генриха фон Фельдеке, Генриха фон Морунгена, Герборта фон Фришлара, Альбрехта фон Гальберштадта, Гуго фон Тримберга, Ганса Розенблюта, Иоганна Рейхлина, Конрада Цельтиса, Фридриха Дедекинда до, скажем, предшественника романтической школы Жана-Поля Рихтера.

Представьте себе, каждое из шереровских имён было не только знакомо

ЕВ, но и каждому он мог дать свою оценку с цитатами и толкованием текста.

Ошеломление закончилось моим счастливым пленением этим «ренессансным» великим интеллектом и талантом.

«Московская нота»

Долгие годы общения (обогащения) и работы (один из результатов – наша книга диалогов «Фонетический шум») привели меня к мысли, что ЕВ и есть само имя одному из направлений продолжения эпохи «Серебряный век», которое в нашем разговоре и было означено: «Московская нота».

Мы сегодня уже можем рассматривать Серебряный век не только в качестве знака определённого периода отечественной литературы начала XX столетия, но и знака определённого эклектичного стиля, семантика которого совпадает с понятием «петербургский стиль русской поэзии начала XX века».

Блок, Ахматова, Цветаева, Белый, Мережковские – одни из его «икон». И когда стало реальностью предсказание «Быть Петербургу пусту» Евдокии Лопухиной (инокини Елены), то и свободная музыка «серебряного петербургского века» после этих наших очередных «великих потрясений» в семнадцатом году и далее по датам уехала, уплыла, убежала, улетела в Европу. Многие поэты, верные традиции Серебряного века, осели в Париже. (Так случилась «Парижская нота».) И выразителем этой «Парижской ноты», несомненно, и одним из главных голосов «серебряного века в изгнании» стал (для меня) Георгий Иванов, впервые в полном объёме изданный ЕВ.

Прошли годы. Свободные голоса эмиграции вернулись в Россию, прежде всего в Москву. В интонации традиционного «петербургского серебряного века» стали заметны, слышимы и узнаваемы интонации «парижского серебряного века в изгнании». Знаки этого нового стиля стали слышимы и видимы в текстах и Липкина, и Лозинского, и Штейнберга, и Липскерова, и Чухонцева, и Самойлова, и Лиснянской, и Тарковского.

И стихи Евгения Витковского своей культурой, феноменальным, даже избыточным словарём, которого не случилось ни у одного из вышеназванных поэтов, естественно и органично вписались в новую традицию «Московской ноты».

Но справедливости ради всё же приведу ответ ЕВ на мои заметки в «Топосе» о «Московской ноте»: «Думаю, XXI век принёс действительно

радикальные перемены: Америке – чёрного президента... ну а нам – слияние нот. Почему нота должна быть одна? В привычной нам гамме их как минимум семь. Можно и двенадцать. Так что это не столько московская нота, сколько всеобщая гамма.

А «Серебряный век» – даже если кто-то фыркает – он всё равно продолжается».

Премия «Серебряный век»

В одном из наших разговоров, по мере того как появлялись новые замечательные книги близких нам авторов, у ЕВ возникла идея учреждения премии «Серебряный век» и издания книг в серии «Сон Серебряного века». Спасибо «Водолею» Евгения Кольчужкина, поддержавшего эту идею.

Строчка из моего старого стихотворения и была предложена ЕВ для названия серии. По его словам – «Серебряный век» был убит «залпом Авроры», а вот «Сон» и сегодня, и всегда надёжно защищён от всех социальных систем и оружий мира.

Вот текст ЕВ «Послесловие к веку» из первой книги серии:

«Кто первым произнёс словосочетание «серебряный век» – нынче уже более-менее установлено <...> но для нас это сейчас не так уж важно.

Скорее важно понять:

а) когда Серебряный век начался,

б) когда он кончился.

Если на первый вопрос хоть и размытый, но всё же есть ответ (между 1895 и 1905 годом), то на второй – сколько специалистов, столько ответов. Вадим Крейд считал, что Серебряный век закончился вместе со штурмом Зимнего дворца. Замечание, что штурмовали не столько Зимний дворец, сколько царские винные погреба (иначе не отделался бы так легко Женский батальон поручика М.Л. Бочкарёвой), Крейд в расчёт не брал, он считал: сменилась власть – сменился век. Что ж, возможна и такая точка зрения.

Нечто подобное формулировала и Ахматова, считавшая времена НЭПа пародией на акмеизм. Ещё чаще концом Серебряного века считают дату смерти самой Ахматовой. Наконец, есть точка зрения, что покуда оставался в живых хоть один поэт, выпустивший авторский поэтический сборник до 1917 года, – Серебряный век пусть в отдельных своих представителях, но продолжал жить. В этом случае датой конца Серебряного века оказывалось начало июля 1991 года (дата смерти С.В. Шервинского): советской власти оставалось доживать около сорока

дней. Наконец, есть и точка зрения Д. Бобышева, что Серебряный век кончился лишь вместе со смертью последнего значительного поэта первой волны русской эмиграции, продолжавшей традиции прекрасной эпохи: в 1996 году, когда в далёкой Флориде скончался Игорь Владимирович Чиннов. Интересно, что эта дата почти совпадает с датой смерти Иосифа Бродского. Можно привести ещё полсотни вариантов даты «кончины» Серебряного века.

Только где его могила? У нас на книжных полках и в компьютерах? Откройте нынешние антологии русской поэзии XX века: какая же мощная у нас была поэзия. Да, её не печатали, да, если печатали, то на Западе, но это не в счёт – и т.д. Но время неумолимо выдавливает из антологий прихвостней эпохи и замещает их истинными поэтами, имена которых никому не были известны тогда, зато теперь – у всех на слуху. Получается, наиболее вероятна такая гипотеза: Серебряный век кончился... только что. А точно он кончился? А может быть, он не кончился? А может быть, слухи о его смерти немного преувеличены?.. Не берусь вынести приговор, век – не забывенная корова из «Ста лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса, на боку которой можно повесить вывеску: «Это – корова, она даёт молоко...» Поэтому, в силу крайней размытости наших определений, позволю себе сделать совершенно еретическое допущение: Серебряный век пока что не кончился и неизвестно, когда кончится.

Отсюда и следует некоторое начинание, родившееся из строчки Леонида Латынина: помимо серии «Малый Серебряный век», в которой выходят книги совсем забытых и почти ничего не издавших поэтов–современников Серебряного века, начать ещё одну серию: «Сон Серебряного века». Это серия для тех, кто не вышел из традиции и кто сам привык назначать дату сегодняшнего дня... Это поэзия сна, которая привиделась Серебряному веку, а ещё вернее – поэзия собственно Серебряного века, который не может окончиться, ибо не исчерпал своего запаса жизненной энергии...»

Премия состоялась в 2008 году. И вышли в этой серии книги лауреатов. Ими стали поэты новой «Московской ноты». Конечно же, и Евгений Витковский – «за двухтомник избранных произведений «Вечный слушатель», вышедший в Москве и Дюссельдорфе двумя изданиями в 2013 и 2014 годах, а также за вклад в изучение поэзии русского Серебряного века и русского зарубежья (подготовка собраний сочинений Г. Иванова, А. Несмелова, И. Елагина и ряда других поэтов первой и второй волн эмиграции)»...

У великих людей нет ни года, ни века жизни, как и нет чисел рождения и смерти, им всем Бог отвёл некую субстанцию времён, где они все вместе помещены для ведения вечных бесед и споров между собой и нами – текстами, мифами, легендами и судьбами. И Евгения Витковского отделяет один шаг не только от Варлама Шаламова или Ивана Гончарова, у которого день рождения 18 июня, но и от Георгия Иванова, Ходасевича, Блока, Гютчева и, наконец, Петрарки и Катулла. С Великим Человеком можно общаться при жизни, пить вино, сидеть за столом, бродить, беседуя, по аллее парка, но живёт он там в отведённом Богом пространстве в полном одиночестве, проводя время в беседах с другими «одиночествами», где совсем не знают,

*Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе.*

А если и пишут о живущих в текущем веке, то так:

*И никому заботы нет,
Что людям дам,
 что ты дала мне,
А люди – на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.*

Им до рождения вынесен приговор – жить в «полном (счастливым) одиночестве», и этот приговор обжалованию не подлежит.

ЛЕОНИД ЛАТЫНИН

В 1964 году окончил филологический факультет МГУ. В 1962-74 годах работал в издательстве «Художественная литература», на радио – в испанской, затем бразильской редакции, и, наконец, в отделе поэзии журнала «Юность».

После 1974 года много времени провёл на русском Севере, занимаясь изучением иконографии и промыслов народного искусства.

В восьмидесятые годы работал над переводами среднеазиатских поэтов. Автор романов «Гримёр и Муза», «Спящий во время жатвы», изданных в Европе и Америке.

Публикация Ольги Кольцовой и Владислава Резвого

О недописанной книге стихов Евгения Витковского «Ладья дураков»:

Евгений Витковский поэтом себя, конечно, считал – и был им, но в свои университетские годы осознал, что быть поэтом советским, толстожурнальным, эстрадным ему не просто не светит – его с души воротит от этакой перспективы. Опускаем огромный период труда на почве литературного перевода (не «с языков народов», не с подстрочников, но с языков европейской культуры – немецкого, английского, нидерландского, французского, португальского, а также весьма редких и экзотических мальтийского, шотландского гэльского) и возвращаемся к той же точке – к поэзии собственной, авторской, к поэзии как таковой. ЕВ начинал как лирик, воспитанный всем Серебряным веком, и здешним, и – в большей степени – зарубежным, ибо именно там, в Зарубежье, сохранялась чистая преемственная линия поэзии – от Антиоха Кантемира, Гавриила Державина, Евгения Боратынского, Федора Тютчева, Иннокентия Анненского.

Но, вернувшись к собственным стихам на седьмом десятке его вот-вот готовый оборваться жизни, ЕВ решил-таки высказаться за все годы молчания. Лирика стала политикой – и наоборот. Его стихи полны аллюзий – и лирических, и исторических, ибо история – чуть более осмысленная и в чем-то политизированная действительность.

И, конечно, кто же не заметит в «Ладье дураков» аллюзии на «Корабль дураков» – фильм Стэнли Крамера, вышедший в 1965 году; кто же не сопоставит ее с еще более ранним прообразом – сатирико-дидактической поэмой Себастьяна Бранта, написанной в XV веке.

Будь ЕВ дано завершить книгу, он наверняка изменил бы и композицию, и аллюзии – перемишировал по-своему и, как водится, поставил бы множество новых вопросов. Но остается читать и угадывать то, что поэт унес с собой.

Стихи Евгения Витковского:

Das Gebet des unter dem Schwarzen Himmel Geborenen

Молитва рожденного под черным небом

Упаси атеиста, могучий Аллах,
от визита на тощий советский мальчишник,

от бесплатной горчицы на грязных столах,
от газеты «Вечорка» за медный семишник.

Упаси от проезда в метро за пятак,
от больных без больниц, от пустых поликлиник,
от повесток на фронт, от учебных атак,
от обеда в столовой за гнутый полтинник.

От гнилых сигарет, от осадка на дне,
от работы за так в инвалидной артели,
от рубля за бутылку вина «Каберне»
и от двух сорока за вино «Ркацители».

От сгорающей лампы за тридцать одну,
от семейных трусов за последнюю трешку,
от игры в домино, в волейбол и в войну,
от решений ЦК и езды на картошку.

От штрафного броска и от сына полка,
от мичуринских слез, от наркомовских дочек,
от УК, ЦСК и от РККА,
от путевки в Артек, от халата в цветочек.

От чужих протезе на крутом вираже,
от селедки в борще, от соседки-кретинки,
от езды на еже и от феи Драже,
от Вивальди, Гуно, Доницетти и Глинки.

От защиты Руси от коварства Оси,
от запрета на внос, от запрета на вынос,
от цены на джерси и посадку в такси,
от чего-нибудь, словом, скорее спаси нас.

...Отзвучал патефон и застыла игла,
разошлись господа и откланялись дамы,
по Коциту ладья дураков уплыла,
увозя реквизит неудавшейся драмы.

Отпуская ковригу по мертвым водам,
съела мякиш эпоха и бросила корки,
утонула в забытом портвейне «Агдам»
и послала империю на три семерки.

Никуда не поспел пресловутый пострел.
Износились кальсоны. Истлела рубашка.
Заколочен лабаз. И шалман прогорел.
И разбрелся конвой. И закрыта шарашка.

P.S. Просьба не цепляться: сам знаю, что «Каберне» стоило рубль
две копейки. Прочее точно.

АПОФЕОЗ ДВАДЦАТЫХ

Как странно размышлять о тех годах,
о серых и голодных городах,
о датах полнолуний и затмений,
о пасюках, скребущихся в душе,
о нá уши навешанной лапше,
о том, что нет ни бога, ни пельменей.

Еще и те, кто был в своем уме,
считали, что вот-вот конец чуме,
что через месяц рухнет сигуранца
и в каждый рот вернется бутерброд,
и обожал читающий народ
Есенина и Менделя Маранца.

Как паутина, ширилась впотьмах
разруха и в сортирах, и в умах,
и думал тот, кто попадал на нары,
что Сан-Томе, и острова Рюкю,
и ливры, и пиастры, и экю
придумали Дюма и Буссенары.

Почти без опасений москвичи
святить носили в церковь куличи,
но черти в Кремль приволокли Уэллса,
исчезли напрочь ситец и поплин,

зато спустился с неба Цеппелин
и Станиславский никуда не делся.

И не припомнить было бы грешно
таксомоторы фабрики «Рено»,
зарплату, сокращаемую вдвое,
игру то в преферанс, то в дурака,
безбожников, стоящих у станка,
и Мэри Пикфорд, спящую в «Савое».

Хранятся там, как мошки в янтаре,
тоска о том, что было при царе,
гвоздем в мозги вбиваемая лажа,
полночные радения в чека,
червонцы, что летели с потолка,
и будущая гибель Эрмитажа.

Искать в те годы было бы вотще
хоть что-то благородное в борще,
но в мире телогреек и авосек
видны доселе и пайковый жмых,
и рыковка, и съезд глухонемых,
и Алексей Турбин, и Лариосик.

Хотя уже кончился перекур,
в ошипанной державе дохлых кур
гремели то Гардель, то чижик-пыжик,
медведицы брели в сосновый бор,
и рос неразбираемый забор
спасающих народ заборных книжек.

Не то что спьяну, а скорей со зла
с трудом сквозь эти годы проползла
ввязавшаяся в действие шутовское
страна детей, забывших про отцов,
империя святых и подлецов,
не ведавшая, что она такое.

АПОФЕОЗ ТРИДЦАТЫХ

Время рухнувших грез и разбитых корыт.
Трепыхаться смешно, возражать бесполезно.
Был с обеих сторон этот тамбур закрыт:
слева – черный огонь, справа – белая бездна.

Превратилась Европа в бухой балаган,
загремела «Челита» на каждой малине,
и загнали в концлагерь румынских цыган,
и прошли олимпийские игры в Берлине.

Обвенчались в рабоче-крестьянском хлеву
всенародный почин и ударная стройка,
меньшинство объявило войну большинству,
запряглась и помчалась особая тройка.

...И всё меньше пролетов, всё больше машин,
и портреты таращатся строго и хмуро,
и отмерена жизнь на советский аршин,
и всё шире советское царство гламура.

И уже не понять – где верхи, где низы,
что-то пеной всплывет, что-то ляжет в осадок,
а в продаже чужук, а в продаже казы,
потому как на мясо пустили лошадок.

Ни кокосов не знает страна, ни папай,
да и небо в алмазах увидит не скоро.
Но зато на экране – Кинг-Конг и Чапай,
и столица ликует, встречая Тагора.

Что паек, что зарплата – полнейший отстой,
и с желудком беда, да и почки в разладе.
Но на каждом прилавке «Ярлык золотой»,
и почти на любом – чернослив в шоколаде.

В колумбарии встал вертикальный погост
для бедняг, не постигших советского блага

угодить в ледяное скопление звезд
Соловков, Колымы и другого Гулага.

И спешит ордена получать хлопкороб,
и в газетах всё гуще клубящийся морок,
и пока что со Сталиным пьет Риббентроп,
и Одесса пока что танцует семь сорок.

Не взывает никто ни к суду, ни стыду,
всё равно никому не понять ни бельмеса
в той стране, что бедой погоняет беду
и хрустит под железной пятой Ахиллеса.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Особенно популярен в Большом театре
стрелковый спорт. В 1939 году здесь было
подготовлено 315 ворошиловских стрелков. <...>
Артистка балета тов. Ларионова готовится стать
снайпером. Артистка балета тов. Головкина
владеет пулеметом.

*Газета «Московский большевик»,
16 января 1940 г.*

Глаза поневоле в былое глядят,
туда, где обычным порядком
танцует четверка борзых лебедят
и тяжело плясать лебедяткам.

Таращится вождь на девичий квартет
и плачет слезой крокодилей:
устал он от этих дежурных Одетт,
устал от дежурных Одиллий.

Но сможет утешиться строгий судья,
его пригласят на смотрины:
четыре вольны, четыре ружья
возьмут на плечо балерины.

Народу оформили волчий билет,
его обобрали до нитки,

но лучший на свете советский балет
умеет стрелять из зенитки.

Последний доела страна сахарин,
в сусеках – ни ржи, ни пшеницы,
однако стоит миллион балерин
на страже советской границы.

Немало в советской стране ППШ,
снарядов, гранат и шрапнелей,
и к цели высокой летят антраша
Офелий, Жизелей, Коппелий.

Короче, глядите сюда, господа,
недолго вам нынче резвиться:
готовься, Европа, сдаваться, когда
винтовку возьмет плясовица.

Бормочут лакеи, пророчат беду –
ему сей предмет фиолетов,
уверен султан: в сорок первом году
надежна защита Советов.

Eine Woche vor Beginn. 23 августа 1939

Недолет, перелет, – будто рыба об лед.
Обходные пути и запретные тропы.
Так садись же, товарищ, в сундук-самолет,
поглядим на несчастную карту Европы.

И плевать бы на то, что «не пойман – не вор»,
и ушли времена катапульта и онагров,
но печаль не о том, что готов договор,
а что в том договоре секретный параграф.

Под завязку набит европейский овин.
В нем до срока лежат, не всерьез, понарошку,
много разных Албаний, Судет, Буковин,
из которых сегодня сготовят окрошку.

Подмахнули, сглотнули, отправились в путь,
благо, наш бронепоезд всегда наготове.
В огороде – морковь, а в Финляндии – ртуть,
ртуть, которая много дороже моркови.

Не война и не мир, всё пошло кувырком.
Сосчитали ворон и блоху подковали.
Через год с небольшим толстомордый нарком
побывает на пьянке в берлинском подвале.

Выдаст бог, а свинья обязательно съест,
непременно достанется что-то кому-то,
и с сомнением глядят полумесяц и крест,
как от страха дрожат Гибралтар и Сеута.

То ли волчий оскал, то ли рот до ушей,
то ли гневный протест, то ли писк подхалима,
и цветами встречает толпа латышей
краснозвездные танки великого Клим.

Свистопляска, бардак, ералаш, переляк,
предержавшие власти и страсти-мордасти,
и с могучим германцем надменный поляк
разгрызают соседа на мелкие части.

Всё готово, и всё совершится само.
Парни к схватке готовы, и каждый не промах:
и в баварской берлоге засевшее чмо,
и такое же чмо в подмосковных хором.

И конец и начало в грядущем году,
и вот-вот разлетятся трухлявые сходни,
и слепой летописец запишет в бреду:
день восьмой, Anno Domini, лето Господне.

ТОВАРИЩИ, ГРАЖДАНЕ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ

Господь располагал. А он предполагал,
что, сколько ни меси, вовек не скиснет тесто.

Он другу вверился, однако друг солгал.
Вождь выступать не мог. Вождь ожидал ареста.

Империю трясло с подклети до стропил,
в ней каждый в драку лез, не соблюдая правил.
Он тискал микрофон и дважды воду пил,
он лыка не вязал, мычал и шепелявил.

Он мог бы всё списать на черный год Змеи,
он мог бы обвинить двуглавую пичугу.
Но он пошел стирать подштанники свои,
когда с трудом толкнул по радио речугу.

А бомбы падали, а он сидел в метро,
плевался и шипел, империю профукав,
и приказаний ждал кагал политбюро,
и Молотов раскис, и горько плакал Жуков.

Поди-ка отыщи причину неудач,
с кем ни советуйся – опять начнутся басни.
Вождь рад бы спрятаться в свои семнадцать дач,
но вычислить не мог, какая безопасней.

И всё – не по нутру, и всё – не ко двору.
Забвенья не найдет, кто не желает водки.
Вождь бредил наяву, глотая хванчку, и в ужасе читал очередные сводки.

...А голод поглощал страну за пядью пядь,
рабам империи веля зубами клацать:
картошка стоила зимою тридцать пять,
а кружка молока зашла ценой за двадцать.

Народ безмолвствует, лишь матюги висят,
беда великая у русского народа:
пол-литра стоила тринадцать пятьдесят
и стала тридцать три всего через полгода.

Когда за здоровье, когда за упокой,
когда вполне всерьез, когда и просто пофиг,
за шиворот страну держа сухой рукой,
в ее нутро бухло вливал рябой дистрофик.

Надвинув набекрень присвоенный венец
и самого себя считая за провидца,
вождь не учел того, что будет и конец,
как долго эдакой веревочке ни виться.

И больше трубки нет в прокуренных зубах,
допита хванчкара, и кровь застыла в жилах,
и двойники его хихикают в гробах
насчет того, что он не сильно пережил их.

CLOACA MAXIMA

Шесть немислимых лет, потонувших в дыму.
Замолчала гармошка, затихла гитара,
и Каштанка войною пошла на Муму,
и нацелился Шарик на горло Мухтара.

То не это, а это нисколько не то,
то на горку, а то с косогора под горку,
битва Деда Мороза и деда Пихто
за махорку, касторку и черствую корку.

И не смеют лакеи смотреть на господ,
и не до и не после, а кроме и вместо,
и прогорклый кисель, и кровавый компот,
и гора черепов – будто три Эвереста.

И письма не дождавшись, подох адресат,
и осипли от крика голодные баньши,
и за правое дело ни шагу назад,
и Суэцкий канал утопился в Ла-Манше.

На мизинцах Фемиды танцуют весы,
за воротами эхо шагов командора,

и усы разъяренно шипят на усы,
и швыряются смертью то «Густав», то «Дора».

Загнивают овес, и пшеница, и рис,
и от пыли в глазах и двоится и щиплет,
и в тылу втихаря разворован лендлиз,
и теперь за него ни спасибо, ни выplat.

То ли битва царей, то ли бой упырей,
стервенеют сирены и воют антенны,
отвоеван Неаполь, разбомблен Пирей,
и самими собой захлебнулись Арденны.

Но уже ворвались англичане в Кале,
но у фюрера убыль, нехватка и вычет,
но прокисла похлебка в Курляндском котле,
но парижский петух разъяренно курлычет.

Пораженья поди отличи от побед,
не работает шифр, бесполезна разведка,
это то, для чего и названия нет,
это нечто, чему не нужна этикетка.

Вдохновенные раки свистят на горе.
Отзвучал патефон, пересохло корыто,
и напалм догорает на заднем дворе,
и над лагерем надпись: «до завтра закрыто».

ДЕЛА НА ЗАВТРА

Нет святых – не будет и голгоф.
Пешек нет – не будет и ферзей.
Дела нет владыке до врагов.
Надо срочно истребить друзей.

Временно отставим мужиков.
Временно не трогаем крестьян.
Обнаглел мерзавец Маленков.
Обнаглел мерзавец Микоян.

Не вполне достаточен улов.
Вымпел недостаточно багрян.
Слишком много развелось хохлов.
Слишком много развелось зырян.

Слишком много мерзких образин.
Слишком много дьявольских семян.
Слишком много развелось грузин.
Слишком много развелось армян.

Двадцать лет и одинок, и вдов.
Бродит, словно одинокий лось.
Слишком много развелось жидов.
Слишком много русских развелось.

Надо избавляться от дерьма.
Надо срочно вывернуть карман,
чтоб на каждой улице – тюрьма,
чтоб страна – один сплошной кичман.

Сыплется убогий реквизит.
Нет нигде покоя под луной.
И впотьмах трясется и грозит
он планете челюстью вставной.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВОЖДЯ. 1949

Долгожданные дни Земляного Быка.
Недоверчивый Койпер открыл Нериду.
Лепешинская пляшет в Кремле гопака.
Будапешт раздавил ядовитую гниду.

Разделили Берлин – ну и дело с концом.
Генерал Абакумов пока что при деле.
На Таймыре уран называют свинцом.
Неизвестно за что пострадал Мурадели.

Говорят, что опять в Коста-Рике война,
во Вьетнаме война, в Сомали и в Непале.

Дешевеют мука и конфеты «Весна»,
но при этом они из продажи пропали.

Нганасаны и чукчи оленей пасут.
Сочиняет Лаврентий расстрельные списки.
Самосуд над оркестром творит самосуд.
Дорожают ковры, дешевеют сосиски.

И в руинах живет перекатная голь,
и в палате сыпняк, и брюшной в коридоре,
и не хочет сдаваться великий де Голль,
и обрушился главный собор в Эквадоре.

Не желают цыгане стоять у станков.
Не желают налоги платить молдаване.
И опять на трибуне сплошной Маленков.
И опять на экране сплошной Геловани.

И всё так же рахат, и всё так же лукум,
и всё тот же чечен, и всё та же чеченка,
и всё так же танцует Тамара Ханум,
и всё тот же платочек терзает Шульженко.

Засвистел крысолов в жестяную дуду,
заиграла коза на любимом баяне.
И завыли погибшие души в аду,
и зачали меня в Гудауте по пьяни.

И страна ожидает снижения цен,
и проводит сама же себя на мякине,
и летит погибающий мир в плейстоцен,
роговицу спасая от пепла Бикини.

ТРИ ЯЙЦА ВКРУТУЮ. 1953

Старость, торопливую улитку,
не прогнать метлою из дворца.
Вождь включает в сеть электроплитку,
вождь в кастрюльке варит три яйца.

Поздних лет печальная рутина,
быстро закипает кипяток.

Плохо варит яйца Валентина,
вечно у яиц сырой желток.

Может, всё же рано ставить точку
и рубить не следует сплеча?
Может, зря отправил в одиночку
своего же личного врача?

Балерины вовсе оборзели:
половые чувства бередя,
прыгают нахальные Жизели,
соблазнить пытаются вождя.

В зеркале – смурная образина
сиротины, горького вдовца.
Право, что такое для грузина
три вкрутую сваренных яйца?

Свора недобитков недобита,
сочиняет собственных богов.
В пятьдесят девятом у джигита
больше не останется врагов!

Пусть не смотрят в сторону погоста,
до погоста – не одна верста!
Он дотянет и до девяноста,
он дотянет даже и до ста!

...За окошком снег блестящей ватой
устилает ледяную даль
Варит яйца вождь придурковатый,
на дворе кончается февраль.

ПУБЛИЦИСТИКА,
КРИТИКА

R. Shilovsk

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме, член Союза писателей Израиля, входит в редколлегию одесского альманаха «Моря». Родилась в 1949 г. в Одессе, окончила Одесский университет, работала в Литературном музее и в университетской газете. С 1992 г. в Израиле, живет в Иерусалиме. Автор девяти книг (стихи, эссе, графика, детская книга) и многих журнальных публикаций, участник международных художественных выставок

ХРОНПАС – ХРОНИКА ВРЕМЕНИ

Выступление на творческом вечере Ефима Гаммера в Иерусалимском Общинном доме 30 января 2019 г.

Прозу Ефима Гаммера отличает жанровое разнообразие, что мы видим и в двух его книгах, вышедших в 2018 г. в России с авторской графикой на обложках и с рисунками автора.

О художнике Ефиме Гаммере говорят авторские обложки книг и изданная в России в 2017 г. издательством Бёркхауз, г. Пятигорск, его книга цветной графики из цикла «Иерусалимские фантазии», отмеченная дипломом лауреата международного конкурса «Образ книги» (Москва, 2018) в номинации «Авторская книга».

Об активном участии Ефима Гаммера в современном литературном процессе, кроме его книг и многочисленных публикаций, свидетельствуют номинации и награды актуальных литературных премий, среди них – Бунинская премия, серебряная медаль, Москва, 2008 г.; премия «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007; премия «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2012 году он стал лауреатом (золотая медаль) 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков и дипломантом 4-го международного конкурса имени Алексея Толстого. В 2015 году – дипломантом Германского международного конкурса «Лучшая книга года». Диплома удостоена документальная повесть «В

прицеле – свастика», выпущенная рижским издательством «Лиесма» в далёком 1974 году.

Повесть «В прицеле – свастика» и военные повести Ефима Гаммера из книги «Осужденный на жизнь» вошли в его новую книгу «Приемные дети войны», изданную в московском издательстве «Вече» в 2017 г. Ефим Гаммер печатается в «Литературной газете» и в литературных журналах России, Израиля, США, Латвии, Украины, Германии, Франции, Бельгии, Канады, Дании, Финляндии и других стран, перечислю названия:

«Литературный Иерусалим», «Артикль», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Кольцо А», «Слово\Word», «Новый журнал», «Вестник Европы», «Урал», «Дети Ра», «Приокские зори», «Человек на Земле», «Днепр», «Сибирские огни», «Сура», «День и ночь», «Север», «Квадрига Аполлона», «Дон», «Настоящее время», «Дальний Восток», «Новый берег», «Топос», «Сетевая Словесность», «Студия», «Дерибасовская-Ришельевская», «Мория», «Южное Сияние» и др.

Ефим Гаммер входит в редколлегию израильских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСРАГЕО» и российского журнала «Приокские зори».

Книга «Хронпас» (издательство Бёркхауз, г. Пятигорск, 2018) состоит из трех мозаичных повестей в жанре «повесть ассоциаций». Как писали критики Сергей Костырко в журнале «Новый мир» и Анна Кузнецова в журнале «Знамя» о книгах Ефима Гаммера:

«Романы и повести написаны на материале русско-советской и современной израильской жизни. Излюбленный жанр Гаммера, «повесть ассоциаций», – это «модификация лирической прозы: фрагментарно построенный текст, в котором внешние события – автобиография, история семьи автора – и внутренний мир лирического героя сложно, но естественно переплетаются, выявляя причинно-следственные связи, действующие по невычислимой, но явно ощутимой логике».

А в новом сатирическом романе «Загон отлученных» Ефима Гаммера привлекает традиция фантастического реализма, жанрово близкая социальной фантастике в силу гротеска и абсурдности повседневной жизни, о чем я говорила в одном из интервью с Е.Гаммером в его авторской программе на радио «Голос Израиля – РЭКА».

В 2015 г. в московском издательстве «Водолей» вышла моя книга «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью». В этой книге наряду с историко-литературными статьями, написанными на основе моей диссертации о русско-еврейских писателях Одессы 19-начала 20 вв., за которую я в

2002 г. получила степень доктора философии Еврейского университета в Иерусалиме, напечатаны эссе и интервью, где я представляю современных писателей, живущих в Израиле, в том числе Ефима Гаммера.

В книге имеется целый раздел моих интервью из радиопрограмм Ефима Гаммера (Голос Израиля–РЭКА, Иерусалим).

Приведу фрагмент интервью, напечатанного в этой книге, из авторского радиожурнала Ефима Гаммера «Вечерний калейдоскоп», Голос Израиля–РЭКА, – о популярных литературных Интернет-журналах «Топос» и «Сетевая Словесность»:

«Литературное пародирование юдофобских клише, к которым сегодня уже невозможно серьезно относиться, несмотря на то, что их зловеющий потенциал все еще силен в современном мире, отличает прозу Петра Межурицкого «Женихи и невеста» в «Топосе» и «Ностальгушки» Ефима Гаммера «Занимательное языкознание», опубликованные в «Сетевой Словесности» и в итальянском журнале эмиграции «Другие берега». Надо сказать, что развенчание юдофобских клише характерно не только для сатирической прозы Ефима Гаммера – он много пишет о евреях в Советской армии и в армиях мира, солдатах и офицерах в годы 2-й мировой войны.

А в одесском альманахе иудаики «Мория», в редколлегию которого я вхожу, в 8-м номере напечатан биографический очерк Ефима Гаммера из семейных преданий нескольких поколений его семьи, живших в Одессе в дореволюционные и предвоенные годы.

Возвращаюсь к своему радиоинтервью:

«Абсурд официальной идеологии, заполнявший страницы советских газет, представлен и в иронической прозе Ефима Гаммера, опубликованной в «Топосе» – «Кот с человеческой мордой», а также в «Ностальгушках вокруг газеты» в «Сетевой Словесности».

Хочу добавить, что рассказ Гаммера «Кот с человеческой мордой» развивает традицию фантастического реализма, после гоголевского «Носа» ставшую в русской литературе классической и, при наличии советской и постсоветской косности, надолго актуальной.

Представляю еще одну публикацию, повесть Ефима Гаммера «Танцы на перевернутой пирамиде»:

«Сетевая Словесность» опубликовала вашу объемную повесть с подзаголовком «Проза ассоциаций», в которой звучит эхо двух войн – Второй мировой и Шестидневной, и рассказывается о журналистах и джазменах Риги 60-х годов. В этой повести упомянуты имена

израильтян, начинавших свою журналистскую и писательскую работу в латвийской молодежной газете и представленных сегодня на разных сайтах русского Интернета».

В книге «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» напечатано мое предисловие к сатирическому роману Ефима Гаммера «Засланцы» (М.–Иерусалим: Э. РА, 2005). Неологизм Ефима Гаммера «Засланцы» вошел в русский язык и широко представлен в современной прессе, например «Космические засланцы» в газете «Аргументы и факты».

Роман «Засланцы» с подзаголовком «Обыденная фантастика израильской жизни, она же сатирический роман обстоятельств» был напечатан полностью в литературных журналах «Настоящее время» (Рига) и «Сетевая Словесность» (Петербург), а главы из романа опубликованы в израильском журнале «Артикль» и в украинском журнале «Днепр».

Прочту абзац из моего предисловия:

«Сатирический роман Ефима Гаммера «Засланцы» с рисунками автора публиковался в израильском еженедельнике «Калейдоскоп» с июля по сентябрь 2002 г. Персонажи этой гротескной комической эпопеи – израильские полицейские из новых репатриантов Фоня Непутево-Русский, Гулик Птичкин-Кошкин, лейтенант Шмулик Дарвин, бывшие кадровые офицеры Советской Армии подполковник Васенька и майор Сухопутов, еврейский долгожитель дедушка Ципоркин и другие не менее колоритные фигуры. Блестяще написанный и вызывающий смех в самых неожиданных обстоятельствах роман Ефима Гаммера «Засланцы» стоит в одном ряду с книгами Ярослава Гашека и Владимира Войновича, а его герои являются своеобразными продолжателями литературных подвигов Швейка и солдата Чонкина».

В моей книге также есть фотографии – на стр. 400:

Издатель Эвелина Ракитская и Ефим Гаммер на презентации книги Е.Гаммера «Засланцы» в Иерусалимской русской библиотеке. Фото Беллы Верниковой.

Писатель и журналист Ефим Гаммер ведет авторский радиожурнал «Вечерний калейдоскоп» на радио Голос Израила – РЭКА. Фото Беллы Верниковой

А на стр. 92-93 в эссе «Одесса – Иерусалим. Из дневника писателя» я рассказываю, что в Одессе, куда я приезжала в апреле 2011 г. и встретила со своим приятелем и коллегой журналистом Олегом Губарем, – «мы с Олегом искали дом на Молдаванке по адресу ул. Средняя, 35, где до войны жила семья иерусалимского писателя Ефима Гаммера, и я сфотографировала уже разрушающееся здание, чтобы

подарить фотографии его жильцам, уехавшим оттуда в эвакуацию в 1941 г., после войны попавшим в Ригу вместе с военным заводом, где они работали, и давно уже живущим в Израиле).

Этого дома уже нет – на месте снесенных полуразрушенных домов построены новые здания, так что я вовремя сфотографировала уходящую реальность, остающуюся в нашей памяти. Этой уходящей и уже ушедшей в прошлое реальности посвящены многие книги Ефима Гаммера.

Повести и романы Ефима Гаммера из книг «Тунгуска», «Один на все четыре родины», «Танцы на перевернутой пирамиде» и др., в которые вошли впечатления его журналистской работы в Риге и в сибирском городе Киренске, где он в 1970-е гг. работал в газете «Ленские зори», посвящены той ушедшей жизни, которая в свое время из-за цензурных запретов не нашла выражения в литературе.

Недавно в сети Фейсбук появились отзывы на сибирскую прозу Ефима Гаммера – в связи со снегом, выпавшим в Иерусалиме в середине января, Ефим Гаммер поместил свои фотографии заснеженного Киренска и редакции газеты «Ленские зори», где он работал. Среди друзей Ефима в Фейсбук есть и сын одной из сотрудниц редакции Валерий Лаврушин, живущий в Сибири, – он нашел публикации Гаммера в Интернете и установил с ним контакт, сейчас он поместил там же фото интерьера редакции в Киренске. Вот что пишет Ефим Гаммер в сети Фейсбук 17-18 января 2019 г.:

«В это время, но 45 лет назад. Январь 1974 года. Восточная Сибирь. Город на острове между Леной и Киренгой – Киренск. Здесь я работал журналистом. Летал в командировки по таежным поселкам на самолете. Зимой до минус 40. И ничего...

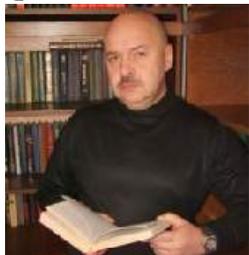
Возвращение в семидесятые. Новый год в Сибири. Беру интервью у Деда Мороза города Киренска. На втором снимке – женская половина редакции газеты «Ленские зори». Справа налево Светлана Гаммер, Матрена Лаврушина. Здесь я нашел уникального героя войны, единственного в мире глухонемого от рождения солдата советской армии Никодима Корзенникова, защитника Ленинграда, «разговорить» его помог Владимир Лаврушин, друг детства Никодима. Так родилась моя документальная повесть «Феномен образца 1941 года». В советское время цензура не пропускала ее в печать. Но в настоящее время она была напечатана в сибирском журнале «День и ночь» – 2006 год, и стала лауреатом премии «Добрая лира» в Санкт-Петербурге – 2007 год. Отдельной книгой еще не вышла. Полагаю, издавать ее надо в России».

В заключение хочу привести еще одну запись Ефима Гаммера в сети Фейсбук, имеющую отношение к нему самому и включенную в мое эссе из новой книги «Немодная сторона улиц», вышедшей в Москве в 2018 г.

Я написала в Фейсбук о книге одесского журналиста и культуролога Евгения Голубовского «Глядя с Большой Арнаутской», которую мне привезли из Одессы побывавшие в родном городе поэты Сусанна и Феликс Гойхман. Комментарий Ефима Гаммера: «Отличная книга. Талантливые люди не подвержены старости».

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ

(род. 1962, Нижний Тагил)

Русский писатель; прозаик и литературный критик. Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте. Был учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных качествах на местном телевидении. «Однако, – как писал Олег Августовский, – в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться, поскольку желание говорить то,

что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату». Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была – «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

Дмитрий Быков назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:

ВОЙНА ВСЕ СПИШЕТ

(З. Прилепин «Некоторые не попадут в ад. Роман-фантазмагория»; М., «АСТ», 2019)

Есть у меня общая черта со Штирлицем: тоже не люблю, когда меня держат за болвана. А Прилепин только этим и занимается; с начала кризиса в Донбассе – вообще с удвоенной силой. Причем не особо это скрывает: «фантазмагория» в подзаголовке – исчерпывающая аттестация нового опуса.

Давеча Леонид Юзефович, заламывая руки, трагическим фальцетом объявил: «Я не в силах ничего сказать об этой книге. Не понимаю, как у людей получается писать на нее рецензии, разбирать ее литературные достоинства и недостатки. В основном, последние, кстати. А какие могут быть недостатки у стога, у крика?» Рад бы присоединиться, да Маркс не позволяет. Если на воплях Видоплясова есть ценник, это уже

продукт, произведенный для продажи, сиречь товар. Со всеми вытекающими.

Теоретически прилепинская фантазмагория – о непризнанной, но гордой ДНР, о настороженном, недружелюбном молчании *«соседней северной страны»*, о геройстве бойцов 4-го разведывательно-штурмового батальона, которые сплошь чудо-богатыри. Окопная, понимаешь, правда.

Военная проза Прилепина всегда выглядела... как бы выразиться помягче?.. ну, пусть будет сомнительно. Но автор по счастью оказался обучаем. В новой книжке не прячут патроны в сапогах и не выбирают снайперов на общем собрании личного состава. На сей раз З.П. отделался малой кровью: всего-то попутал знаки различия со знаками отличия да по-юнармейски обозвал магазин рожком. Ну, еще смастерил из РПГ-7 и СПГ-9 невиданный панцерфауст по кличке РПГ-9. Певец во стане русских воинов, ага. Хотя какой с него спрос? – война все спишет. Тем паче война гибридная, – вот и певец такой же.

И проза на поверку того же свойства, гибридная. Ибо здешние окопы – лишь декорация в театре одного актера. Прилепин, извольте видеть, способен лишь на самолюбование, а на другом топливе, как не раз выяснялось, движок глохнет. «Некоторые» – селфи-сессия, 380 страниц оголтелого нарциссизма: З.П. в очередной раз с азартом пятиклассника предлагает всем желающим письками меряться.

Предупреждаю: даже не думайте. Ведь он – глыба и матерый человечище. Слуга царю, отец солдатам. Если *«наш несчастный неприятель»* (словосочетание повторяется 32 раза, уже не смешно) шамляет по товарищу майору, то исключительно из крупнокалиберных станкачей – КПВТ или СПГ-9. За ним охотятся три снайпера и шесть взрывников. Он – второй по упоминаниям в прессе после главы ДНР и четвертый в списке СБУ на ликвидацию: *«"О, я вешу больше министра обороны", – довольно подумал я. Больше министра МГБ. Больше министра МВД»*. О нем, в числе самых шумных мировых новостей, докладывают императору северной страны. Он принят у всенародного режиссера, столбового дворянина и царедворца. От него сладко млеет жена большого чиновника – знамо, краше Моники Белуччи. Моника, кстати, спрашивала за рюмкой, о чем его книги, – но замполит промолчал: мысленно был с батальоном. Да и хрен с ней, перетопчется. Его называют братом Александр Захарченко, он же Батя, и Эмир Кустурица. Последний со слезой в голосе признается: *«Я всегда хотел быть, как ты. Воин и писатель»*. Тошнит? А то могу продолжить.

Все это очень напоминает фронтовые, с позволения сказать, мемуары моего вечно пьяного деда, отставного армейского сапожника: «Гляжу – генерал в воронке залег жопой кверху. Я его, <censored>, оттудова за грудки: чё, <censored>, разлегся? – поднимай бойцов!» Спасибо, Евгений Николаевич: родным повеяло.

К слову, бухают в «Некоторых» на зависть деду: *«еще семьсот грамм водки, немедленно»; «пили какую-то малоградусную китайскую водку»; «мы много пили, много курили, мало закусывали, и снова пили – водку, конечно», «они пили вино, я водку», «я тоже хлебнул рома из горла», «понемногу пил ракию, запивал вином»* и проч. Вот это забег в ширину. Поневоле почувствуешь себя Терминатором Рэмбовичем с РПГ-9 наперевес. И с Пушкиным на дружеской ноге. В смысле, с донецким рестораном «Пушкин».

Ясен пень, у героя такого масштаба обязан быть антагонист – угадайте, кто? Не Збройні сили України. Не склизкий оппортунист Пушилини. И, само собой, не злобные эксперты, что признали блиндаж замполита бутафорским. Стоит ли размениваться на такую шелупонь? *«Старик Эд»*, вот кто.

К нему З.П. питает сложные чувства: восхищение изрядно выдохлось, а брезгливость еще не набрала нужный градус. Что, впрочем, не мешает походя вытереть об экс-вождя и экс-учителя ноги. Вставное эссе в три с лишним тысячи слов – ликующая антитеза: он воображал себя то лейтенантом, то полковником, – а я натуральный майор! Он воевал в Сербии без году неделю, – а я завис на передке! Власть в его сторону вообще не смотрит, – а мной император интересуется! Он до колумниста скурвился, – а я писатель! И вообще, все, что осталось от Национального Героя, – *«иссохший, желтый, осыпавшийся на сгибах листов: справка об участии в сербских военных формированиях»*. Оле-оле, счет 5:0 в нашу пользу.

Нынче у Прилепина другие идола; во главе пантеона – режиссер-царедворец-бесогон. Пламенный революционер пополам сложился, чтобы смачно чмокнуть барина пониже спины. Вот где фантазмагория – и психологическая, и стилистическая: *«Это был не голос в трубке, а целое представление, которое накрыло меня тут же; вокруг мигают чудесные фонарики, сверкают шутихи... Потом прошло; но сахарок на доньшке остался. Можно накарять и подержать на языке жмурьясь... Мы встретились, обнялись – мне искренне казалось, что меня прижала на миг к могучей груди сразу вся русская аристократия – вернее даже, боярство»*. Новое время – новые песни, сказал еще один классик.

О чем написаны «Некоторые», вы уже поняли. Как – материя не менее любопытная.

Как-то Яна Жемойтелите заметила, что чтение Прилепина странице примерно к 200-й превращается в работу. Мне хватило и половины. Ибо мастерства у товарища майора с тех пор не прибавилось. Зато возник неизбежный спринт: выдать десять листов за месяц, пока не пожелтел мандат о полномочиях, пока не выщела на нем подпись Бати. Кирдык при таких вводных гарантирован.

Войны и политики автору катастрофически не хватает на три сотни страниц – латать прорехи в повествовании приходится любым подручным материалом, вплоть до каталога собственной автомобильной фонотеки, 82 наименования. Хлам этот выглядит по-зоценковски: навалено-наляпано, набросано-разбросано – композиция наука не дворянская.

Текст страдает тяжелой стилистической аритмией: в репортаж то и дело вторгаются опереточного драматизма фиоритуры:

«Верил <в ДНР – А.К.> как в свет собственного детства, как в отца, как в первую любовь, как в любимое стихотворение, как в молитву, которая помогла в страшный час».

«Семья у меня красивая, сыновья ничего так, жена прекрасна, а дочери – вообще не люди, а нечто сотворенное из неги, лазури и цветочной пыльцы. И глаза приделаны к этому».

Насколько знаю, «АСТ» на сей раз приставил к Прилепину аж трех редакторов – видимо, в память о прежних заслугах, достойных пожизненной дисквалификации. А у семи нянек – сами, чай, знаете... Подопечный снова завалил экзамен по стилистике: женил одноклассниц, путал чувственность с чувствительностью, а взгляд с приглядом и называл своих бойцов духовитыми – вот этому верю: на передовой джакузи нет. И под занавес исполнил лихое словесное сальто: *«блистая волооками восточными глазами»*. О-ох... Укроти мя, Господи, яко же молитва укрощает лукаваго!

Перечитал написанное: а кому, в сущности, это надо? В одном из интервью З.П. констатировал: *«Основное количество моих читателей по всей стране – это женщины от 35 лет и старше»*. Аудитория примерно та же, что и у Стаса Михайлова. Таланты ей никуда не уперлись, зато сусальная позолота – в самый раз. Война – универсальная индульгенция: любую фантазмагорию спишет. А панцерфауст советую запатентовать.

ТИМОФЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ

Политтехнолог, писатель, философ. Представляет традицию «деятельностного подхода» в российской мысли, предложенного в первой половине 1950-х Александром Зиновьевым. В 1980 году поступил в МФТИ на факультет общей и

прикладной физики. В 1981 году попал в поле деятельности Георгия Щедровицкого, которого считает своим учителем. Автор сценария известного фильма «Матч».

Метод любви

Заметки о поэзии Владислава Пенькова

Если я говорю языками человеческими и ангельскими...

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», — задав эту знаменитую в кругу русской культуры программную установку, Лев Николаевич внёс свой посильный вклад в поиски формулы любви, что было вполне в духе времени и даже с некоторым опережением последнего. Расщепив любовь на счастье и несчастье, как свет — на частицу и античастицу, Великий Бородач поместил центр тяжести любви в несчастье, назначив именно его ответственным за уникальность, единственность любовного отношения и его участников, и, тем самым, за личность человека. Как и наша физическая вселенная, духовная вселенная в толстовском варианте оказалась значительно тяжелее в одной её части — несчастной. Что больше напоминает банальный эмпирический факт, чем откровение. Страдание, несчастье тем самым представляются (назначаются) куда более богатым лирическим ресурсом, чем утопическое, недостижимое, а потому абстрактное и бессмысленное счастье.

Эта художественная программа была весьма полно реализована русской культурой, благо двадцатый век России (да и мира) предоставил обширный материал. Та же программа определила и не менее широко распространившиеся рефлексивные извращения самой первоначальной установки – любовь к страданию и моду на него, вплоть до извлечения

соответствующей социальной выгоды. Никак не умаляя высоких достоинств и достижений русской эстетики несчастья, а также не пытаясь принизить творчески менее состоятельных адептов этой сферы за избранную ими манеру плата и жалобы, мы не можем, тем не менее, не заметить, что «счастливое сознание» (весьма презрительная квалификация, назначенная адептами несчастья) оказалось пасынком (падчерицей) в доме несчастной любви. Редукция любви к несчастью на финише века обнаружила своё откровенно социальное происхождение – адресаты (пользователи) русской культуры, интенсивно эксплуатирующей толстовскую программу, в конце концов отвернулись не только от самой программы, но и, в значительной степени, от всей построенной на ней культуры, а заодно – и от упивающейся своим несчастьем («несчастьем России») интеллигенции.

Расщепление, анализ, дихотомия – приём научного метода мышления. В его рамках мыслящий принципиально стремится исключить себя из рассмотрения. Он сам – не участник той ситуации («объекта»), который рассматривает. С чего, собственно, Лев Николаевич решил, что может за своих героев решать, кто счастлив, а кто нет? И как обстоит дело с этим у него самого?

Мы не призываем строить философию счастья. В частности потому, что такая работа исторически уже проделана и её результат хорошо известен. Работу сделали политики, люди практического склада – поскольку художники от неё отказались. Представляется, что выход из тупика (а сложившееся социо-культурное положение – именно тупик), возможен, если мы отступим на шаг назад и откажемся от самой дихотомии счастливого/несчастливого, вернув любви её законный онтологический статус – быть основным, единым и неделимым способом человеческого существования, определяющим всё уникальное, неповторимое, единственное («конкретное» сказали бы мы, намекая на ответ тов. К.Марксу), то есть в конечном счёте саму личность человека, не обязанную раскладывать себя по декартовым координатам.

Приняв такую установку любовного ренессанса, можно уловить значение поэзии Владислава Пенькова, приступить к её пониманию, позволить ей оказать на нас столь необходимое *терапевтическое* в первую очередь воздействие. Стихотворение есть результат акта любви (и сам этот акт), направленной на уникальное, одушевлённое, живое –

чем бы оно ни было: другим человеком, страной, ситуацией, положением вещей, картиной красок, форм и света, музыкой и т.д. Любовь первична и безошибочна, она узнаёт саму себя без сомнений и доказательств. Любящий жертвует, а не забирает. Поэтому сам он не лезет в собственное произведение, оно целиком посвящено тому, что любимо (воз-люблено), но создание произведения в этом любовном залоге творит и собственную личность любящего – так что в накладе он не остаётся. Любовь выражается признанием в любви – а признание есть устный жанр, невозможный вне живого голоса, сохранить который в записи и призвана поэзия. Поэтическое выражение охватывает мелодический, ритмический, гармонический спектр голоса, то есть – его музыку, превращает её в интонацию и, далее, в слово.

Всё это мы найдём в стихотворениях Влада Пенькова в избытке. Он не стремился быть счастлив, хотя несомненно был, и, что не менее несомненно, далеко не всегда. Он лишь стремился любить – и любить всё и всех. Любовь у Влада не делится на счастье/несчастье, не нуждается в идеализации любимого, поскольку в идеализации нуждается лишь объект, но никак не живые одушевлённые неповторимые существа.

Такая универсальность творческой воли, воплощающей сущность любви, фундаментальность поэтической установки Влада Пенькова, возвращает нас к Пушкину, с его гармонией против алгебры – прочь от болящего чужой болью Некрасова и даже Достоевского с его аналитическим христианством. Менее всего лирический герой Влада и он сам стремятся быть чьей-либо совестью – кроме своей собственной.

Сидя ночами в таллинской келье советской постройки (фотографии этой комнаты опубликованы в сетевом журнале «Топос»), Трубач, Цас Хаан, человек Из Бургоса направлял любовь не только на своих знакомых, но и на разнообразных исторических персонажей всех времён и народов, их обстоятельства, музыку их времени и время их музыки – и все они становились живыми людьми. Такими мы их и находим в стихах Влада – в нераздельном единстве с друзьями и возлюбленными поэта, данными ему в спутники на земном пути. Обширная переписка поэта содержит то нелинейное понимание жизни человеческого рода, которым наградила Влада «отдача» от его собственных произведений и процесса их создания. Со временем эпистолярное наследие Пенькова должно найти дорогу к публикации и комментарию, обогатив наши представления о

собственной и мировой истории в их связи с литературой, поэзией, музыкой, искусством.

Предлагаемая вниманию читателей подборка стихотворений основана исключительно на финальном этапе жизни и творчества Владислава Пенькова, а именно с 9-го марта по 1-е сентября 2020 года. Поэт ушёл из жизни, сочинив стихотворение утром своего последнего земного дня. Сейчас было бы преждевременным разбирать предметные свойства поэтической материи его вселенной. Сначала нужно опубликовать и внимательно прочитать и перечитать его работы. Конечно, они доступны в сети, но поэт достоин как избранного, так и полного собраний сочинений.

Апостолицы

Когда из полумрака
не увидеть зари,
тогда стихами Марка
с собою говори.

Среди всех Истин Света
веду я разговор
не с тем, кто сигарета,
а с тем, кто Беломор.

Чей дым так крут и едок,
что я ещё живу,
и вижу я соседок,
сгребаящих листву.

Костёр листвы осенней,
костёр сухой травы –
он тоже собеседник,
и с первой же главы

вдувает в ноздри крепкий
быдляцкий дух почти.
Стоят вокруг соседки
и говорят – Прочти

нам то, о чём ты знаешь,
чем выбил слёзы ты,
зачем так нежно таешь,
достигнув высоты.

Ведь ты мужик какой-то,
а надо же, браток,
удел твой не попойка,
чего-то там глоток

мы делаем из дыма,
и плачем, ты не скрыл,
что вроде херувима
кленовый шестикрыл.

У нас мужья и дети,
и внуки у дитят.
А ты нам тут ответил,
что Кто-то был распят,

что растоптал он ноги,
ходя в сухой пыли.
В ментовку по тревоге
Бродягу замели.

Был перед этим ужин,
потом тот самый крест.
Всегда ругаюсь с мужем –
то сымет, то надест.

История, сказёнки!
Легенды, тетя Дусь!
А знаете, бабёнки,
а я туда вернусь!

Я помню утром белым
и юношу седым.
Забыли мы про дело,
стоим, не говорим.

А он простёр к нам руку,
и потекли у нас,
не как текут от луку,
все слёзоньки из глаз.

Был свет. Благоуханье.
И всё – другое там.
Жила бы баба Таня,
то подтвердила б вам,

что в праздник космонавта,
мы были далеки,
ну, помнишь, в день тот лавка
сгорела у реки.

И занялись свечами
берёзки от жары,
но тучи куличами
спускались во дворы.

А ему и говорят

Р. Г.

Пути, пути, пути
на север, юг, на запад.
Особенно к шести
особенный здесь запах.

Дымков, мазута, шпал.
И тамбурного смога.
Я всю дорогу спал.
Закончилась дорога.

И что там – рай ли, ад –
всё будет слишком мало,
когда был Ленинград
и путь к его вокзалу,

вагоны, грохот, груз,
снежинок первых перхоть,

как волосы Медуз
сплетенья рельсов сверху.

Снежинки тают на
медузьях чёрных змеях.
Смотрю я из окна,
препятствовать не смея

ни боли в сердце, ни
предутреннему стону
идущих на огни
трепещущих вагонов.

Они трепещут как?
Как женщины и дети.
Ноябрь. Полумрак.
Конечный пункт в билете.

Персонаж

Хорошо быть персонажем
на рисунке или в книжке.
Не у взрослого, а скажем,
у ребёнка. У мальчишки.

Хорошо, что мальчик этот,
чтоб ты выглядел отважно
дал тебе по пистолету
в каждой рученьке бумажной.

Дал усы тебе в полметра
и широкий алый пояс,
не укрыл тебя от ветра,
о штормах не беспокоясь.

Звёзды в небе. В небе звёзды
вроде вишен, слив, азалий.
Вдаль матросы смотрят в гнёздах,
постепенно замерзая.

Покрываясь льдистой тонкой
коркой под мотив Борея.
На рисунке у ребёнка
мне теплей висеть на рее.

Промежуток

Рэгги для Р. и Н.

Откажись от всего, – говорят. – Миражи
всё вокруг. Всё туман изначально.
Почему тогда слышу – Скорей отвяжи
лодку смерти от жизни причала.

По туманной реке плыть с утра хорошо.
Пролетают и крикают утки.
И утиную песню я слышу душой
в этом – позднем уже – промежутке.

Что поётся – не знаю. Узнаю потом.
Но свобода в той песне такая,
что подпеть я спешу человеческим ртом,
этой песне во всём потакая.

И наверное, тот, кто услышит, что "кря!"
издаю я, решит, что немного
мне осталось ума.
И пускай! Сентября
серебрится в тумане дорога.

И бездушные души летят надо мной.
Нет на них ни Матфея, ни Марка.
Только Чья-то ладонь, притворившись луной,
сберегла глубину лесопарка.

Синее

Наташе

Сквозняк, сквозняк, скажи – откуда
ты колыбельную принёс.
Там пахнет варевом посуда?
Брехливый засыпает пёс

в жаре бескрайней и песчаной?
И только наглая оса
одна не выглядит печальной,
жужжа в медовых волосах?

Её напевы и укусы
не помешают спать в жару.
Сок липнет к синему бурнусу,
сдирают пальцы кожуру,

и сон внутри широк и сладок,
и смотрит синее зерно
из синих-синих спящих складок,
из не уснувших всё равно.

Нет, не красотками с зализанных картинок

Красотки тех времён – сплошной отпад,
и вот, у магазинного барьера
в глаза мои посмотрит сущий ад
глазницами Любовницы Бодлера.

Скажу я ей – колбаски заверни,
а от неё чуть пахнет дикой розой,
другую красотой Гаварни
питался – не поэзией, а прозой.

Она швырнёт покупку на весы.
Все покупатели – и я – все сплошь – скотины.
Куплю и выйду – отблеск полосы
закатной чуть нежнее гильотины.

А в магазине свет слабей насмешки.
Вольфрамовый исчезнуть день готов,
толкают женщины с капустой тележки,
скрипят тележки, полные голов.

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

Редактор раздела Лев Вайсфельд

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Послевоенный одесский выпуск. До 2000 – Одесса. Сейчас – Нетания, Израиль. Публикации в периодической печати, в альманахах. В 2011 – сборник стихов. В 2006 – Международный конкурс сатириков и юмористов – 1-е место в номинации «Афоризмы».

Да я не сплю! Окно всегда открыто.
Стекает вечер с ржавых скатов крыш
В разбитое старушечье корыто.
А я живу, живучий, как спорыш.
Топчи меня, срезай под самый корень –
Я прорасту из самых сорных мест.
Желаниям податлив и покорен,
Хочу тебя сожрать в один присест.
В смурное небо вглядываясь пылко,
Стараюсь распознать твой силуэт
На бледной глади лунного обмылка.
Но там его не видно. Или нет.

Патриозротические стихи

(Совместное творение Натальи Резник и Льва Вайсфельда)

Она с супругом выделась несмело
Раз в двадцать лет, страдая за страну.
О, сколько в жизни я мужчин имела
За Штирлица несчастную жену!

За жен других разведчиков нередко
Любовь бесплатно мне пришлось мутить.
Родимая советская разведка
Должна была б мне пенсию платить.

Я начинала новую интрижку
В мечтах о пенсионном платеже.
Я б предъявила трудовую книжку,
Но в ней страницы кончились уже.

Навскидку насчитала связей триста...
Конечно же, об этом ни гу-гу!
И на значок почётного чекиста,
Я думаю, рассчитывать могу?

Вам триста мало, сволочи и гады?
Ведь это ж в год, помножьте на года!
Почётного закончились награды?
Так дайте понечётного тогда.

О том, как я старалась вдохновенно,
В архиве есть секретные дела.
Но если быть предельно откровенной,
Я добровольно Штирлицу дала.

Вы можете не верить, вероятно,
Но знает сам товарищ генерал:
Я Штирлицу давала многократно,
А он сопротивлялся и не брал.

Другие тоже как-то не особо
В моей судьбе играть решались роль.
Но чуть не загибались от озноба,
Когда я называла им пароль.

О, предо мной тряслись и трепетали
И, до утра не раз отдавши честь,
Про шкаф славянский что-то бормотали
И отзыв забывали произнести.

По сути тела – та ещё работка:
Я от неё избавиться не прочь.

Кручусь и день, и ночь как идиотка —
Стараюсь бывшей родине помочь,

Саднит спина, больные ноют кости.
Отчизну защищала, как могла.
Пусть напишут на моем погосте:
«Она себя для вас не сберегла».

МИХАИЛ РАБИНОВИЧ

Родился в 1959 году в бывшем Ленинграде. Работал, естественно, инженером. В Нью-Йорке с 1991 года. Работает, конечно, программистом. Рабинович – это псевдоним, но настоящая фамилия тоже Рабинович. Четверть века назад его рассказы стали публиковаться на страницах юмора, а вскоре – и на других страницах печатных изданий нескольких стран. Сейчас таких публикаций – примерно четыреста. Ну, триста девяносто – почти наверняка. Есть – и в толстых журналах, есть и переведенные на английский язык, есть и книга – "Далеко от меня", вышедшая в Нью-Йорке. После сорока начал писать стихи, которые тоже можно прочитать в альманахах, журналах и в сборнике "В свете неясных событий", изданном в Одессе. Широко представлен в Интернете. Участвовал в передачах американских русскоязычных радиостанций и "Эха Москвы".

ДАЛЕКО ОТ МЕНЯ

Такая странная музыка - если аккуратно, чтобы получилось подлиннее, вытащить из тренировочных брюк похожую на червяка резинку, приложить ее близко-близко к уху и указательным пальцем водить по ней сверху вниз - то получится похоже: нежно и беспокойно.

Ровно десять часов утра. Последние известия. Новых трудовых успехов достигли нефтяники Азербайджана. Голос у дикторши мощный, уверенный, радостный. Наверное, она никогда не кашляет.

Я болен и не пошел в школу. Бабушка на кухне. Я слушаю радио. В 10.20 должна начаться передача "Звездочка".

Кто идет? – Мы идем – Дружные ребята. Кто поет? – Мы поем – Ок-тя-бря-та.

А потом один октябренок задорно скажет: "В эфире – звездочка". И добавит чуть с хитринкой: "Наша октябратская звездочка".

Читать мне тяжело, в комнате никого нет, и, если бы не радио, было бы совсем скучно.

Я и сейчас помню – в 10.20, каждый вторник и четверг.

Саша Кудимов из Петрозаводска плохо учился, обижал девочек и, вообще, противопоставил себя коллективу. К концу передачи он понял свои ошибки и встал на путь исправления.

Я был тогда смешной, толстощекий, нервный. В очках. Слушал радио. Сейчас не слушаю.

А Саша Кудимов из Петрозаводска тоже вырос - прошло больше тридцати лет. Вторая жена, трое детей, с женщинами снисходительно-резок, пользуется у них успехом, начал сесть, просыпается иногда в три часа ночи и тоже не может уснуть из-за обычных, простых мыслей.

А потом, в 10.35 – радиоволшебник Николай (забыл отчество) Литвинов. Он рассказывает сказки почти каждый день – его голос я слышал не реже папиного. На комбинате вечно какие-то проблемы.

Крибле-крабле-бумс.

Литвинов так сладостно растягивает гласные, что замирает сердце. Сейчас начнется.

Жили-были...

В нашей квартире жили 37 человек. Люди разных профессий – продавцы овощного отдела, грузчики, разнорабочие, продавцы вино-водочного.

Громадная, с лепным потолком, кухня, и у каждой семьи – свой стол.

На кухне скандалили и даже дрались. (Позавчера Виктор Петрович выбил зуб непрописанному жильцу из комнаты у черного хода. Я видел это, я видел.)

Но было чисто. Потому что строго соблюдался график уборки квартиры.

А в одиннадцать – производственная гимнастика. Ставим ноги на ширину плеч, руки в сторону. Вдохнуууули...

Почему-то всплывает фамилия Гордеев. Наклоны туловищем вниз.. Прямее, прямее. Не сгибайте ноги, не сгибайте. Спина должна быть прямая.

Я не понимал тогда, откуда Гордеев знает, что кто-то ошибается, как он это видит. Радио ведь...

Бабушка возвращается – суп на плите, крышка закрыта плотно. Все равно могут открыть и бросить в кастрюлю какую-нибудь гадость. Бабушка снова идет на кухню.

Недавно дедушка купил "Спидолу". Теперь, когда я сплю, можно слушать

Би-Би-Си. Если я не буду спать в это время, то могу случайно

проговориться. Соседи, оказывается, только этого и ждут. Они – сволочи, не при ребенке будь сказано. Бабушка с соседями с утра до вечера. Тридцать два человека, не считая нас, нужно иметь стальные нервы.

Тридцать два - это особое число.. У взрослого человека тридцать два зуба - до того, как ему выбьют первый. Если выбьют или удалят два - то останется тридцать. Я хорошо считаю, для своего возраста. И уже носит очки, ай-я-яй!

Шейнер-пунем. Можно дать ему шоколадкас?

Я умею настраивать "Спидолу" на третью программу. В 11.30 там всегда какой-нибудь спектакль для детей.

На графских развалинах, вторая часть. Ничего не понятно, но жутко. Рядом, на развалинах, прячется враг. Мой враг. Но все будет хорошо. Третья часть - завтра. Я еще не пойду в школу. Часто болею.

Звонит мама. Все будет хорошо. Горло болит, но меньше. Да, бабушка дала мне лекарство. Она на кухне. Не надо ее звать.

Телефон есть только у нас. Еще один – общий – в середине коридора.

Желающих всегда много, не пробиться. Поэтому ругань. Но в коридоре чисто.

Потому что строго соблюдается график - каждая комната дежурит столько недель, сколько в семье человек.

За меня уже давно убирают, а Витьку только что включили в список – ему исполнилось три месяца. Запах от его пеленок невыносимый, и на кухне, и в коридоре. Она и пеленки не гладит, просты-господи. И отца нет, просты-господи. И пьет, просты-господи.. Просты-господи. Это надо запомнить. Я уже узнал, что-такое женщина-бля. Пьяная женщина, вот что такое. Я понял это по смыслу всего предложения – там, в коридоре. Бабушка тихо разговаривает по телефону, а я все слышу. Я и про Би-Би-Си кое-что услышал и догадался обо всем. Би-Би-Си похоже на Тбилиси.

Тридцать два человека, не считая моих, и ко всем нужны стальные нервы. Да и к моим тоже. Ну ладно, пойду кормить.

Я не хочу, пусть остынет. Еще только 12.30. "В рабочий полдень".

"Болеро" Равеля... Я представляю караван верблюдов, бредущих через пустыню. Однообразный утомительный пейзаж, песок, от солнца болит голова, горло.

Бабушка дает мне лекарство.

– Нет, не выключай, – говорю я . Верблюды ускоряют шаг, теперь легче дышать. Впереди – вода. Мне надо больше пить, чтобы поправиться. И пора обедать.

Я вожу ложкой по тарелке. Верблюды потихоньку исчезают.

Я иду в уборную. В коридоре шепчутся две трезвые соседки. Я разбираю только: "они", "они". Увидев меня, замолкают. Значит, говорили о нас, и тоже не хотят, чтобы я слышал: "Они" – это мы, конечно. А кто "мы" – непонятно.

Телефон, как всегда, занят.

Равель - похоже на Рахиль. Я люблю играть в слова. Я играю сам с собой - знаю, что такое рифма, а недавно придумал новое слово - тенн-денн-ция.

Как будто струна: или резинка от тренировочных брюк - дрын - дрын. А рифмоваться могут совсем непохожие слова - например: слякоть - плакать.

В рабочем полдне теперь песня: "Ну, а за окном - то дождь, то слякоть, что-то там еще и косогор.. Чтобы не пришлось любимой плакать, крепче за баранку держись, шофер".

Может быть, я буду шофером. Хотя вряд ли.

В 13.10 – объявления. Фабрике "Большевичка" требуются шоферы, учетчицы, прядильщицы, мотальщицы...

Я все еще слушаю: в панорамном кинотеатре "Ленинград" новый: засыпаю.

По ленинградской радиотрансляционной сети объявляется перерыв до четырнадцати часов. А потом - смешные звуки – будто икает человек, только не пьяный, а трезвый. Засыпаю.

Но не заснуть – как сейчас, в три часа ночи.

Может быть, я до сих пор не сплю.

А может быть, все это был сон.

Засыпаю.

Хорошо, что я проснулся вовремя ... 15.00. По третьей программе еще один спектакль.

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

Да бросьте: "врач, не врач..." Вы раздевайтесь!

Как вы похожи! Прямо Ленин с Крупской!

Приму-ка я лекарство напоследок...

Хотите пива? Подставляйте водку!

Люблю детей! В хорошем смысле слова.

Я не целуюсь! Это отвлекает.

Какая ночь! Пора предохраняться.

Ты мне знаком. Оденься... Встань... Андрюха!

При слабонервных я не раздеваюсь.

Я замужем. Давно и безответно.

Сегодня дел полно! Во-первых, завтрак...

И в пятый раз... Так я ли всех прекрасней?

МАША РУБИНА

Мария Рубина – поэтесса из Массачусетса, урожденная петербурженка, постоянный автор журналов "Чайка" и "Фонтан", создатель немногочисленных лирических и многочисленных юмористических стихотворений, миниатюр и афоризмов, в том числе беспардонно ушедших в народ.

Золушка и Зощенко

Фёкла Гавриловна утёрла нос веником и начала рассказывать:

– Я, братцы мои, как только родилась – сразу переехала жить к папаше. Мать у меня померла за два года до моего рождения, так что папаша возьми да и женись на другой. Ох, и аристократка была! Глаз у ей золотой, на палочке. Пенсне называется. Чулки из чистого крепжоржета. В общем – фря фрэй. Две дочки у неё были: одна пониже – Танька, другая постарше, тоже Танька. Росли они на всём готовом, и, прямо скажем, никакой революционной сознательности внутри себя не обнаруживали. С утра, бывало, встанут, и идут на свидание с гимназистами. Целый день, значит, гуляют вокруг гимназии, а вечером приходят-борщ попьют из кофейника, да и спать ложатся. Талию берегли. Ну а я дома всю грязную работу делала: то борщ в кофейник налью, то наряды мачехины и сестриц своих перешиваю.

Папаша мой как уходил утром на работу в Промторгстройнахтрах, так только через месяц и возвращался. Не знал он, как меня эти капиталистки экспроприруют.

В общем, работаю я каждый день, сестрицы вокруг гимназии шкандыбают, а мачеха, знай себе, сидит, отдыхает.

И вот как-то зимой заходит к нам сосед-инвалид Баранов. Он у нас в ванной комнату снимал. Голову ему ещё во время Первой Мировой оттяпали, и у него искусственная голова была, из чистого дуба.

Заходит он и говорит:

– Ну что, дуры. Сейчас у финдиректора Петьки Гаврошкина из шестой квартиры пьянка намечается. Приходите-не пожалеете. – Только, – говори – отопление у него не работает, так что одевайтесь, – говорит, – потеплее, чтобы не застудить, так сказать, ваши регалии.

Сестрицы-то мои и мачеха обрадовались, нарядились в свои лучшие полушубки и

валенки, и в шестую квартиру прямиком пошастали.

А я, конечно, сижу и натурально плачу, потому как я круглый год в одном фартуке ходила на голое тело.

Мне его хахаль бывший подарил: Стёпка Федькин. Он санитаром работал. В мертвецкой.

Фартук я этот уж больно берегла: стирала его раз в год на седьмое ноября.

И тут, бац, чувствую – а в окно какое-то рыло лезет и скалится. Присмотрелась-а это дед Фейфан из соседнего дома.

– Иду я, значит, мимо вашего дома, – говорит он мне, – смотрю-окно на тридцать девятом этаже открыто. Дай, думаю, – говорит, – зайду.

– Довольно таки нахально с Вашей стороны, – отвечаю, – по чужим окнам без санкции профкома шастать.

А сама фартук со спины на живот передвигаю, чтобы, значит, деда старого в соблазн не вводить.

Пою я его борщом из кофейника, и на судьбу свою жалуясь. Да слежу, чтобы спиной к деду ненароком не повернуться.

– Бери мои валенки с полушубком, – говорит дед, – от меня не отвалится. – Плевать, – говорит, – я на них хотел. – Только запомни, – говорит, – ровно в двенадцать я протрезвею и домой пойду, иначе супруга моя, ведьма, обещалась превратить меня в кондуктора Ваньку Крысина, так что ты уж одежку-то, мою, – говорит, – верни к этому времени.

– Верну я, верну, – говорю ему радостно, а сама уж и валенки его напяливаю и полушубок вкруг талии три раза оборачиваю.

Оделась я и пошла к Петьке Гаврошкину. А дед Фейфан, значит, так и остался у нас лежать в одном исподнем.

Ну, пришла я к Петьке, а там уже дым коромыслом. Все сидят, козла забивают. Вокруг чисто, культурно. На стене портрет Блока в виде часов висит. На полу – ковёр персидский. Одно слово – интеллигенция недобитая!

А Петька как меня увидел, так и пристал как банный лист.

Не встречал – оворит, – никогда такой красавицы. Если б, – говорит, – ещё физиомордию можно было разглядеть – женился бы не раздумывая. Прямо на ковре, – говорит, – и женился бы.

И на ковёр меня валит, и валенки с меня сымает.

– Уйди, – кричу, – контра меньшевистская! – Не для того, -говорю, -революцию делали, чтобы валенки с баб сымали среди бела дня. Только, – говорю, – напрасно себя утруждаете.

А у самой сердце ” тук-тук, тук-тук”. Влюбилась я, значит, на старости лет.

Да подавитесь Вы своим валенком, – говорит Петька, – дура психованная. – Сдался мне Ваш валенок, – говорит, – у меня свой есть, с калошами.

И тут часы на стенке захрипели, Блок на подставке выехал и говорит: "Ку-ку, товарищи. Двенадцать."

Ой, мамочки, – думаю, – а ведь мне же домой пора, деду Феяфану валенки возвращать. Вскочила я, значит, с ковра, да как рвану к себе на тридцать девятый этаж!

Врываюсь я домой и вижу – опоздала я. Деда нет, а вместо него кондуктор Ванька Крысин на табуретке сидит. Увидел меня и говорит: "Предъявите, дамочка, Ваш билетик."

– Ах ты, – говорю, – живодёр эдакий. – Тоже мне моду взя – билеты у живых людей спрашивать!

И – хрясть, – табуреткой ему по кумполу.

Тут он – бряк! – на пол упал, улёгся и лежит. Не двигается. Притворяется, что спит.

Ну а я на ноги свои посмотрела и вижу – мать честная! Нету одного валенка. У Петьки его оставила! Ну не тащиться же теперь на шестой этаж. Сняла я, значит, с себя полушубок и валенок, фартук на голое тело надела да и спать пошла.

А утром звонок в дверь раздаётся. Открываю я – а там Петька Гаврошкин стоит, и мой валенок в руках держит.

– Вам кого? – спрашиваю. Типа я не я, и валенок не мой.

– Да вот, – говорит Петька, – вчера в гостях у меня одна дамочка была, психованная. Лица не успел разглядеть, но спинным мозгом, – говорит, – чувствовал, что блондинка.

А сам на фартук мой смотрит. А у меня, значит, из кармана вибратор торчит. Мэйд ин ЮЭСЭСАР.

Толку от него, правда, не было никакого. Батарейки в ём в первый же день сели. Зато жужжал исправно, и пар из него иногда валил.

Я его просто так в кармане таскала. Уж больно сентиментальная была.

– Ой, Петюша – отвечаю, – дык это я у тебя была. Бедром эдак из-под фартука покачиваю, а фартук с живота на спину передвигаю, к греху поближе.

Посмотрел он на меня внимательно и вздохнул.

– Ну, с лица не воду пить, – говорит.

Так и поженились.

Вот такая с нами, товарищи, хрень кошачья приключилась.

Только деда Феяфана уж больно жалко. Ну дам сам виноват. Пить надо меньше.

Не по-большевистски это – водку пить.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

СЕМЕН АБРАМОВИЧ.....	4
АНАТОЛИЙ АВРУТИН.....	7
ВЛАДИМИР АЛЕЙНИКОВ.....	12
ЯН БРУШТЕЙН.....	18
ДИНА БЕРЕЗОВСКАЯ.....	24
ИДЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	28
ЮРИЙ ВАЙСМАН.....	34
ДМИТРИЙ ВОЛЖСКИЙ.....	36
ИОСИФ ГАЛЬПЕРИН.....	42
ЮРИЙ ГЛУХОВ.....	48
АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ.....	52
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	58
ИГОРЬ ГУБЕРМАН.....	60
ОЛЬГА ГУЛЯЕВА.....	64
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	67
ЕЛЕНА ДОРОФИЕВСКАЯ.....	69
МАРГАРИТА ЗЕЛЕНСКАЯ.....	73
ФАИНА ЗИЛЬП.....	78
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	83
ЕЛЕНА ИТЕЛЬСОН.....	87
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ.....	92
ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ.....	98
ЛИНА КОСТЕНКО.....	104
НАТАЛЬЯ КРОФТС.....	110
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	113
АЛЕКСАНДР КУШНЕР.....	118
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	123
АЛЕКСАНДР ЛАНИН.....	129
МИЛЕНА МАКАРОВА.....	134
АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК.....	138
БЕРТА МИХАЙЛИЧ.....	143
ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.....	144
ЕЛЕГНА НАИЛЬЕВНА.....	148
ОЛЕГ НИКОФ.....	153
ГЕОРГИЙ ОКЛЕНДСКИЙ.....	158
ПОЛИННА ОРЫНЯНСКАЯ.....	163
АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН.....	167
ПАЛАД.....	173

МАРИЯ ПАСИКА.....	178
АЛЕКСАНДР ПЕТРУШКИН.....	183
ЕВГЕНИЙ ПОПЛАВСКИЙ.....	188
ПОЛИНА ПОТАПОВА.....	191
АЛЕКСАНДР ПУПКИН.....	195
ИРИНА РЕМИЗОВА.....	201
ИРИНА РЫПКА.....	204
ЛЮДМИЛА СВИРСКАЯ.....	210.
ВАЛЕРИЙ СИКОРСКИЙ.....	214
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	219
ВАЛЕНТИНА ЧЕЛОВСКАЯ.....	223
РОБЕРТ ШЛИМАК.....	227
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	232
ВИТА ШТИВЕЛЬМАН.....	238
МИХАИЛ ЯРОВОЙ.....	243

ПЕРЕВОДЫ

АНТОНИНА КАЛИНИНА.....	247
ЮРИЙ ЛЕВИТАНСКИЙ.....	250

ПРОЗА

КОНСТАНТИН БОЯНДИН.....	255
НАУМ ВИНАРСКИЙ.....	269
ИОСИФ ГАЛЬПЕРИН.....	279
ЕФИМ ГАММЕР.....	285
ЕКАТЕРИНА ДАНОВА.....	294
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	298
СЕРГЕЙ ЛАЗО.....	305
ВАДИМ МЕСЯЦ.....	313
ЮЛИЯ СТАРЦЕВА.....	322
ЭРИХ ФОН НЕФФ.....	330

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

АНАСТАСИЯ СТРОКИНА.....	335
АЛЕНА БАБАНСКАЯ.....	344
ДАРЬЯ ГЕРАСИМОВА.....	347
ЕЛЕНА ЛИПАТОВА.....	352

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (Потерянные страницы)

ЛЕОНД ЛАТЫНИН «Памяти Евгения Витковского».....	358
ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ. СТИХИ (публикация Ольги Кольцовой и Владислава Резвина).....	362

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА.....	375
АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	384
ТИМОФНЕЙ СЕРГЕЙЦЕВ(«Памяти Владислава Пенькова».).....	388

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД.....	398
МИХАИЛ РАБИНОВИЧ.....	401
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	405
МАША РУБИНА.....	407

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

ЮРИЙ ВАЙСМАН

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

НАТАЛЬЯ КРОФТС

ВАДИМ МОЛОДЫЙ

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР